

РОБЕРТ
МАКНАМАРА

ПУТЕМ
ОШИБОК-
К
КАТАСТРОФЕ

ОПЫТ
ВЫЖИВАНИЯ
В ПЕРВОМ
ВЕКЕ
ЯДЕРНОЙ
ЭРЫ

РОБЕРТ
МАКНАМАРА

**ПУТЕМ
ОШИБОК—
К КАТАСТРОФЕ**

Опыт выживания
в первом веке
ядерной эры

Наука, 1988

ROBERT
McNAMARA

**BLUNDERING
INTO
DISASTER**

Surviving
the First Century
of the Nuclear Age

Pantheon Books: New-York, 1986

Перевод с английского
канд. ист. наук
А. Антошиной

Предисловие
члена-корреспондента АН СССР
А. Кокошина

© Robert McNamara, 1986

© Перевод на русский язык,
вступительная статья.
Издательство «Наука», 1988

М $\frac{080100000-000}{042(02)-89}$ Без объявл.

ISBN 5-02-022408-1

ISBN 0-394-55850-2

*Памяти Маргарет, одного из
прелестнейших созданий нашего
Господа, на протяжении сорока
лет вдохновлявшей меня не отсту-
пать от того, что мы оба любили.*

*Посвящаю также Марджи, Кэти,
Крэйгу и всем другим из их поко-
ления, кто вместе со стариками
должен решить, какие испытания
достанутся миру во второй по-
ловине ядерной эры.*

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	7
От автора	13
I. РИСК ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ	15
II. ПЕРВЫЕ ПОЛВЕКА ЯДЕРНОЙ ЭРЫ. ЭВОЛЮЦИЯ АМЕРИКАНСКИХ И СОВЕТСКИХ ЯДЕРНЫХ СИЛ И СТРАТЕГИЙ. 1940—1990 гг.	27
Развитие структуры вооруженных сил НАТО	30
Эволюция советской ядерной стратегии	34
Оценка планов использования ядерного оружия	38
III. ЯДЕРНЫЕ МИФЫ. НЕДОПОНИМАНИЕ УГРОЖАЕТ НАШЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ	43
Советы обладают ядерным превосходством	46
Советы обладают способностью нанести первый удар	52
Что бы мы ни предпринимали, Советы продолжают наращивать ядерные силы	55
Мы можем обогнать их в технологии	60
Наращивание ядерных вооружений было неизбежным	63
Советы обманывают, поэтому соглашения бесполезны	66
Соглашения только позволили Советам выйти вперед	70
Ядерные вооружения, даже если они иррелевантны в военном смысле, могут служить политическим целям	71
IV. ГРЯДУЩАЯ ПОЛОВИНА ВЕКА. АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПУТИ СНИЖЕНИЯ РИСКА ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ. 1990—2040 гг.	73
Примирение между Востоком и Западом	76
М. Горбачев: уничтожить все ядерное оружие	80
Р. Рейган: заменить наступательные силы оборонительными	83
Укрепить сдерживание	88
При разработке военных планов и соглашений по контролю над вооружениями исходить из убеждения о неприменимости ядерных боеголовок как оружия	100
Высоконадежная оборона обычными вооружениями, реальная в политическом и финансовом отношениях	105
V. ЖЕНЕВА. ШАГ НАВСТРЕЧУ ДОЛГОСРОЧНОЙ ЦЕЛИ	111
VI. ПРОЧЬ ОТ ЯДЕРНОЙ КАТАСТРОФЫ	119
Приложения	129

ПРЕДИСЛОВИЕ

Роберт Макнамара — один из наиболее известных и ярких современных буржуазных политических и общественных деятелей Запада. Его имя уже более тридцати лет фигурирует в ведущих органах массовой информации самых разных стран мира, в том числе в нашей стране. За плечами этого человека огромный опыт предпринимательской, политической и государственной деятельности, стремительная, даже по американским меркам, карьера.

Макнамара родился в 1916 году в семье предпринимателя. Образование получил в Калифорнийском и Гарвардском университетах. В войну, в 1943—1946 гг., имея степень магистра в области управления деловыми предприятиями, он работал «ассистентом профессора» (доцентом). В это же время его привлекают к работе в армии США в качестве специального консультанта авиационных сил по учету и статистике, где он и проделал путь от капитана до подполковника.

После войны в составе группы бывших экспертов ВВС по статистическому контролю Р. Макнамара поступил на службу в «Форд мотор К⁰». Здесь, в сущности, и произошел тот крутой подъем в его карьере, который вывел его на высшие ступени американской иерархической лестницы. Уже через десять с небольшим лет работы в «Форд мотор К⁰» Макнамара становится ее президентом, кстати, первым, который не принадлежал к семейству Фордов. В мире «большого бизнеса» Макнамара прославился как один из наиболее эффективных администраторов, который, как писала газета «Уолл стрит джорнел», знает как расходуется каждый доллар.

Второй этап карьеры Р. Макнамары охватывает период с 1961 по 1968 год. В администрации Кеннеди и Джонсона он возглавляет министерство обороны США. «Человек с умом счетной машины», как называла его печать, обладавший обширными знаниями и впечатляющим опытом работы крупного управляющего одной из ведущих американских кампаний, к тому же прошедший школу службы в вооруженных силах, привлек молодого президента США Джона Ф. Кеннеди, пригласившего по рекомендации одного из бывших министров обороны страны, нью-йоркского банкира и политического деятеля Роберта Ловетта Макнамару в свою «команду».

Значительную известность на этом посту Роберту Макнамаре принесли предложенные им меры по организации военного ведомства, упорядочению его деятельности. В то время, в начале 60-х годов в США очень много писалось о принципе, который новый глава военного ведомства стремился положить в основу работы министерства. Принцип этот — «стоимость—эффективность» или, другими словами, принцип, в соответствии с которым на каждый вложенный доллар должна быть достигнута максимальная отдача. Именно на его основе была разработана и принята на вооружение

в министерстве обороны США система «планирование—программирование—разработка бюджета».

Однако имя Р. Макнамары очень прочно связалось и с другим — американской агрессией в Юго-Восточной Азии. На Макнамаре лежит изрядная доля личной ответственности за ход и масштабы этой агрессии, за эскалацию применения силы Соединенными Штатами, хотя война в Индокитае продолжалась еще восемь лет после его ухода с поста главы Пентагона. Об этой ответственности ему время от времени и сегодня напоминают в различных американских аудиториях те, кто не забыл ее суровых моральных, политических и военных уроков.

Надо отметить, тем не менее, что отношения Р. Макнамары с президентом Линдоном Джонсоном в этом вопросе, как свидетельствует печать и ряд мемуаристов, складывались далеко не просто. В связи со все более очевидным провалом политики США во Вьетнаме в середине 60-х годов Макнамара начинает склоняться к точке зрения о необходимости переговоров о политическом урегулировании, вступая таким образом в неизбежный конфликт со сторонниками расширения войны в администрации Джонсона. В конце 1967 г. президент Джонсон объявил об отставке Макнамары, которая, надо сказать, была принята с сожалением некоторыми либеральными кругами, выступавшими за скорейшее завершение войны в Юго-Восточной Азии.

В жизни и карьере Р. Макнамары начинается новый период — далее следуют тринадцать лет на посту президента Международного банка реконструкции и развития (МБРР). И хотя деятельность человека на этом посту, как правило, находится в некоторой тени и освещается в средствах массовой информации более скупой, чем, скажем, деятельность министра в правительстве, тем не менее очевидно, что в руках этого человека по-прежнему находились весьма реальные рычаги власти. Когда Макнамара вышел в отставку после президентства в МБРР, ему тут же были предложены места в советах директоров нескольких крупных корпораций, где высоко ценят его богатейший опыт и знания, аналитические способности.

В период пребывания Р. Макнамары на посту министра обороны Соединенные Штаты реализовали самую крупную программу строительства стратегических ядерных сил за послевоенный период. К концу 60-х годов США вышли на тот уровень количества носителей стратегического ядерного оружия, который сохраняется и до настоящего времени (при значительном увеличении в 70-е годы числа боезарядов на этих носителях за счет оснащения межконтинентальных баллистических ракет и баллистических ракет подводных лодок разделяющимися головными частями индивидуального наведения, а тяжелых бомбардировщиков — крылатыми ракетами большой дальности).

В то же время Макнамара известен как человек, который неоднократно выступал против различных систем оружия, против

наращивания сил и средств сверх определенных пределов. Еще будучи министром обороны, он стал одним из первых деятелей Запада, понявшим и признавшим, что в современных условиях безопасность США и СССР может быть только взаимной. Причем сформулировал это Макнамара в том числе в конкретных военнотехнических терминах.

С именем Р. Макнамары связана и крупная реформа в управлении министерством обороны, ориентированная в том числе на установление более строгого контроля (посредством в первую очередь бюджетно-финансовых рычагов) над деятельностью видов вооруженных сил со стороны высшего государственного руководства США.

В 80-е годы, в том числе в начале этого десятилетия, в период значительного повышения международной напряженности, вызванной политикой правоконсервативной администрации Р. Рейгана, имя Р. Макнамары вновь привлекло внимание в связи с попытками ряда видных американских и западноевропейских буржуазных политических деятелей как-то если не снять, то снизить это напряжение.

В разгар наращивания военных приготовлений, предпринятых администрацией Рейгана, в начале 1982 г. Макнамара совместно с такими представителями политической элиты США, как Макджордж Банди, Джордж Кеннан, Джерард Смит (М. Банди — бывший помощник президентов Кеннеди и Джонсона по вопросам национальной безопасности, профессор Нью-Йоркского университета, Дж. Кеннан — бывший посол США в СССР, известный американский историк, Дж. Смит — бывший глава американской делегации на переговорах по ОСВ—1), выступает за отказ от одного из основных положений военной стратегии НАТО — ставку на использование натовскими силами первыми ядерного оружия, которое в соответствии с попавшими в открытую печать официальными документами этого блока планируется применять в случае успеха Варшавского Договора в ведении боевых действий с использованием обычного оружия.

Надо сказать, что в условиях всплеска настроений милитаризма, шовинизма и антисоветизма, характерных для США в начале 80-х годов, это и другие аналогичные выступления Р. Макнамары были актом политической смелости, демонстрацией самостоятельности и трезвости в суждениях. Далеко не многие американские деятели либерального и умеренного толка проявили себя в тот момент столь рассудительными и дальновидными.

Все свои аргументы в пользу принятия США и НАТО обязательства о неприменении ядерного оружия первыми, как это сделали сначала КНР, а затем СССР (в июне 1982 г.), Р. Макнамара в развернутом виде, как в этом убедится читатель, приводит в данной книге.

С самого начала программы «стратегической оборонной инициативы», которая, по замыслу администрации Рейгана, должна

стать базой для создания противоракетной обороны территории страны, Р. Макнамара выступил ее активным и убежденным критиком, сторонником сохранения советско-американского бессрочного Договора по ограничению систем ПРО, запрещающего обеим сторонам создавать такого рода противоракетные системы. Большинство выдвинутых Макнамарой аргументов было полностью поддержано еще несколькими бывшими министрами обороны США, занимавшими этот пост в 60—70-е годы — как республиканцами, так и демократами. Они исходили из того, что развертывание гонки вооружений в этой области в конечном итоге в равной степени будет угрожать безопасности как СССР, так и США. Надо отметить, что позиция Макнамары и его коллег существенно подкрепила линию тех деятелей в конгрессе США, которые выступают за сохранение Договора по ПРО, за свертывание СОИ и сокращение ежегодных запросов администрации на эту программу.

Негативное отношение Макнамары к такого рода проектам не возникло вдруг. Еще в 60-е годы он пришел к выводу об опасности и ненужности создания ПРО территории страны в США и не побоялся тогда отстаивать свою точку зрения, находясь порой в явном меньшинстве. Позиция, занятая Р. Макнамарой по этому вопросу, в немалой мере способствовала заключению в мае 1972 г. Договора по ПРО, являющегося сейчас одним из краеугольных камней стратегической стабильности. Интересные данные о перепетиях его борьбы по этому вопросу Р. Макнамара сообщает в настоящей книге.

Предложения Макнамары по ограничению масштабов военно-политического соперничества СССР и США, по ограничению и сокращению вооружений опираются на вполне определенно сформулированную им политическую философию, разделяемую умеренными политическими деятелями США и других капиталистических государств. Эта философия обстоятельно представлена в книге «Путем ошибок — к катастрофе». Высказав обязательные практически для любого буржуазного деятеля негативные социальные оценки советского общества, Роберт Макнамара в то же время на первый план выдвигает императивы сотрудничества между СССР и США, социалистическими и капиталистическими государствами. Он пишет: «История учит нас, что даже затяжная неприязнь между государствами или группами государств может отступить на второй план перед определенными интересами. А ведь перед обеими сторонами, перед тем и другим обществом навис сегодня императив выживания. Компромиссы поэтому не только возможны; в конечном итоге, они — единственная альтернатива катастрофе».

Р. Макнамара призывает к тому, чтобы советско-американские взаимоотношения приобрели более всеобъемлющий характер, чем это было до сих пор, чтобы они не ограничивались лишь сферой ограничения и сокращения вооружений. Он выступает за улучше-

ние и оживление политических отношений между Востоком и Западом, за стабильные торговые и финансовые отношения с СССР. Не следует пренебрегать, по мнению Макнамары, развитием отношений между Востоком и Западом в таких областях, как наука, искусство, образование, общественная деятельность.

В книге читатель найдет немало исторических экскурсов, используемых автором в качестве иллюстраций его основных идей. К этим экскурсам нельзя не отнестись критически. Наш заинтересованный читатель знает, что ход событий, их подоплека и мотивация интерпретируются в советских официальных документах и исторических исследованиях по-иному. Это, в частности, относится к Берлинскому кризису 1961 года и к Карибскому кризису 1962 года, именуемому на Западе «Кубинским ракетным кризисом». (См., например, История дипломатии. М., Политиздат, 1974, изд. второе, т. V, стр. 519—525, 616—645.) В чем можно, безусловно, согласиться с Р. Макнамарой, так это в том, что в момент этих кризисов СССР и США и их союзники действительно подходили к грани войны. Так что значение этих кризисов в послевоенной истории международных отношений очень велико. К сожалению, в нашей печати (несмотря на добросовестные усилия ряда авторов) они освещены пока недостаточно полно, их анализ не обеспечен доступными для исследователей необходимыми архивными документами руководящих органов нашей страны, МИД и Министерства обороны СССР.

Особо внимательного отношения заслуживают размышления Р. Макнамары о том, как в условиях кризисной обстановки СССР и США могут оказаться вовлеченными в войну. Тут надо ясно сказать, что Макнамара не принадлежит к числу тех политиков на Западе, которые считают, что ядерное сдерживание является главным гарантом мира. На основе своего богатейшего опыта и знания реальностей существующего механизма принятия военно-политических решений, систем управления стратегическими ядерными силами и ядерным оружием он рисует грозную, но реальную картину тех опасностей, которые подстерегают государственных руководителей обеих сторон (а вместе с ними и все человечество) в кризисных ситуациях при наличии у сторон огромных запасов ядерного оружия и ориентации американской военной стратегии не только на сдерживание, но и на ведение ядерной войны. Макнамара справедливо отмечает, что отсутствие на протяжении более чем четырех десятилетий войны между СССР и США — отнюдь не гарантия сохранения такого положения в будущем, если не будут приняты меры по радикальному изменению к лучшему советско-американских отношений.

«Это верно, что ни один хорошо информированный, хладнокровно мыслящий политический или военный руководитель скорее всего не прибегнет первым к ядерному оружию. Но политические и военные руководители в моменты острых кризисов скорее всего

не являются ни хорошо информированными, ни хладнокровно мыслящими», — заключает Макнамара.

В книге Р. Макнамара отвечает утвердительно на вопрос, желателен ли мир, свободный от ядерного оружия, противопоставляя тем самым свою точку зрения позиции многих американских и западноевропейских буржуазных деятелей. Но вместе с тем Макнамара приводит ряд доводов, по которым, по его мнению, безъядерный мир «в реальных обстоятельствах», в обозримой перспективе недостижим. Не перечисляя эти доводы, рассмотренные в книге, хотелось бы отметить, что они заслуживают самого пристального внимания, учета. Продвижение к безъядерному миру, особенно на последних этапах, потребует наряду с конструктивным развитием отношений между государствами, прежде всего с противоположным социальным устройством, создания беспрецедентных механизмов контроля, двустороннего советско-американского и международного сотрудничества, основы которого необходимо закладывать уже сейчас.

И они начинают уже закладываться: советско-американский Договор по РСМД уже предусматривает такие процедуры и методы контроля, которые представлялись невозможными еще несколько лет назад.

Мне неоднократно доводилось на различных советско-американских и международных форумах встречаться с Робертом Макнамарой, полемизировать с ним, обсуждать различные аспекты проблемы стратегической стабильности, ограничения и сокращения вооружений, советско-американских отношений.

Наши последние встречи проходили в обстановке растущих надежд на улучшение советско-американских отношений, на прогресс в деле ядерного разоружения. Предпоследний раз мы беседовали с Р. Макнамарой в Вашингтоне (тогда, кстати, я передал ему просьбу издательства «Наука» дать согласие на перевод и издание в СССР этой книги), и было это в дни визита М. С. Горбачева в США и подписания Договора по РСМД. Последний же раз — в Москве незадолго до ответного визита президента США в СССР.

Готовя это предисловие, я не стремился к тому, чтобы разобрать каждое из выдвинутых в книге Р. Макнамары положений, каждому дать подробную и однозначную оценку. Считаю, что наша читательская аудитория является достаточно подготовленной, чтобы самой разобраться в их ценности и убедительности. Уверен, что наш читатель, с особым вниманием относящийся к проблемам войны и мира, международной безопасности, найдет для себя в этой книге немало пищи для размышлений, способствующих пониманию позиции определенной части господствующего класса, руководящих политических кругов США.

А. А. Кокошин, член-корреспондент АН СССР

ОТ АВТОРА

В течение семи лет, пока я находился на службе в качестве министра обороны при президентах Кеннеди и Джонсоне, как американское, так и советское понимание политического и военного значения распространения ядерного оружия эволюционировало медленно. В последующие тринадцать лет, будучи президентом Международного банка реконструкции и развития, я не имел возможности участвовать в дебатах по поводу того, как в этом ядерном мире наилучшим образом укрепить нашу безопасность — в дискуссиях о запрете ядерных испытаний, о замораживании ядерных вооружений, о новых программах вооружений, о соглашениях по контролю над вооружениями и т. д. В последние же пять лет я занимался этим, публикуя статьи, часто вместе с другими, в «Форин афферс» и «Атлантик мансли», а также выступая с лекциями в Совете по международным отношениям и в университетских кампусах.

По мере того как я углублялся в эту проблему, я все больше убеждался в том, что наша страна, да и весь мир в целом, нуждаются в таком видении долгосрочных целей относительно уровней ядерных сил, военной стратегии и соглашений по контролю над вооружениями, которое свело бы к минимуму риск конфликта между ядерными державами и соответствующими военными блоками, конфликта, способного привести к разрушению всей нашей цивилизации. Такие цели, достигнуть которые мы могли бы к концу столетия или в начале следующего века, пока что могли бы помочь в определении наших программ развития вооружений, наших отношений с союзниками по НАТО и в наших переговорах с СССР о контроле над вооружениями.

В этой небольшой книге, которая является расширенным вариантом моих сэнфордских лекций в Дьюкском университете, я и намерен изложить такую программу.

Вашингтон,
9 июня 1986 г.

1

РИСК ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ

С тех пор как почти пятьдесят лет назад Альберт Эйнштейн отправил свое историческое письмо президенту Рузвельту, предупреждая его, что для Соединенных Штатов существенно важно как можно быстрее приступить к разработке ядерной бомбы, мировые запасы такого оружия выросли с нуля до пятидесяти тысяч единиц. В среднем разрушительная мощь каждой из них в тридцать раз превосходит мощь бомбы, сброшенной на Хиросиму. Всего несколько сотен из этих пятидесяти тысяч могли бы уничтожить не только Соединенные Штаты, Советский Союз и их союзников, но — в результате атмосферных последствий — и большую часть остального мира.

Это оружие размещено на обширной территории. Его существование и развертывание опирается на вполне реальные стратегии ведения ядерной войны. В руках командиров частей находятся детальные планы его использования в условиях боевых действий. А войска каждой из сторон в установленном порядке проводят регулярные учения, специально нацеленные на подготовку к его применению. Генерал Бернард Роджерс, верховный главнокомандующий войсками НАТО в Европе, заявил как-то, что, вероятно, уже в первые часы военного конфликта в Западной Европе войсковые командиры НАТО обратятся за полномочиями на применение ядерного оружия первыми.

Целый ряд взаимодополняющих решений усугублял складывающуюся ситуацию. Я сам участвовал в принятии многих из них. Каждое из этих решений само по себе представлялось тогда рациональным или неизбежным. Но верно и то, что принимались они без какого-либо всеобъемлющего руководящего плана или долгосрочной цели. Это привело к накоплению ядерных арсеналов и к разработке планов ведения ядерной войны — итогу, который немногие из участников принятия этих решений могли предвидеть и которому в ретроспективе они вряд ли желали бы оказать поддержку.

Поскольку долгосрочной программы действий в ядерный век у нас нет и по сей день, количество вооружений продолжает

множиться. Теперь мы оказались на той ступени эскалации гонки вооружений, за которой может последовать не только размещение оружия в космосе, но и возникает серьезная опасность того, что тот или другой из противников в период напряженности ощутит соблазн прибегнуть к превентивному, опережающему соперника, ядерному удару.

Хотя четыре десятилетия прошло без боевого использования ядерного оружия и хотя ясно, что и Соединенные Штаты, и СССР осознают опасность ядерной войны, также верно и то, что тысячами летелами человечество было вовлечено в войну. И нет никаких признаков того, что такое положение вот-вот переменится. История же изобилует примерами таких войн, когда эмоции, подменяя рассудок, брали верх.

Я не верю, что Советский Союз хочет войны с Западом. И, конечно, Запад не нападет на СССР или его союзников. Но опасные трения между Варшавским Договором и НАТО возникали в прошлом и, вероятно, будут возникать в будущем. Если сдерживание не сработает и разразится конфликт, то это будет означать, что в нынешней американской стратегии и стратегии НАТО заложен серьезный риск гибели западной цивилизации.

За те семь лет, в течение которых я был министром обороны, конфронтация, весьма реально способная перерасти в вооруженный конфликт, возникала в трех случаях: в связи с событиями в Берлине в августе 1961 г.; в связи с размещением советских ракет на Кубе в октябре 1962 г.* и в результате событий на Ближнем Востоке в июне 1967 г. Ни в одном из этих случаев ни одна из сторон не хотела войны. В каждом из них мы приблизились к ней рискованно близко.

Берлинский кризис начался, я полагаю, с вторжения в Заливе свиней в апреле 1961 г. Спустя семьдесят дней после вступления в должность президент Кеннеди последовал совету Центрального разведывательного управления, поддержанному каждым из его высших советников в администрации, включая и меня, привести в действие план вторжения на Кубу и ее освобождения, над которым управление работало несколько лет. В результате произошло то, что может быть названо лишь разгромом, и за ним пристально следил Советский Союз.

Менее чем через два месяца президент встретился в Вене с советским лидером Никитой Хрущевым. Возможно, под влиянием провала предпринятой администрацией операции на Кубе, Хрущев судил о Кеннеди как о человеке одновременно неопытном и мягком. Очевидно, на основании такого суждения он и пришел к выводу, что Советский Союз почти без риска может изъять Западный Берлин из-под западного контроля. И он принялся за осуществление этого замысла.

* Точнее, в связи с тем острейшим кризисом, который был умеренно инспирирован администрацией Кеннеди по этому поводу.— *Прим. ред.*

— Советы начали с разбрасывания диполей — большой массы полосок алюминиевой фольги — в воздушных коридорах, обеспечивающих подлет к Берлину. Это нарушало работу навигационного оборудования и препятствовало западным поставкам городу по воздуху.

— НАТО ответила увеличением численности конвоев, следующих в Берлин по наземным коридорам через территорию Восточной Германии.

— Советы проинструктировали восточных немцев останавливать конвои на контрольно-пропускных пунктах на границе между двумя Германиями.

— Союзники усилили военное сопровождение конвоев и были готовы (если необходимо) силой пробить себе дорогу через посты пограничников.

— Некоторое время спустя восточные немцы позволили конвою с военным сопровождением войти в наземный коридор, но отказались дать разрешение на въезд в Западный Берлин. В конечном счете мы добились освобождения этого конвоя, но было ясно, что Советы были готовы к эскалации конфликта*.

Помню, я спросил одного старшего офицера НАТО: «Какие следующие шаги нам следует ожидать и как мы должны ответить на них?» Он сказал, что Советы, вероятно, скажут «а», а мы «б»; они — «в», а мы — «г»; они — «д», а мы — «е»; а затем они будут вынуждены сказать «ж». И когда я спросил: «Так что мы должны тогда сделать?» Он ответил: «Мы должны будем применить ядерное оружие». Когда же я спросил: «Чем, по его мнению, ответят Советы?» Он сказал: «Ядерным оружием».

В том случае, как вы знаете, мы этого не сделали. Мы призвали резервистов, срочно перебросили дополнительные силы в Европу и дали ясно понять о нашем твердом намерении защищать Западный Берлин. В тот момент опасность отступила. Но если бы Советы продолжили давление или если бы одна из сторон интерпретировала действия другой как подготовку к широко-масштабным действиям, кто может сказать, что бы в конечном счете произошло.

Четырнадцать месяцев спустя мы опять оказались в состоянии конфронтации с Советами.

14 октября 1962 г. самолет У-2, совершавший разведывательный полет, получил фотографическое свидетельство того, что СССР доставил на Кубу баллистические ракеты с ядерными боеголовками. Их радиус действия позволял им атаковать наиболее плотно населенные районы Восточного побережья США.

Нужно сказать, что в то время наши стратегические ядерные

* Подобная однозначная трактовка мотиваций и действий СССР в ходе «Берлинского кризиса» как минимум нуждается в доказательной аргументации. Жаль, что автор предпочитает ее не приводить.— *Прим. ред.*

силы насчитывали приблизительно 5 тыс. боеголовок по сравнению с тремя сотнями советских. Но несмотря на это количественное преимущество — 17:1, мы не считали, что обладаем способностью нанести успешный «первый удар» по СССР*. Возможно, что Советский Союз тем не менее искренне опасался этого шага. По этой причине он, по всей видимости, и решил попытаться увеличить свои силы возмездия, перебросив с советской территории на Кубу ракеты с относительно коротким радиусом действия и, таким образом, увеличив число средств, угрожающих нашим берегам.

В любом случае, поскольку баланс сил, существовавший до появления ракет на Кубе, и прежде «сдерживал» Соединенные Штаты от нанесения первого удара, эта акция, по мнению многих в администрации, этого баланса не изменила. Чего нельзя было у нее отнять, так это ее политического значения, которое, как мы полагаем, необходимо было нейтрализовать.

Образовалось два принципиальных подхода к тому, как это сделать.

Одна группа, включавшая в себя большинство советников президента Кеннеди, считала, что нам нужно было добиться уничтожения ракет с помощью воздушного нападения. Признавалось, что такая атака почти наверняка потребует последующего наземного вторжения, в результате которого потери Соединенных Штатов могут составить 25 тыс. человек плюс соответствующее число убитых и раненых кубинцев. Далее предполагалось, что в то время как наше военное преимущество в Западном полушарии обеспечит успех воздушных налетов и наземного вторжения, Советский Союз скорее всего ответит военными действиями против флангов или даже Центральной зоны НАТО.

Те, кто выступал против воздушного нападения, рекомендовали ввести карантин, предназначенный для предотвращения советских поставок Кубе до тех пор, пока ракеты не будут убраны. Президент выбрал второй вариант.

Карантин был введен 24 октября. 25 октября советский танкер подошел к линии карантина и отказался остановиться несмотря на присутствие в непосредственной близости от него эсминца США «Джозеф П. Кеннеди, мл.». Вопрос, который немедленно встал перед нами: как должны реагировать Соединенные Штаты? Некоторые предлагали остановить продвижение судна орудийными выстрелами. Другие советовали не загонять русских в угол на этой стадии, а предоставить их руководству дополнительный шанс отреагировать на нашу позицию и достаточное количество времени

* В этой книге я употребляю термин «первый удар» для обозначения такого ядерного удара, который своей мощью лишил бы противника способности нанести неприемлемый ущерб нападающему. В противоположность ему термин «первое применение» относится к опережающему использованию ядерного оружия в вооруженном конфликте. Оно может иметь более ограниченные цели, например отражение танковой атаки противника.— *Прим. авт.*

для сообщения своего решения всем находившимся в море своим судам.

Танкеру было позволено «проскочить» линию карантина. Дипломатические каналы продолжали работать.

В пятницу вечером, 26 октября, мы получили самое необычное дипломатическое послание, которое я когда-либо видел. Телетайпная лента была длиной в шесть или семь футов. Это было длинное, сумбурное послание, подписанное Хрущевым. Текст был, совершенно очевидно, продиктован человеком, находившимся в состоянии сильного эмоционального напряжения. Вот, о чем он примерно писал: Мы оба заняты перетягиванием каната, каждый тянет за свой конец, и таким образом узел, раз уж он завязан, еще больше затягивается, так что ни один из нас никогда не сможет его развязать. Он писал также о том, что события, если они и дальше так пойдут, неизбежно приведут к войне. И еще он добавлял: Если война разразится, то не в наших силах будет ее остановить — война кончится только после того, как она прокатится по городам и селам, сея везде смерть и разрушение.

В субботу утром поступило второе послание. Оно было жестче, в нем было больше спокойной угрозы и явно отражало коллективное решение, а не мнение одного лица.

В ту субботу напряженность продолжала нарастать. Полученные новые снимки свидетельствовали, что Советы продолжали работу по установке ракет. Во Флориде американские части готовились к вторжению на Кубу. Еще одно советское судно продвигалось к линии карантина. В то же время наши противолодочные средства в Карибском море внимательно следили за советскими подводными лодками и вынудили пять или шесть из них всплыть на поверхность вблизи карантинной зоны.

Затем нам стало известно, что один из наших самолетов У-2 был сбит над Кубой советской зенитной ракетой. Пилот погиб. Второй самолет У-2, летевший с Аляски к Северному полюсу, сбился с курса над советской территорией, и прежде чем он успел лечь на обратный курс, собрал вокруг себя целую стаю советских истребителей.

Учитывая складывающуюся обстановку, мы решили ответить на первое, менее угрожающее послание Хрущева, особо подчеркнув, что у нас нет намерения вторгаться на Кубу, если советские наступательные силы будут удалены из Западного полушария. Но мы также ясно дали понять, что если они не будут убраны, со стороны США последуют дальнейшие действия.

Я не стану делать предположений относительно того, какими могли бы быть эти дальнейшие действия, но я твердо помню, что, когда я покинул Белый дом и шел через сад к машине, чтобы вернуться в Пентагон, я думал, что быть может уже никогда не увижу другого такого прекрасного осеннего вечера.

Я вовсе не хочу сказать, что тогда, последуй военные действия,

мы прибегли бы к каким-либо ядерным акциям. Не собираюсь я и утверждать, будто мы верили, что Политбюро — даже перед лицом угрозы американского нападения с воздуха и моря — санкционирует запуск ядерных ракет с кубинской территории в сторону городов нашего Восточного побережья. Но кто мог бы сказать наверняка, что советский или кубинский лейтенант, находившийся в зоне военных действий, не отдаст команду открыть огонь, когда силам, находящимся под его командованием, угрожает гибель?

В воскресенье Хрущев информировал президента о том, что он отдал распоряжение демонтировать ракетные установки и вывезти ракеты и бомбардировщики с Кубы*.

Третья серьезная конфронтация с Советским Союзом возникла из-за Ближнего Востока.

В начале июня 1967 г. и англичанам, и нам стало ясно, что египтяне, которые получали советскую военную помощь, а также пользовались услугами советских военных специалистов, готовились напасть на Израиль. Израильтяне, зная о приготовлениях Египта, склонялись к «опережению», которое президент Джонсон безуспешно пытался предотвратить. В ранние утренние часы 5 июня Израиль атаковал Египет и нанес серьезный урон египетским войскам.

На следующее утро в семь часов, как обычно, я прибыл в Пентагон. Вскоре дежурный генерал по Военной комнате доложил, что советский премьер-министр А. Косыгин хотел бы поговорить с президентом Джонсоном по «горячей линии» — прямой телетайпной связи между Вашингтоном и Москвой. Генерал спросил, какой ответ он должен был дать. Я спросил: «Почему вы звоните мне?» Он ответил, что «горячая линия» заканчивается в Пентагоне.

Может показаться невероятным, но я, три года министр обороны пока существовала эта «горячая линия», не имел понятия, что телетайпный терминал находился под моим кабинетом — просто этой линией никогда прежде не пользовались. Потрясенный и пораженный я сказал генералу, что каждый год мы тратим несколько десятков миллиардов долларов на оборону, так почему же в следующие пятнадцать минут ему не найти какого-нибудь способа изъять несколько долларов из этих миллиардов, чтобы продлить телетайпную линию до Белого дома.

Я позвонил президенту, зная, что в это время он, должно быть, еще спит и что на звонок ответит сержант военно-воздушных сил,

* И в этом случае авторская трактовка течения и исхода Карибского кризиса нуждается в некоторых аргументах и уточнениях. К примеру, она не содержит упоминания об известной неформальной увязке вывода советских ракет и бомбардировщиков с Кубы с вопросом об удалении из Европы американских ракет среднего радиуса действия. — *Прим. ред.*

дежуривший у телефона ночью. Сержант и ответил. Я сказал, что хотел бы переговорить с президентом. Он ответил, что президент спит. «Я знаю,— сказал я ему,— но передайте президенту, что министр Макнамара просит, чтобы он поднялся». Сержант так и сделал. Президент подошел к телефону и сонным хрипловатым голосом спросил: «Черт побери, Боб, в чем там дело?» «Премьер-министр Косыгин хочет говорить с вами по «горячему проводу». Что мне ответить?»

Президент, конечно, с той минуты действовал быстро и вскоре прибыл в «ситуационную» комнату, где уже были Дин Раск и я. Косыгин сообщил, что он примет меры для прекращения огня. Мы ответили, что сделаем то же самое.

Пока мы с помощью переговоров пытались достичь урегулирования, израильтяне продолжали продвигаться вперед. К 8 июня они достигли договоренности с Иорданией и Египтом о прекращении огня, но продолжали сражаться с Сирией на Голанских высотах. Ранним утром 10 июня мы узнали, что Израиль готов прекратить военные действия против Сирии. Мы думали, что конец войне вот-вот наступит.

И вдруг Косыгин опять позвонил по «горячему проводу», но на сей раз в его сообщении чувствовались гнев и угрозы. По сути дела, он заявил нам следующее: «Если вы хотите войны, пусть ее получите».

Должно быть, это была реакция Косыгина на действия, принятые нами ранее. Дело в том, что мы, опасаясь, что Советский Союз попытается помочь Египту перейти в контрнаступление, дабы таким образом отомстить за поражение, приказали шестому флоту, проводившему учения в Средиземноморье, изменить курс и вместо Гибралтара двигаться на Восток. Мы хотели таким образом использовать свои оперативные силы для защиты Израиля. Но Советы вполне могли посчитать, что мы готовились напасть на Египет.

Перед лицом угроз со стороны Косыгина президент решил, что мы должны занять жесткую позицию. Он дал мне инструкцию переместить шестой флот ближе к сирийскому побережью, чтобы таким образом недвусмысленно дать знать о нашей решимости противостоять любому нападению на Израиль.

Диалог по «горячему проводу» тем не менее продолжался, и постепенно соглашение о прекращении огня было достигнуто. Но сверхдержавы вновь подошли вплотную к конфронтации. Если бы Израиль и Сирия не договорились о прекращении огня, военная интервенция сверхдержав в этот регион стала бы реальностью.

Ни в одном из трех случаев ни одна из сторон не собиралась действовать таким образом, чтобы довести дело до вооруженного конфликта, но в каждом из этих случаев отсутствие информации, ошибочная информация и неправильные оценки вели к конфронтации. И в каждом из них (по мере того как разрастался

кризис) напряженность усиливалась, эмоции накалялись и опасность принятия иррациональных решений увеличивалась.

Это верно, что ни один хорошо информированный, хладнокровно мыслящий политический или военный руководитель скорее всего не прибегнет первым к ядерному оружию. Но политические и военные руководители в моменты острых кризисов скорее всего не являются ни хорошо информированными, ни хладнокровно мыслящими.

В 1962 г. президент Кеннеди настоял на том, чтобы каждый член Совета национальной безопасности прочитал книгу Барбары Такман «Августовские пушки». В книге рассказывается о том, как народы Европы через ошибки двигались навстречу первой мировой войне. Автор начинает с цитирования Бисмарка о том, что «какая-нибудь идиотская глупость на Балканах» способна разжечь войну. Далее она рассказывает о ряде шагов, последовавших за убийством 28 июня 1914 г. сербскими националистами наследника австрийского престола эрцгерцога Франца Фердинанда; каждый из этих шагов, мелкий и незначительный сам по себе, неумолимо вел к возникновению самого ужасного военного конфликта в мировой истории тех дней. Раз за разом, уже на грани вооруженных действий, руководители государств пытались отступить, но инерция событий тянула их вперед.

Президент Кеннеди напомнил нам о разговоре, состоявшемся в 1914 г. между двумя германскими канцлерами об истоках той войны. «Как это случилось?», — спросил один. «Ах, если бы мы только могли знать», — отвечал его преемник. Это было в манере Кеннеди — так он подчеркивал постоянную опасность просчетов.

Сегодня перед нами будущее, в котором в течение десятилетий нам предстоит иметь дело с продолжающимся соперничеством между Востоком и Западом. И любой из спорных моментов может перерасти в результате неверных оценок в военный конфликт. И этот конфликт разразится между блоками, обладающими пятьюдесятью тысячами ядерными боезарядами — боезарядами, размещенными на театрах военных действий и прямо интегрированными в оперативные планы ведения войны. Одна-единственная подводная лодка с ядерным оружием любой из сторон может обрушить сегодня больше огневой мощи, чем это удалось человеку в борьбе с себе подобными за всю его историю.

В напряженной атмосфере кризиса каждая сторона испытывает искушение делегировать полномочия на применение ядерного оружия командирам действующих частей. По мере того, как вероятность нападения будет возрастать, эти командиры окажутся перед отчаянным выбором: использовать ракеты или потерять их. А поскольку стратегические ядерные силы, а также сложные системы командования и управления, по оценкам многих, уязвимы для первого удара, командиры сами будут настаивать на преимуществах, которые дает такой превентивный удар.

Риск быстрого перерастания военного конфликта в ядерную войну, которая приведет к безусловному разрушению нашей цивилизации, гораздо более велик, чем мне это хотелось бы признавать, исходя из разнообразных соображений — военных, политических или моральных. Он много больше того риска, который я готов оставить в наследство своим детям и внукам.

Что же можно (если вообще что-нибудь можно) сделать, чтобы уничтожить этот риск или, как минимум, снизить его до более приемлемого уровня во второй половине первого века ядерной эры?

Не должны ли мы сделать эту задачу нашей главной целью и не должны ли мы заняться разработкой плана ее достижения? Такой план мог бы стать направляющей линией в развитии военной стратегии, в подготовке военных планов, в разработке ядерных систем, способов доставки и размещения ядерных сил, в ведении переговоров о контроле над вооружениями. Конкретизация такого плана и является целью этой книги.

Первая половина ее — главы вторая и третья — будет посвящена рассмотрению эволюции американских и советских ядерных сил и соответствующих военных доктрин за весь период с того момента, когда в декабре 1942 г. экспериментальный ядерный реактор Ферми вышел на рабочий режим. В ней будет рассмотрен современный баланс сил, проанализированы восприятие каждой из сторон сложившегося баланса, а также их ошибочные оценки на этот счет. Будут также даны обзор возможного развития сил и оценка их влияния на стабильность в кризисных ситуациях.

Во второй половине книги — в главах четвертой и пятой — будут обсуждены альтернативные пути уменьшения риска ядерной войны в предстоящие десятилетия:

- достижение политического примирения между сторонами;
- ликвидация всех ядерных вооружений путем переговоров, как это предлагает Генеральный секретарь Горбачев;

- замена наших существующих наступательных сил «оборонительными», что приведет к ликвидации ядерных вооружений, как это предлагает президент Рейган;

- «усиление» наших сил сдерживания путем дополнения существующих наступательных сил силами оборонительными, как это предлагают такие специалисты в области безопасности, как Генри Киссинджер, Збигнев Бжезинский и Макс Кампельман;

- признание положения, согласно которому ядерные боеголовки не являются военными средствами в традиционном смысле слова и потому не служат никаким военным целям кроме сдерживания противника от их использования. Такой подход потребовал бы фундаментальной корректировки стратегии НАТО, военных планов и уровней обычных вооружений, а также программ модернизации вооружений и соглашений по контролю над вооружениями.

В книге содержится вывод о том, что этот подход включает в себе возможность войти в двадцать первый век с совершенно иной ядерной стратегией — стратегией взаимной безопасности вместо стратегии, рассчитанной на ведение войны; с намного меньшими ядерными силами — приблизительно тысячами единиц вместо пятидесяти тысяч; со значительно меньшим риском разрушения нашей цивилизации в результате ядерной войны.

2

ПЕРВЫЕ ПОЛВЕКА
ЯДЕРНОЙ ЭРЫ.
ЭВОЛЮЦИЯ
АМЕРИКАНСКИХ
И СОВЕТСКИХ
ЯДЕРНЫХ СИЛ
И СТРАТЕГИЙ.
1940–1990 гг.

Ядерное оружие, говорил Альберт Эйнштейн, изменило все, кроме нашего образа мышления. Разрушительная мощь атомной бомбы далеко превосходит мощь любой другой энергии, выпущенной на волю человеком. Тем не менее настоятельные усилия стратегов как на Востоке, так и на Западе относиться к этому устрашающему оружию, так же как к любому другому, вполне пригодному к употреблению, стали лейтмотивом дебатов ядерного века.

В 50-х годах Соединенные Штаты планировали использовать атомные бомбы во многом таким же образом, как использовали они обычные заряды для стратегической бомбардировки во время второй мировой войны: городов и промышленных объектов, составлявших основу «военного потенциала» противника.

К концу этого десятилетия технологическое развитие привело к сдвигу в нашей стратегии. Сложнейшая техника разведывательной авиации и спутники позволяли получать все более точную информацию о расположении и структуре военных целей на советской территории. Более того, совершенствование баллистических ракет означало возможность доставки ядерных боезарядов с большой точностью.

В результате американские стратеги предприняли попытку переориентировать планы применения ядерного оружия: вместо советских городов такой целью становились вооруженные силы.

Эта установка на развитие вооруженных сил и на разработку планов ведения ядерной войны и нанесения ударов по вооруженным силам противника действует в Соединенных Штатах до сегодняшнего дня. Она получила свое кульминационное воплощение в подходе министерства обороны времен Каспара Уайнбергера. Согласно этой точке зрения, Соединенные Штаты могут одержать победу в такой войне. Директива Уайнбергера в области обороны на 1984—1988 гг. гласила, что, «если политика сдерживания рухнет и начнется стратегическая ядерная война с СССР,

Соединенные Штаты должны добиться превосходства и заставить Советский Союз искать скорейшего прекращения военных действий на условиях, выгодных для Соединенных Штатов».

На сегодняшний день одиннадцать тысяч американских стратегических ядерных боезарядов направлены на пять тысяч целей. А военные планы НАТО предусматривают ранее опережающее применение пяти тысяч тактических ядерных единиц в ответ на советское наступление обычными силами. Ядерные вооружения США и СССР размещены по всему миру. Хотя обе стороны осознают, что ядерная война с использованием даже небольшой части их арсеналов станет абсолютной катастрофой, каждая из них усиленно занимается разработкой новых систем вооружений и их размещением, что в глазах противника представляет чрезвычайную угрозу.

Как мы попали в эту опасную ситуацию, возможно станет намного понятнее, если мы присмотримся к тому, как развивались ядерное вооружение и стратегия в контексте европейской ситуации.

На протяжении всего послевоенного периода безопасность Европы была краеугольным камнем внешней политики Соединенных Штатов; такой она, вероятнее всего, и останется на неограниченное время. Нет другого региона, где бы две великие державы разместили такое большое количество ядерного оружия. Нет другой такой части мира, где бы военные доктрины так тщательно расписывали использование ядерных вооружений как наиболее надежного средства.

Применение ядерного оружия являлось неотъемлемой частью военной стратегии НАТО фактически с самого начала существования альянса.

РАЗВИТИЕ СТРУКТУРЫ ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НАТО

Вскоре после того как в 1949 г. был ратифицирован Североатлантический договор, была произведена и оценка советской военной угрозы как основы для разработки военной стратегии и структуры НАТО. Рассчитывая, что СССР может выставить против Западной Европы 175 дивизий, военные специалисты НАТО пришли к выводу, что союзу для успешной обороны понадобится 96 собственных, более полных по составу, чем советские, дивизий. Эта оценка была принята министрами НАТО в феврале 1952 г. на ежегодном заседании в Лиссабоне.

Вскоре, однако, стало ясно, что страны—члены этой организации вовсе не желали следовать «лиссабонским» ориентирам. Вместо этого члены пакта сознательно обратились к ядерным вооружениям, считая, что они обойдутся дешевле системы обороны с обыч-

ным оружием, требующей немалых финансовых и трудовых жертв.

То, что именно финансовые соображения были ключевым фактором натовского решения положиться на ядерные вооружения, явствует из следующего заявления тогдашнего государственного секретаря Джона Фостера Даллеса: «Общие затраты наших усилий в области безопасности (а также наших союзников)... не могут поддерживаться долгое время без серьезных последствий для бюджета, экономики и социальной сферы. Но прежде чем что-либо изменить в военном планировании, необходимо было, чтобы президент и его советники ... приняли некоторые основополагающие политические решения. Это было сделано. Главное решение состояло в том, что мы должны полагаться прежде всего на нашу увеличивающуюся ядерную способность незамедлительно возмездия с помощью тех средств и в тех местах, которые мы сами избираем. В результате теперь мы можем достичь и пользоваться более надежной безопасностью с меньшими затратами».

Этот новый поворот не был вовсе риторикой. Президентская директива СНБ-162/2 предписывала Комитету начальников штабов учитывать при планировании использование ядерного оружия в любом случае, когда это будет выгодно Соединенным Штатам. В организационную структуру и в планы американской армии были внесены соответствующие изменения по ведению военных действий на ядерном поле боя.

В конце 1953 г. в Европе началось размещение значительного числа тактического ядерного оружия — артиллерийских снарядов, бомб, ракет малого радиуса действия, мин и других видов. Нарращивание тактических ядерных вооружений НАТО продолжалось стабильно, достигнув к середине 60-х годов около семи тысяч единиц. И хотя на континенте сохранялось большое количество обычных вооружений, до начала 60-х годов их единственным предназначением было сдерживание наступления противника до момента нанесения сокрушающего ядерного удара. Ядерное оружие рассматривалось как «реальное» сдерживание. Многие из этих систем имели малый радиус действия и размещались вблизи границы между странами НАТО и Варшавского Договора. Установив эти системы вблизи границы, НАТО давала ясно понять Советам, что любое нападение с использованием обычных вооружений моментально вовлечет в конфликт ядерные силы НАТО.

Если и были какие-то сомнения в отношении серьезности ядерных угроз НАТО в 50-х годах, их совершенно рассеяло следующее заявление генерала Бернарда Монтгомери, заместителя Верховного главнокомандующего союзными войсками в Европе, сделанное им в конце 1954 г.: «Я хотел бы, чтобы было абсолютно ясно, что мы в штабе Верховного главнокомандующего объединенными силами НАТО в Европе основываем все наше оперативное

планирование на использовании в целях обороны ядерных и термоядерных вооружений. Для нас больше не существует «возможно они будут использованы», совершенно определенно, что они будут использованы, если на нас нападут».

К декабрю 1954 г. министры НАТО могли чувствовать полное удовлетворение в связи с тем, что ядерная стратегия позволяла им сократить вооруженные силы с девяносто шести дивизий до тридцати действующих дивизий. Два года спустя НАТО формально приняла доктрину «массированного возмездия» в документе, известном как МС14/2.

Можно спорить относительно того, было ли принятие блоком НАТО ядерной стратегии оправдано с точки зрения баланса ядерных сил между странами Варшавского Договора и НАТО в том виде, в каком он существовал в середине 50-х годов. Но к началу 60-х годов достоинства этой стратегии многими уже подвергались сомнению. Вскоре после прихода к власти в январе 1961 г. администрация Кеннеди принялась за детальный анализ сильных и слабых сторон этой политики. Проведенный анализ позволил обнаружить две главные несообразности, которые собственно и привели к принятию МС14/2:

1. Относительный баланс обычных вооружений НАТО и Варшавского Договора был далеко не таким неблагоприятным с точки зрения Запада, как это предполагалось ранее (мощь Советских Вооруженных Сил была переоценена, а сил НАТО недооценена).

2. Возникли большие сомнения относительно того, каким образом можно будет (если вообще возможно) применить ядерное оружие в интересах НАТО.

Поэтому президент Кеннеди поручил мне как министру обороны предложить на встрече министров НАТО в Афинах в мае 1962 г. заменить существующую доктрину «массированного возмездия» на стратегию «гибкого реагирования».

Новая стратегия предполагала наращивание обычных вооружений НАТО, однако, в масштабах, которые, по нашим расчетам, были вполне реалистичны как в финансовом, так и в политическом смысле. Исключив массированное применение ядерного оружия на ранней стадии, она позволяла существенно поднять ядерный порог, поскольку предусматривала использование только обычных сил на критической стадии первой реакции на советское нападение. Стратегия была основана на расчете, что возможности НАТО в сфере обычных сил могут быть настолько улучшены, что использование ядерного оружия станет ненужным. Согласно этой новой доктрине, даже если эти ожидания не подтвердятся, любое применение ядерного оружия так или иначе должно быть «поздним и ограниченным».

Предлагавшаяся нами стратегия стала результатом признания американскими политическими и военными официальными деяте-

лями того факта, что обладание НАТО превосходящим потенциалом ядерных сил (если измерять его числом единиц вооружений) не переводится автоматически в военную мощь, которую можно реально использовать. Более того, мы поняли, что применение на начальной стадии конфликта даже небольшого числа стратегических или тактических ядерных вооружений содержало угрозу самому выживанию нации. Мы, таким образом, предложили свести роль ядерного оружия в рамках НАТО к достижению двух целей: предотвратить возможность развязывания ядерной войны Советским Союзом и (если обычная оборона не оправдывает себя) убедить агрессора (как последним аргументом) прекратить конфликт на приемлемых условиях.

Предложенные изменения в стратегии НАТО встретились с сильной оппозицией. Некоторые оппоненты утверждали, что Соединенные Штаты стремились, таким образом, «отсесть» себя от обороны Европы. Эти критики, как и мы, считали, что «тактическая» ядерная война в Европе быстро приведет к обмену стратегическими ударами по территории как США, так и СССР, но они рассматривали эту опасность в качестве главного фактора, способствовавшего сдерживанию советского нападения. Любое понижение уровня угрозы, доказывали они, может склонить Советы к мнению, что военные действия могут быть ограничены Центральной Европой, и таким образом у них возникает соблазн пойти на авантюру.

Другие критики стояли на том, что предложенное наращивание обычных вооружений НАТО совершенно не соответствовало тем целям, которые поддерживали страны—члены НАТО. Третьи полагали, что мы сильно преувеличивали опасность ограниченного применения ядерного оружия.

Пять лет бушевал этот спор. И только в 1967 г. НАТО приняла стратегию «гибкого реагирования», закрепив это решение в документе МС14/2.

Пересмотренная стратегия предполагала сдерживать агрессию с помощью поддержания сил, достаточных для того, чтобы противостоять нападению на любом, избранном противником уровне.

В случае, если такое прямое столкновение не привело бы к успеху, стратегия предусматривала соответствующую эскалацию военных действий, включая применение первыми ядерного оружия с тем, чтобы поставить агрессора перед уровнем потерь и риска, не пропорциональным его первоначальным целям. Стратегия «гибкого реагирования» всегда, однако, подчеркивала необходимость специальных усилий по контролю над масштабами и интенсивностью боевых действий. Так, например, предполагалось, что первые ядерные удары должны быть нанесены оружием малого радиуса действия с тем, чтобы ограничить последствия ядерной войны полем боя. Вместе с тем стратегия содержала угрозу неограниченной эскалации вплоть до обмена стратегическими ударами по

территории США и СССР с тем, чтобы никто не мог бы позабыть о масштабах угрозы*.

Стратегия «гибкого реагирования» оставалась официальной доктриной НАТО в течение почти двадцати лет. Однако ее существенный элемент — создание обычных сил, достаточных для противостояния силам Варшавского Договора,— так никогда и не был достигнут. Наоборот, в период между концом 60-х годов и началом 70-х НАТО, возможно, еще больше отстала от своего оппонента. Хотя союз в последние годы и предпринял значительные шаги по улучшению своего положения в этой области, большинство военных экспертов считает, что баланс в обычных силах по-прежнему складывается в пользу стран Варшавского Договора; отсюда они приходят к заключению, что советское нападение с использованием обычных средств потребует применения ядерного оружия, причем, вероятнее всего, в первые же часы. В противоположность тому, что думает об этом американская общественность, оперативные планы отражают именно эту уверенность. Цель повышения ядерного порога, которая предусматривалась, когда задумывалась стратегия «гибкого реагирования», так и не была в действительности достигнута.

ЭВОЛЮЦИЯ СОВЕТСКОЙ ЯДЕРНОЙ СТРАТЕГИИ

Прежде чем обратиться к вопросу о том, может ли НАТО с выгодой для себя стать инициатором первого ядерного удара (в ответ на советское нападение), мне, вероятно, стоит обратиться к эволюции советской ядерной стратегии на протяжении последних трех десятилетий.

Большую часть послевоенного периода советская военная доктрина, похоже, предполагала, что война между великими державами приведет к применению ядерного оружия. В советских публикациях подчеркивалась важность использования ядерных вооружений дальнего и среднего радиусов действия в первые часы конфликта с целью поражения концентраций войск противника, портов, аэродромов и других объектов, необходимых для поддержания военных операций. В этих же публикациях отмечалась также роль применения тактического ядерного оружия на поле боя.

Сама подготовка советских солдат, защитное обмундирование и средства обеззараживания, которым они были оснащены, а также направленность их военных учений, на протяжении многих

* В изложении автора «гибкое реагирование» выглядит стратегией пассивной и рефлекторной, ориентированной лишь на сдерживание «советской угрозы». В реальности же она носила характер активный и была нацелена на придание гибкости, кредитоспособности и эффективности инструменту американской военной мощи в ситуации, когда США утратили былую неуязвимость.— *Прим. ред.*

лет включавших ядерную фазу войны, подтверждали, что сообщения того времени о советской военной доктрине давали весьма достоверную картину реальных военных планов СССР относительно ведения будущей войны.

Фактически до середины 60-х годов в публикациях официальных советских военных лиц постоянно присутствовало убеждение, что единственным возможным конфликтом между великими державами может быть только всеобщая ядерная война. Более того, они утверждали, что в таком конфликте можно добиться преимущества и настаивали на соответствующей подготовке в военной и гражданской области, необходимой для того, чтобы СССР с триумфом вышел из любого ядерного конфликта. Именно на эти публикации постоянно указывали в конце 70-х годов американские противники контроля над ядерными вооружениями во время дебатов по поводу Договора ОСВ-2.

К тому времени, однако, этот утвердившийся образ советской военной доктрины перестал соответствовать действительности. Официальная советская доктрина несколько изменилась уже к середине 60-х годов, когда советские авторы начали допускать возможность «поэтапной войны» в Европе, в которой первая фаза может вестись с применением обычных сил. И хотя они утверждали, что начальная стадия будет очень короткой, и далее указывали, что конфликт «неизбежно» выльется во всеобщую ядерную войну, прежняя доктринальная жесткость была нарушена.

На протяжении 60-х годов и большей части 70-х советские эксперты и представители военных кругов оспаривали неизбежность ядерной эскалации. Ко времени известной речи Леонида Брежнева в Туле в 1977 г. этот вопрос был урегулирован. Советские теоретики допустили возможность большой затяжной войны между Востоком и Западом, в которой ядерное оружие не будет использовано.

Действительно, теперь Советы официально утверждают, что они не применят первыми ядерного оружия. Это заявление впервые нашло свое официальное выражение в послании Брежнева к Организации Объединенных Наций 12 июня 1982 г.: «Союз Советских Социалистических Республик принимает на себя обязательство не применять первым ядерное оружие». В том же году министр обороны Дмитрий Устинов заявил: «Лишь чрезвычайные обстоятельства — прямая ядерная агрессия против Советского государства или его союзников — может заставить нас прибегнуть к ядерному удару возмездия как последнему средству самообороны».

В этих заявлениях отразились изменения в позиции СССР. Ранее советские представители заявляли лишь о том, что Советский Союз не применит ядерное оружие против неядерных держав.

Одновременно с этим сдвигом было неоднократно и недвусмысленно опровергнуто то, на чем советские представители настаивали более чем два десятилетия, а именно, что ядерную войну можно вести и победить в ней. Все советские авторы и политические лидеры, касающиеся этого вопроса, теперь торжественно провозглашают, что «в ядерной войне не будет победителей».

Означает ли этот сдвиг в доктрине, что СССР не готов к ядерной войне в Европе? Конечно, нет. В дополнение к размещенным ракетам средней дальности СС-20 Советы энергично модернизируют ракеты малого радиуса действия (СС-21, СС-22 и СС-23) *. В последние годы в Восточной Европе можно было заметить большое количество артиллерийского оружия двух калибров, приспособленных под ядерные заряды. В советских войсках в Европе в настоящее время больше самолетов, способных нести ядерное оружие, чем это было несколько лет назад.

СССР, безусловно, готов дать ответ, если НАТО решится начать ядерную войну. Я обращаюсь далее к вопросу о том, может ли НАТО прибегнуть к применению ядерного оружия в ответ на советское нападение с применением обычных средств с выгодой для себя.

ОЦЕНКА ПЛАНОВ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ЯДЕРНОГО ОРУЖИЯ

Сомнения в глубокой мудрости натовской стратегии «гибкого реагирования», которые впрочем никогда не исчезали, к концу 70-х годов превратились в настоящую проблему. В последующие годы дебаты по этому поводу обострились, причем основные разногласия возникли в связи с оценкой военной значимости ядерного оружия.

С тех пор как администрация Кеннеди впервые предложила стратегию «гибкого реагирования», баланс ядерных сил существенно изменился. Обе стороны практически полностью обновили свои арсеналы, увеличив количество вооружений всех трех видов,— поля боя, средней дальности и стратегического назначения. Одновременно были значительно улучшены тактико-технические характеристики как самих вооружений, так и средств их доставки. Поскольку в начале 60-х годов Советский Союз был далеко позади Соединенных Штатов, количественные изменения, похоже, оказались более благоприятными для СССР. Например, соотношение числа боеголовок на стратегических носителях, составлявшее

* Книга Р. Макнамары вышла в свет до подписания исторического соглашения о ликвидации ракет средней и меньшей дальности, охватывающего, в частности, такие ракетные системы, как СС-20 и СС-23.— *Прим. ред.*

в 1965 г. 10:1 в пользу США, в настоящее время стало гораздо более скромным: 11:10. В табл. 1 обобщены данные об арсеналах стратегических ядерных боеголовок двух сторон с 1965 по 1985 г. (см. Приложение IV, где дана раскладка по типам).

Таблица 1

Стратегические ядерные боеголовки

	1965	1970	1975	1980	1985
США	5 550	4 000	8 500	10 100	11 200
Советский Союз	600	1 800	2 800	6 000	9 900

По мере того как Советский Союз приближался, а затем и достиг примерного паритета в стратегических силах, в силах средней дальности и в тактических ядерных силах, ключевой элемент стратегии «гибкого реагирования» становился все более сомнительным.

Необходимо напомнить, что в том случае, если оборона с помощью обычных средств не даст результатов, стратегия предусматривает начало собственно ядерной войны с применением тактического оружия с дальнейшей (по мере необходимости) эскалацией типов вооружений (и, соответственно, масштабов целей) вплоть до применения стратегических сил против целей, находящихся на территории СССР. Учитывая громадные разрушения, которые смогут нанести нашей стране уцелевшие после первого американского удара советские стратегические силы, трудно себе представить такого президента США, который бы решился — как бы при этом не складывались обстоятельства — прибегнуть к стратегическому удару, разве только в качестве средства возмездия после советского ядерного удара. Именно такого рода рассуждения побудили Генри Киссинджера выступить в 1979 г. в Брюсселе с речью, ставшей впоследствии знаменитой в связи с критикой, которую она вызвала. Он дал ясно понять, что не верит в то, что Соединенные Штаты когда-либо возьмут на себя инициативу ядерного удара. Речь Киссинджера критиковали не из-за ее логики, а из-за ее откровенности.

Коротко говоря, ключевой элемент доктрины «гибкого реагирования» был опрокинут переменной в физических реальностях ядерного баланса. При огромных арсеналах обеих сторон, обладающих к тому же большой способностью к выживанию, вероятность того, что на любое нападение последует адекватный ответ, слишком велика. Таким образом, стратегическое ядерное оружие потеряло прежнюю военную ценность. Его единственной целью сегодня является сдерживание другой стороны от использования стратегических сил для нанесения первого удара.

Итак, если НАТО не намерена первой применить ядерное оружие стратегического назначения, можно ли представить себе, что применение тактического оружия принесет ей военную выгоду?

Почти пять тысяч ядерных единиц ядерных вооружений НАТО, размещенные сейчас в Европе, состоят из боеголовок для зенитных ракет, ядерных мин (известных также как атомные боезаряды), боеголовок для ракет меньшего радиуса действия, ядерных бомб и артиллерийских ядерных снарядов. Приблизительную оценку распределения этих вооружений по типам можно увидеть в табл. 2*.

Таблица 2

Ядерные вооружения США в Европе на 1985 г.

Авиационные бомбы	1 075
Артиллерийские снаряды (203- и 155-миллиметровые)	1 660
Ракеты:	
«Першинг-1а»	72
«Лэнс» и «Онест Джон»	895
«Першинг-2»	108
Крылатые ракеты	128
Противовоздушные боеприпасы и мины	870
Всего	4 808**

Из сопоставления этих цифр видно, что артиллерийские снаряды составляют большую часть всего арсенала — примерно одну треть. Именно они и вызывают наибольшую обеспокоенность.

Существуют два типа артиллерийских снарядов в арсенале НАТО: 155-миллиметровые для гаубиц и 202-миллиметровые пушечные. Как гаубицы, так и пушки являются оружием двойного назначения, т. е. могут стрелять и обычными снарядами, и ядерными. Существует расчетная дальность стрельбы этих систем, но принято считать, что она равна примерно десяти милям. Из-за такого короткого радиуса действия ядерной артиллерии и орудия, и ядерные снаряды обычно размещают вблизи потенциальной передовой линии любого возможного конфликта в Европе — сейчас примерно две тысячи артиллерийских ядерных боеголовок сконцентрированы на нескольких участках вблизи германской

* В настоящее время происходит некоторое сокращение ядерного тактического арсенала НАТО в Европе, но в общем виде эти цифры соответствуют современным уровням.— *Прим. авт.*

** В соответствии с Договором по РСМД ракеты «Першинг-1а» и «Першинг-2», равно как и крылатые ракеты с приданными им боеголовками, должны быть ликвидированы.— *Прим. ред.*

границы. Атомные мины (АМ) также вызывают определенную озабоченность. В случае использования их по назначению, а именно для блокирования горных проходов и других «узких мест» на предполагаемых путях советского вторжения, последствия скажутся на территории НАТО. Более того, чтобы их использование было эффективным, АМ должны быть установлены до фактического начала войны. Однако сведения о том, что НАТО готовится разместить АМ, сами по себе могут обострить кризис и, возможно, даже способствовать началу конфликта. В то же время, поскольку использование АМ необходимо именно в прологе конфликта, это автоматически приведет к тому, что НАТО не проверит способность своих обычных вооружений сдержать вторжение войск Варшавского Договора.

Аналогичные проблемы возникают и когда речь идет о противоздушных системах. Они предназначаются для использования в самом начале конфликта — для того, чтобы сорвать широкомасштабное воздушное нападение, которым будет сопровождаться вторжение войск Варшавского Договора, — и, таким образом, его применение сведет на нет стратегию «гибкого реагирования»*.

В обстановке острого кризиса, когда повышается риск войны, тактико-технические особенности ядерной артиллерии, мин и противоздушных систем, вероятно, будут способствовать усилению давления на политических лидеров НАТО, и прежде всего на президента США, с тем, чтобы те передали право принятия решения военному командованию на поле боя. Но независимо от того, передадут они это право или нет, сами тактико-технические характеристики этого оружия — и что самое важное, уязвимость ядерной артиллерии НАТО — по мнению многих обозревателей, заставят Атлантический союз использовать тактические ядерные силы в первые же часы после начала войны в Европе. Если же учесть уязвимость этих систем, расположенных вблизи от границы, и открыто объявленные НАТО планы использования их на ранней стадии, то станет очевидным, что у Советов будет огромный соблазн атаковать их как можно быстрее обычными средствами. Перед НАТО, вероятно, встанет выбор: или пустить в ход ядерное оружие поля боя, или наблюдать за тем, как противник будет захватывать или уничтожать его.

Если оставаться в рамках военной целесообразности, то НАТО не смогла разработать такой план использования ядерной артиллерии, который одновременно гарантировал бы преимущество союзу и помогал бы избежать риска эскалации к всеобщей ядерной войне.

* Здесь и в других разделах книги автор оперирует возможностью неспровоцированного нападения со стороны СССР и ОВД. Между тем, по мнению большинства западных экспертов, включая самого Макнамару, вероятность такого развития событий практически сводится к нулю. — *Прим. ред.*

Руководство по применению ядерного оружия на начальном этапе войны, до сих пор остающееся в силе, датируется началом 70-х годов. Член «группы высокого уровня» (специального официального комитета, образованного в НАТО в 1978 г. с целью анализа ядерных концепций союза) заявил, что, несмотря на длившиеся годами дискуссии, «НАТО так и не смогла прийти к согласию об основных принципах применения ядерного оружия после того, как первая попытка сообщить о намерениях НАТО с помощью ограниченного демонстрационного применения ядерного оружия не будет иметь успеха и не убедит противника в необходимости прекратить военные действия».

Две проблемы стоят на этом пути.

Первая: поскольку существует предположение, что НАТО даст ответ на вторжение Варшавского Договора в Западную Европу, и поскольку дальность стрельбы артиллерии невелика, ядерные взрывы произойдут на собственной территории НАТО. Если из двух тысяч ядерных артиллерийских боезарядов будет использована значительная часть, то тяжелые потери будут не только среди военнослужащих ОВД, но немало будет убитых и раненых среди военных и гражданских лиц НАТО. Нанесен будет также значительный ущерб собственности, сельскому хозяйству и городам.

Более того, нет никаких причин считать, что Варшавский Договор, который сейчас обладает оружием средней и меньшей дальности, по крайней мере, сравнимым с тем, что есть у НАТО, не ответит на развязывание ядерной войны еще более сильным ударом. Вероятно, целью этого ответного удара станет ограничение возможностей НАТО по ведению войны с помощью разрушения ее центров командования, управления и связи, складов ядерного оружия, а также авиации, ракет и артиллерии — всего того, что составляет ядерный потенциал НАТО. Элементы инфраструктуры непосредственной поддержки, такие, как порты и аэродромы, вероятно, также будут атакованы на первом этапе ядерного наступления со стороны Варшавского Договора. Таким образом, масштаб войны изменится: с поля боя она перекинется на всю Западную Европу (и, возможно, на Восточную, когда НАТО нанесет ответный удар).

Каковы будут последствия такого конфликта? В 1955 г. во время учений под кодовым названием «карт—бланш» была проведена имитация применения 335 ядерных боеприпасов, 80% из которых предполагалось взорвать на западногерманской территории. Непосредственные потери (не считая жертв от лучевой болезни и других последствий) составили бы, по оценкам, от 1,5 до 1,7 млн. человек убитыми и 3,5 млн. человек ранеными в первые же два дня — в пять раз больше, чем потери среди гражданского населения Германии за годы второй мировой войны.

Эти учения побудили Гельмута Шмидта заявить, что применение тактического ядерного оружия «не защитит Европу, а разрушит ее».

Дополнительные исследования, проведенные в 60-е годы, подтвердили эти прогнозы. Они дали основание двоим моим бывшим помощникам написать в 1971 г.: «Даже самые благоприятные предположения приводили к выводу, что будут убиты от 2 до 20 млн. европейцев, широкомасштабный ущерб понесет экономика затронутых войной территорий, а если произойдет эскалация войны и будут нанесены удары по городам, можно с уверенностью предположить, что погибнут 100 млн. человек».

Изменились ли возможные последствия ядерной войны в Европе в связи с размещением в 70-х годах обеими сторонами более современного оружия? Вовсе нет. В 1980 г. генеральный секретарь ООН собрал группу экспертов для изучения последствий ядерной войны. Они смоделировали конфликт, в котором против военных целей с обеих сторон было использовано 1500 артиллерийских ядерных снарядов и 200 бомб. Эксперты пришли к выводу, что в результате такого столкновения немедленно погибнет как минимум 5—6 млн. гражданского населения, 400 тыс. военного персонала и, по крайней мере, 1,1 млн. гражданских лиц будут поражены радиацией.

Необходимо помнить, что все эти сценарии, какими бы ужасными они ни казались, предусматривают применение лишь небольшой части тактических ядерных вооружений, размещенных в Европе, и вовсе не учитывают возможное применение тысяч ядерных боеголовок из главного стратегического арсенала Соединенных Штатов и Советского Союза. Но ведь определенная часть этого арсенала предназначена для применения именно в Европе: Соединенные Штаты резервируют 400 боеголовок на подводных лодках «Посейдон» для их использования командованием НАТО; Советский Союз, как считают, намерен использовать несколько сотен своих МБР против целей в Западной Европе.

Реалистично ли ожидать, что ядерную войну можно ограничить взрывом десятков или даже сотен ядерных боезарядов, хотя у каждой стороны останутся при этом в запасе десятки тысяч единиц, готовых к бою?

Ответ будет отрицательным. Подобного рода надежды основываются на предположении, согласно которому одна из сторон — и это после того, как уже первые удары вызовут широкомасштабные взаимные потери и ущерб,— почувствовав свое невыгодное положение, уступит. Но ведь в такой ситуации лидеры по обе стороны фронта попадут под невообразимый нажим: их будут угрожать отомстить за понесенные потери и, таким образом, обеспечить достижение целей, которым брошен вызов. И каждый из них будет опасаться того, что противник может в любой момент прибегнуть к еще более массивному удару. Тем более, что обе стороны будут действовать на основании лишь частичной информации в связи с нарушениями связи, вызванными хаосом на поле боя (не говоря уж о возможных ударах по узлам коммуникаций). В таких условиях куда вероятнее считать, что каждая сто-

рона поспешит не сдаваться, а, напротив, наращивать удары в надежде, что именно этот шаг положит конец военным действиям, и противник капитулирует.

Подобного рода рассуждения и выводы — и об этом более подробно я буду говорить в четвертой главе — побудили не только фельдмаршала лорда Карвера, но и лорда Маунтбэттена и некоторых других из восьмерки, вышедших в отставку начальников штабов британского генерального штаба, публично сообщить о том, что они ни при каких обстоятельствах не могли бы рекомендовать НАТО первой прибегнуть к ядерному оружию.

Аналогичные соображения подтолкнули меня к аналогичным выводам в 1961 и 1962 годах. Для меня непостижимо, как впрочем и для многих других, занимавшихся изучением данного вопроса, как «ограниченные» ядерные войны останутся ограниченными — любое решение о начале применения ядерного оружия будет однозначно предполагать высокую вероятность таких же катастрофических последствий, как и при тотальном обмене ядерными ударами. Короче говоря, я не знаю ни одного плана, который давал бы разумную гарантию того, что ядерное оружие может быть с выгодой использовано для обороны НАТО. И тем не менее стратегия НАТО продолжает делать ставку на угрозу первого ядерного удара.

Позвольте мне повторить: я не верю, что Советский Союз или Соединенные Штаты хотят войны друг с другом. Но, как я уже говорил в первой главе, как в прошлом между Варшавским Договором и НАТО возникали опасные разногласия, так они, вероятно, будут случаться и в будущем. Война может начаться из-за неправильного восприятия обстановки, недостоверной информации и неверных расчетов. Если сдерживание не сработает и возникнет конфликт, решимость НАТО нанести первый удар и соответствующая официальная стратегия союза окажут опасную услугу — западная цивилизация, какой мы ее знаем, будет разрушена.

Таков незапланированный — и для меня неприемлемый — результат длинного ряда подкрепляющих друг друга решений, принятых военными и гражданскими руководителями Востока и Запада в первые полстолетия ядерной эры. Сможем ли мы выбраться из этой ситуации в следующие пятьдесят лет? Прежде чем приступить к рассмотрению этого вопроса, необходимо обратиться к некоторым, широко распространенным взглядам — взглядам, которые, по моему мнению, хотя и являются результатом неправильно воспринятой действительности, тем не менее весьма ощутимо влияют на наш ответ.

3

ЯДЕРНЫЕ МИФЫ.
НЕДОПОНИМАНИЕ
УГРОЖАЕТ
НАШЕЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Ошибочные представления относительно ядерного равновесия между Востоком и Западом и действий, влияющих на это равновесие, широко распространены как в Америке, так и по всему миру. Чтобы проиллюстрировать это, обращусь к нескольким общепризнанным, но ошибочным взглядам:

— Советы обладают ядерными силами, превосходящими наши собственные;

— Советы обладают потенциалом первого удара или стремятся достичь его;

— безотносительно к американским действиям или американской сдержанности Советы будут продолжать наращивать свою ядерную мощь настолько быстро, насколько смогут и насколько это окажется возможным;

— если Запад мобилизует свои технические ресурсы, он сможет достичь и поддерживать решающее с военной точки зрения преимущество над Советами;

— учитывая политическую конфронтацию между Востоком и Западом, наращивание ядерных вооружений до их нынешнего уровня было неизбежным;

— соглашения по контролю над вооружениями бесполезны — Советы обманывают, и их нарушения невозможно обнаружить;

— соглашения по контролю над вооружениями приводили лишь к тому, что Советы вырывались вперед;

— ядерное оружие, даже если оно не имеет особого военного значения, может служить достижению определенных политических целей.

То, что эти верования названы ошибочными представлениями, не означает, что советская ядерная политика не является угрозой. Она представляет собой чрезвычайную опасность. Но для того, чтобы эффективно противостоять этой угрозе, мы должны разобраться в ней. Перечисленные неверные суждения мешают этому.

СОВЕТЫ ОБЛАДАЮТ ЯДЕРНЫМ ПРЕВОСХОДСТВОМ

Вся терминология «гонки вооружений» в ядерной области предполагает, что Соединенные Штаты либо впереди, либо отстают, что есть «победитель» и есть «побежденный». В каждом опросе общественного мнения американцы указывали на то, что Соединенные Штаты не должны стремиться к победе в гонке вооружений. Но в равной степени они не согласны и проигрывать — они не склонны терпеть советское превосходство. Когда им говорят, что Советские Вооруженные Силы превосходят американские, их озабоченность законна и конгениальна. Важной и трудной задачей становится проблема определения, что же это такое ядерное превосходство, и как решить, кто им обладает, если вообще его кто-то имеет.

Многие выдающиеся люди утверждают, что Советы действительно «впереди». Джин Киркпатрик, бывший посол США в ООН, писала в январе 1986 г.: «Самым важным результатом развития международных отношений в 1985 г. ...стала растущая уязвимость Соединенных Штатов. Впервые в американской истории противник способен разрушить нашу страну... Советское превосходство в ядерных ракетах является реальным и все возрастает. Наша способность сдерживания минимальна и все снижается».

Американцы знакомы и со взглядами президента Рейгана на этот предмет: «В настоящий момент, я должен сказать, Соединенные Штаты... все еще намного отстают от Советского Союза буквально во всех видах наступательных вооружений». Пол Нитце, являющийся сейчас советником президента по вопросам контроля над вооружениями, предупреждал: «Советские руководители не хотят ядерной войны. Они считают, что наилучший способ избежать ядерной войны и тем не менее достичь своих целей — это сохранять подавляющее превосходство».

Подобные заявления серьезно задевают американцев, как, впрочем, и должно было быть. Но, к счастью, ситуация полностью отличается от того, как она изображена в этих высказываниях. Обратите внимание, например, на ответ, который дал президенту сенатор Сэм Нанн: «Разве президента не информировали о превосходстве США в подводных лодках, в авианосцах, в тактической авиации, в силах быстрого развертывания, в баллистических ракетах морского базирования, в крылатых ракетах и бомбардировщиках? Президент должен знать слабости, но он должен быть также информирован о наших сильных сторонах». Американцы также должны быть информированы. Каково же в действительности состояние ядерного баланса между Востоком и Западом? Детально наступательные вооружения обеих сторон представлены в Приложении III, а в общем виде в табл. 3.

Ядерные арсеналы США и СССР в 1985 г.

	Количество ракет и бомбардировщиков		Количество боеголовок	
	США	СССР	США	СССР
МБР большого радиуса действия	1 023	1 398	2 126	6 420
БРПЛ	690	967	5 728	2 887
Бомбардировщики	297	300	3 334	600
Итого:			11 188	9 907
Ракеты средней дальности	236	514	236	1 435
Тактические ядерные вооружения			9 500	8 432
Всего*			20 924	19 774

* В окончательном подсчете не учтены 10 000 складированных, но не установленных боеголовок.— *Прим. авт.*

Я признаю, что простое сравнение цифровых данных дает лишь приблизительное соотношение военной мощи обеих сторон. Как бы то ни было, цифры указывают на почти полное равенство в боеголовках на ракетах большого радиуса действия и тактических. Еще более важно, что суммарная мощь арсеналов далеко превосходит требования любого мыслимого плана ведения войны.

По знаменитому изречению Черчилля, вооруженные силы каждой стороны обладают более чем достаточной мощью, чтобы булыжник перевернулся много раз.

Недавно администрация высказала мнение, что Советы обладают преимуществом не только в наступательных вооружениях, но и в оборонительных системах. Министр обороны Каспар Уайнбергер, например, указал, что в течение последних пятнадцати лет Советы потратили «приблизительно столько же на стратегические оборонительные системы, сколько на свои чрезвычайно дорогие стратегические наступательные».

Советский Союз действительно вложил огромные ресурсы в оборонительные системы, но большая часть этих вложений пошла на средства противовоздушной обороны. Соединенные Штаты в 60-е годы, т. е. в начале ракетной эры, прекратили финансирование этого рода войск. Сегодня американские эксперты в целом согласны с тем, что миллиарды долларов, потраченных Советами

на ПВО в последние два десятилетия, в основном были истрачены впустую. И в самом деле, я никогда не слышал от какого-либо старшего офицера США о сомнениях по поводу нашей способности проникнуть в советское воздушное пространство. В 1985 г. на слушаниях в конгрессе Лоуренс Гершвин из Центрального разведывательного управления свидетельствовал, что «в течение следующих десяти лет советская воздушная оборона вряд ли будет способна нанести такой урон ударным силам, состоящим из истребителей-бомбардировщиков и крылатых ракет, чтобы предотвратить широкомасштабный ущерб для СССР».

Члены Комитета начальников штабов весьма откровенны по поводу соотношения мощи ядерных сил США и СССР. Когда их спросили, пошли бы они с Советами на обмен вооруженными силами — как наступательными, так и оборонительными, — они недвусмысленно ответили «нет». Генерал Дэвид Джоунс, бывший председатель Комитета начальников штабов, говорил в 1980 г.: «Я не стал бы обменивать наши нынешние военные возможности на те, которыми обладает Советский Союз». Его точку зрения поддержал генерал Джон Весси, председатель Комитета начальников штабов с 1982 по 1985 г.: «В целом, стал бы я меняться с маршалом Огарковым (начальник Генерального штаба Вооруженных Сил СССР)? Да никогда в жизни... эта коммерция не по мне». Нынешний председатель Комитета начальников штабов адмирал Уильям Кроу свидетельствовал 5 февраля 1986 г., что в настоящее время существует примерный паритет между Соединенными Штатами и Советским Союзом.

Тем не менее, несмотря на мнения начальников штабов, администрация Рейгана, едва придя к власти (об этом я буду детально говорить далее), тут же оповестила всех о существовании «окна уязвимости» — опасности того, что американские баллистические ракеты наземного базирования могут быть разрушены в шахтах в результате внезапного советского нападения. Замечу при этом, что в 1983 г. в докладе президентской комиссии по стратегическим силам, возглавляемой генерал-лейтенантом Brentom Скаукрофтом, был, однако, сделан вывод о том, что страхи администрации безосновательны, и никакого «окна уязвимости» не существует.

Совершенно ясно, что военные эксперты не согласны с утверждением администрации по поводу американского отставания. Означает ли это, что президент и его помощники преднамеренно извращают факты? Я так не думаю.

Я достаточно уверен в том, что утверждения президента, хотя и малообоснованные, не были сознательной попыткой ввести в заблуждение общественность. Такие ошибочные суждения имеют прецеденты. Во время президентской кампании 1960 г. Джон Ф. Кеннеди также выражал серьезную озабоченность стратегическим отставанием, а именно отставанием по ракетам между американскими и Советскими Вооруженными Силами. Он опирался в своих утверждениях на разведывательные оценки военно-

воздушных сил. Поэтому моей первоочередной задачей (после того, как я принял присягу на посту министра обороны в январе 1961 г.) стала задача установить масштаб этого отставания и принять срочные меры для его устранения. Моему помощнику Розвеллу Дж. Гилпатрику и мне понадобилось не больше трех недель для того, чтобы понять, что разрыв в наступательных боеголовках действительно существовал. Однако, и это подтвердили документы ЦРУ, этот разрыв был во многом в пользу Соединенных Штатов (см. Приложение IV). Дело в том, что ВВС, не желая кого-либо при этом обманывать, интерпретировали некоторые двусмысленные данные таким образом, чтобы они работали в поддержку разработанных ими программ.

Ошибочные представления, неверные оценки, подобные мифическому ракетному разрыву и «окну уязвимости», могут действительно стоить очень дорого. Они могут вести к раздутым военным бюджетам, росту подозрений между Востоком и Западом и — в случае политического или военного кризиса — к ошибочным решениям относительно использования ядерного оружия.

При современном балансе стратегических сил и состоянии ядерной технологии ни Восток, ни Запад не могут достичь значимого превосходства при условии, если другая сторона сохраняет бдительность. Истина состоит в том, что сегодня существует паритет. Сохранение этого паритета должно быть нашей целью в будущем.

Во время моей недавней поездки в Советский Союз несколько русских, представители политических и научных кругов, попросили меня дать определение ядерного паритета. Я отвечал, что паритет существует тогда, когда каждую сторону удерживает от нанесения первого стратегического удара осознание того, что за подобным нападением последует удар возмездия, который нанесет неприемлемый ущерб для нападающего. И далее сказал: «Я вас удивлю, если скажу, что ядерный паритет, я уверен, существовал еще в октябре 1962 г. во время кубинского ракетного кризиса. У Соединенных Штатов в то время было примерно пять тысяч стратегических боезарядов по сравнению с советскими тремя сотнями. Несмотря на преимущество семнадцати к одному в нашу пользу, одно понимание того, что, хотя подобный удар и разрушит Советский Союз, но ведь десятки его ракет уцелеют и полетят на Соединенные Штаты, удержало нас даже от рассмотрения возможности ядерного нападения на СССР. Это стоило бы жизни миллионам американцев. И ни один ответственный политический лидер не подвергнет свою страну такой катастрофе».

Вывод, который я сделал из этого исторического примера, состоит в том, что ширина «диапазона паритета» очень и очень велика. В 1962 г. для нас не имело никакого значения, было ли соотношение семнадцать к одному, пять к одному, два к одному в нашу пользу или, скажем, два к одному против нас. Ни в одном

из этих случаев ни Советы, ни мы не могли помышлять об использовании или даже угрозе использования ядерной мощи для достижения политических целей.

На сегодняшних уровнях вооруженных сил, когда каждая сторона владеет десятью или одиннадцатью тысячами стратегических боезарядов, диапазон паритета даже больше, чем он был в 1962 г.

При таких обстоятельствах я не могу представить себе, что какая-либо из сторон «обладает превосходством» или движется в направлении, которое позволит ей достичь преимущества. Паритет — это все, на что мы можем надеяться. И поддержание паритета не требует, чтобы мы противопоставили на каждую единицу оружия другой стороны свою собственную. Учитывая, что сегодня американские и советские стратегические силы в значительной степени асимметричны — например, у нас гораздо больше стратегических сил на море, чем у них, — понимание и принятие широты диапазона паритета дает большую свободу действий в переговорах по контролю над вооружениями, дает большую надежду на достижение договоренности о сокращении уровней наших сил.

Я должен указать на другой урок, который может быть почерпнут из опыта кубинского кризиса. Возможно, он открыл нам самый парадоксальный принцип ядерного века. Одного твердого решения Соединенных Штатов не применять ядерное оружие было бы недостаточно, оставаясь у Советского Союза хоть малейшие сомнения в этом факте. Ему было прекрасно известно о нашем превосходстве в соотношении семнадцать к одному, и, возможно, русские опасались, что Соединенные Штаты попытаются использовать это преимущество. Эта неуверенность Советов по вполне очевидной причине ставила нашу страну под угрозу: любой намек на то, что мы планируем нападение, автоматически означал бы огромное давление на советских руководителей в пользу нанесения упреждающего удара. Если бы Советы почувствовали, что им вот-вот грозит нападение со стороны США, они, скорее всего, поторопились бы нейтрализовать как можно большую часть американских ядерных сил, а не ждать, пока на них будет выпущен весь пятитысячный арсенал боезарядов.

Обе стороны должны быть глубоко заинтересованы в том, чтобы избегать таких крайне не стабильных ситуаций. Они могут сделать это, понижая восприятие уязвимости. Двигаться в этом направлении, значит увеличивать запас так называемой «кризисной стабильности».

В прошлом между Востоком и Западом возникло несколько опасных кризисов. Есть основание утверждать, что они могут возникать и в будущем. Поэтому упрочение «кризисной стабильности» должно стать первоочередной задачей американского военного планирования и переговоров по контролю над вооружениями. Соединенные Штаты должны идти к этой цели как

самостоятельно, так и путем соглашений с Советским Союзом. Далее в этой книге я остановлюсь на конкретных предложениях по достижению этих целей.

Концепция кризисной стабильности может показаться противоречивой. Она предполагает, что, исходя именно из собственных интересов, Соединенные Штаты должны добиваться того, чтобы противник чувствовал себя в большей безопасности. Многие настаивают на совершенно противоположном: важно, чтобы Советский Союз постоянно находился в положении обороняющейся стороны и терялся в догадках относительно американской силы. Но в эпоху ядерных вооружений, когда одна страна держит судьбу другой в своих руках, старые правила больше не применимы. Один случай ясно иллюстрирует этот парадокс.

В 1962 г. обозреватель Стюарт Олсоп посетил меня в Пентагоне. Я только что узнал, сказал он, что у ЦРУ есть доказательства того, что Советы укрепляют свои ракетные шахты, чтобы их было труднее разрушить. Не обеспокоен ли я этим?— спросил он. «Стью,— сказал я ему,— я никогда не комментирую информацию, поступающую из ЦРУ. Но позволь мне сказать, что если Советы укрепляют свои ракетные шахты, то слава богу». Олсоп опубликовал мою точку зрения в «Сатердей ивнинг пост». Конгресс был разъярен. Несколько конгрессменов буквально требовали моей отставки. Что это за министр обороны, спрашивали они, если он доволен тем, что Советы укрепляют свои силы?

Смысл моей позиции заключался, конечно, в том, что у Советов было только три сотни стратегических боеголовки, а их ракеты и бомбардировщики были «слабыми», т. е. уязвимыми. Мне же хотелось, чтобы советские руководители были уверены в том, что в случае кризиса их силы выдержат американскую атаку и будут способны нанести эффективный удар возмездия. Тогда у них не будет соблазна прибегнуть к упреждающему удару. Другими словами, мне хотелось бы, чтобы кризисная стабильность была попрочнее, и, наоборот, я совсем не хотел иметь в период напряженности дело с противником, загнанным в угол, паникующим и отчаявшимся; в этом случае от него трудно было бы ждать рационального поведения. Если Советы укрепляли свои шахты, если они при этом чувствовали себя в большей безопасности от первого удара США, то что ж, тем лучше для Соединенных Штатов.

Попытка сдвинуться от паритета в сторону превосходства может показаться ее авторам продолжением политики сдерживания, но с точки зрения другой стороны она часто представляется мерами по подготовке войны и ставкой на выигрыш. Наши постоянные опасения того, что Советы обладают способностью нанести первый удар или стремятся к ее достижению, является другим ошибочным представлением, на котором я остановлюсь.

СОВЕТЫ ОБЛАДАЮТ СПОСОБНОСТЬЮ НАНЕСТИ ПЕРВЫЙ УДАР

Гонка вооружений подстегивается глубоко укоренившимися опасениями с обеих сторон относительно того, что другая сторона может осуществить первый удар или стремится к достижению такой возможности. Удар, который приведет к нейтрализации противника (т. е. лишит его способности к осуществлению ответного удара возмездия, который бы причинил агрессору неприемлемый ущерб — *прим. ред.*) и таким образом заставит его сдаться.

Комитет по существующей опасности, объединивший деятелей, выступающих против договоров по ОСВ, заявил: «Продолжая наращивание стратегических сил, Советский Союз демонстрирует, что он не согласен с американскими представлениями о ядерной достаточности и взаимно гарантированным сдерживанием». «Советские ядерные наступательные и оборонительные силы, — предупреждал комитет, — предназначены для обеспечения возможности вести военные действия, выжить и победить во всеобщем ядерном конфликте». В одном из докладов министерства обороны утверждается, что размещение «значительного количества» советских ракет СС-25 (недавно разработанные мобильные системы, отличающиеся высокой точностью наведения боеголовок) «подорвет сдерживание, так как обеспечит Советам возможность нанесения первого удара с помощью стационарных МБР, сохранив при этом резервные силы в виде мобильных ракет, малоуязвимых для контрудара».

Президент Рейган также посчитал нужным подчеркнуть: «Все их слова, и все, что написано в их руководствах, указывает на то, что Советский Союз в отличие от нас верит в возможность ядерной войны. И они верят, что ее можно выиграть, а это означает, что они верят в то, что, если вы можете достичь достаточного превосходства, тогда ваш противник потеряет способность к удару возмездия».

Приведенные заявления ясно говорят о том, что армада советских мощных МБР со все увеличивающейся точностью поражения породили страх первого удара в умах многих американских лидеров. В соответствии с рисуемым ими сценарием советские ракеты могли бы одним ударом уничтожить большинство наших МБР «Минитмен»; в свою очередь, наши оставшиеся целыми подводные лодки и бомбардировщики позволят нам нанести удар возмездия по советским городам, но мы не пойдем на это, поскольку боимся советского встречного удара по нашему городскому населению; таким образом, у нас не будет другого выхода, кроме как уступить советским требованиям.

Несколько более изощренный вариант этого сценария, связанный с «окном уязвимости», предполагает, что Советы прибегнут к политическому шантажу с помощью простой угрозы нанесения такого удара.

Те, кто принимает точку зрения возможности успешного первого удара, рассматривает советские МБР и людей, управляющих ими, как объекты, существующие в некоем замкнутом пространстве, отгороженном от реального мира.

Они исходят из того, что советские руководители полностью полагаются на высокосложные системы, до этого испытанные только по отдельности и в контролируемых обстоятельствах, и верят, что те выполняют мириады задач в заданной последовательности и синхронности в условиях самого большого катаклизма в истории; что наши электронные разведывательные спутники не отметят даже следа сложных приготовлений, которых потребует такой удар; что тысячи американских боезарядов, размещенных на подводных лодках и в воздухе, которые, безусловно, останутся целыми, не будут использованы против широкого набора уязвимых советских военных целей. И, наконец, они убеждены что Советы уверены в нашем нежелании использовать уцелевшие силы против советского населения, даже несмотря на то, что десятки миллионов американцев будут убиты в результате советского нападения на американские ракетные шахты.

Только безумцы могут играть в такие игры. Какими бы они ни были, но руководители Советского Союза не безумцы.

Как я говорил выше, президентская комиссия, возглавляемая Скаукрофтом, подтвердила, что логика советских планов не предусматривает нанесения первого удара. Комиссия признала, что при существующих сегодня обстоятельствах ни одна комбинация ударов с советских подводных лодок или МБР наземного базирования не может гарантировать уничтожение наших бомбардировщиков на земле, а «Минитменов» — в шахтах. Добавим к этому наши подводные лодки, находящиеся в море и несущие значительный процент стратегических боезарядов. В игре в прятки между теми, кто скрывает подводные лодки, и теми, кто их пытается обнаружить, первые всегда были впереди и увеличивают этот разрыв. Как говорил вице-адмирал Нильс Р. Танмен, заместитель командующего по операциям подводного флота, «существует убеждение, основанное на фактах и оценке авторитетов, что в обозримый период Советы не будут обладать технологическими возможностями, существенно снижающими стратегическую эффективность подводных ракетных сил США».

Советские руководители отрицают, что они стремятся заполучить способность к нанесению первого удара. В 1977 г. Брежнев, например, заявлял: «Голословные утверждения о том, что Советский Союз превосходит лимиты, достаточные для обороны, что он стремится к достижению превосходства в вооружениях с целью нанесения «первого удара», абсурдны и совершенно необоснованы».

Проблема правильной интерпретации советской стратегии осложняется тем фактом, что у Советов существуют подобные же

сомнения относительно намерений США. Их взгляд на нас является зеркальным отображением нашего взгляда на них. Размещение наших высокоточных ракет «МХ», каждая из которых оснащена десятью боеголовками, в уязвимых шахтах для «Минитменов» может быть, говорят они, объяснено только как часть американской стратегии первого удара. Ракеты «МХ», по их мнению, предназначены «не для сдерживания, а для нанесения первого удара и ведения ядерной войны». В советских заявлениях по поводу «звездных войн» президента Рейгана также постоянно содержатся ссылки на возможность первого удара. В 1983 г., неделю спустя после того, как президент Рейган впервые предложил стратегическую оборонную инициативу (СОИ), Юрий Андропов заявил: «Со стороны непрофессионалам она может даже показаться привлекательной, поскольку президент говорит о том, что может выглядеть оборонительными мерами. Но так может казаться только со стороны и только тем, кто не знаком с этими проблемами. В действительности стратегические наступательные силы Соединенных Штатов будут продолжать развиваться и совершенствоваться полным ходом, преследуя совершенно определенную линию, а именно, достижения способности к первому удару».

Советские опасения по поводу американского первого удара безосновательны. Но они понятны.

Когда я служил в администрации Кеннеди, я узнал, что первый удар, способный фактически ликвидировать советские ядерные силы, действительно являлся целью некоторых людей в военно-воздушных силах США. В 1962 г. в меморандуме президенту я цитировал выдержку из одного документа ВВС:

«Военно-воздушные силы склонны поддерживать такое развитие сил, которое обеспечило бы Соединенным Штатам способность к первому удару, убедительную для Советского Союза, как впрочем и для наших союзников; путь к этому они видят в способности ограничить ущерб Соединенным Штатам и нашим союзникам уровнями, приемлемыми в свете определенных обстоятельств и имеющихся альтернатив».

Я выступил против этой рекомендации военно-воздушных сил. Президент согласился с моим суждением.

Соединенные Штаты сейчас не обладают способностью для нанесения обезоруживающего первого удара. За последнюю четверть века не было такой администрации, которая стремилась бы к ней. Я уверен, что президент Рейган не стремится к этому и сегодня. Но, учитывая состав вооруженных сил США, направленные развития нашей технологии и прошлые заявления, подобные приведенному выше, нет ничего удивительного, что советские опасения существуют.

Итак, я повторяю: взаимные опасения США и СССР по поводу уязвимости перед первым ударом по-прежнему живы. Они реальны. А во время кризиса куда большее значение имеет то, в чем

убеждена каждая из сторон, а не то, что объективно соответствует истине. Этот страх побуждает к развитию новых систем оружия, которые любым из противников будут рассматриваться в качестве крайней угрозы. Так, например, наши новейшие подводные лодки будут вскоре оснащены ракетами такой точности наведения, что они смогут разрушать советские ракетные шахты. Когда Советы последуют нашему примеру, что они всегда делают, их подводные лодки, находящиеся на дежурстве, впервые будут угрожать нашим командным центрам, базам бомбардировщиков и МБР «Минитмен».

С взаимными опасениями первого удара — опасениями реальными, хотя и основанными на ошибочных представлениях, — необходимо что-то делать, и подробнее я остановлюсь на этом в четвертой главе.

ЧТО БЫ МЫ НИ ПРЕДПРИНИМАЛИ, СОВЕТЫ ПРОДОЛЖАЮТ НАРАЩИВАТЬ ЯДЕРНЫЕ СИЛЫ

Многие американцы пребывают в уверенности, что увеличиваем ли мы свои ядерные силы или, наоборот, демонстрируем сдержанность, Советский Союз ведет безостановочное и непреклонное наращивание. Президент Рейган, например, говорил: «Раз за разом мы пытались показать пример, сокращая наши собственные силы в надежде, что Советы сделают то же самое. Ответом с их стороны всегда было безостановочное наращивание». Отсюда делается вывод, что Соединенные Штаты должны продолжать свое наращивание просто для того, чтобы не отстать.

В действительности дело обстоит гораздо сложнее, чем можно предположить, исходя из таких ошибочных представлений. Советские решения по поводу развития тех или иных сил не являются просто результатом внутренне мотивированного стремления к власти и превосходству. Многие из их шагов по увеличению вооружений за последние двадцать лет могут быть лучше всего поняты как реакция на соответствующие американские достижения. И, наоборот, то же верно и по отношению ко многим американским шагам. Для себя я определяю это как феномен «действие—противодействие». Это важнейший двигатель гонки ядерных вооружений.

Я вовсе не хочу тем самым сказать, что советские программы вооружений являются ничем иным, как только непосредственной реакцией на американские программы. Очевидно, что две страны следовали своей собственной стратегической мысли и испытывали свое собственное внутреннее давление. Тем не менее на Советский Союз сильно влияли американские решения и направления развития так же, как их решения влияли на нас. Феномен «действие—противодействие» внес немалый вклад в создание ситуации, в которой мы сегодня пребываем. Но если мы понимаем это, то

можем ограничить воздействие упомянутого феномена в будущем. А пока что, вот пример его работы.

Как министр обороны, я не раз был вынужден принимать решения относительно начала работ по вооружениям, которые должны были уравновесить наши силы с советскими, как мы их представляли в завтрашнем дне. Такие решения были гипотетичны, основаны на неполной, часто противоречивой и постоянно меняющейся информации.

Предположим, такая программа развития вооружений занимала пять лет, хотя часто от принятия решения до принятия новой системы на вооружение проходит не менее десяти лет. Значит, при принятии решений на разработку или запуск в производство мы были вынуждены гадать относительно того, какими будут советские силы через пять-десять лет. Наши знания о советских возможностях в разработке и производстве, скажем, ракет и бомбардировщиков, были ограничены, тем более мы не имеем никакой информации о том, как они собираются использовать эти возможности. В итоге мы исходим из наихудших предположений. Другими словами, мы предполагали, что Советы в максимальной степени используют свои ресурсы. Как это влияло на гонку вооружений?

Таблица 4

Соотношение американских и советских стратегических ядерных боезарядов

	1950	1955	1960	1965	1970	1975	1980	1985
США								
Ракетные боеголовки			68	1050	1800	6100	7300	7900
Бомбы	450	4750	6000	4500	2200	2400	2800	3300
Всего	450	4750	6068	5550	4000	8500	10000	11200
СССР								
Ракетные боеголовки			неск.	225	1600	2500	5500	9300
Бомбы		20	300	375	200	300	500	600
Всего		20	300	600	1800	2800	6000	9900

Табл. 4 показывает результаты тридцати пяти лет действия и противодействия. В 1960 и 1961 гг. у Соединенных Штатов было 68 ракет. У Советов их было меньше. Мы предполагали, что они будут их быстро наращивать. Поэтому был отдан приказ о производстве к 1965 г. нескольких сот ракет «Минитмен» и «Поларис». Оценка советских планов оказалась ошибочна. По этой причине в 1965 г. в наших ракетных силах было на вооружении 1050

боеголовок по сравнению с их 225. В период с 1965 по 1970 г. мы добавили только 750 боезарядов, Советы — 1375, почти вдвое больше. Но они просто старались догнать нас. Им это не удалось. В 1970 г. на вооружении наших ракетных сил было 1800 боеголовок, у них — 1600.

Возможно, наиболее драматичным примером влияния феномена «действие—противодействие» является появление систем типа «МИРВ» с разделяющимися головными частями индивидуального наведения (РГЧ ИН). Это отдельные боезаряды, которые могут быть направлены на различные цели, но которые могут и быть собраны вместе и установлены на ракете по три, десять и более зарядов. РГЧ появились в американских и советских войсках в 70-е годы, и появление это привело к учетверению числа ракетных боеголовок — настоящему взрыву гонки вооружений. Как же это происходило?

В середине 60-х годов нами были получены неопровержимые свидетельства того, что Советы начали развертывание системы противоракетной обороны (ПРО) вокруг Москвы. Мы пришли к разумному, но, возможно, неверному выводу, что они собираются развернуть эту систему для прикрытия всей территории Советского Союза. Зачем устанавливать такую систему вокруг одного только города и больше нигде? Создай Советский Союз такую систему в национальном масштабе, нам бы пришлось предпринять гигантские усилия по повышению уровня наших сил.

Конгресс считал, что наилучшим ответом для Соединенных Штатов было бы развертывание собственной системы ПРО территории страны. Армия работала над созданием таких систем с конца 50-х годов; сначала над системой «Найк Зевс», а позднее над «Найк Экс». В 1966 г. конгресс санкционировал работы по системам «Найк» и выделил на них 167,9 млн. долл. (с учетом полного развертывания проект, вероятно, обошелся бы в 30 млрд. долл.). Президент Джонсон и я считали, что эта система мало что, если вообще что-нибудь даст для защиты как гражданского населения, так и вооружений. И мы отказались потратить фонды, выделенные конгрессом.

6 декабря 1966 г. заместитель министра обороны Сайрус Вэнс, члены Комитета начальников штабов и я отправились в Остин, штат Техас, на встречу с президентом и Уолтом Ростоу, специальным помощником президента по национальной безопасности, для рассмотрения бюджета на оборону на 1968 финансовый год перед тем, как представить его конгрессу в феврале 1967 г. Вместе с другими пунктами, которые нам предстояло рассмотреть, была и рекомендация начальников штабов включить в бюджет фонды для производства противоракетных систем. Я объяснил президенту, что начальники штабов выступают за этот шаг, но Сай и я решительно против него.

Президент попросил каждого из пятерых начальников штабов высказаться на этот счет, и каждый настоятельно рекомендовал

одобрить программу ПРО. Росту встал на сторону начальников штабов. Момент для президента был чрезвычайно трудным. Что до меня, то я никогда не колебался, высказывая несогласие с единодушным мнением начальников штабов, если чувствовал, что это неправильное решение. Однако в этом случае конгресс уже одобрил законопроект, санкционирующий производство системы. Так что позиция президента, направленная против воли конгресса и единогласных рекомендаций, скорее всего, оказалась бы несостоятельной и трудно оправдываемой.

В этот момент я сказал президенту: «Рекомендация начальников штабов неверна, абсолютно неверна. Правильным ответом на советскую систему ПРО будет не размещение оборонительной системы, которая скорее всего окажется «дырявой», а такие действия, которые гарантируют сохранение наших возможностей сдерживания после создания Советами своей оборонительной системы. То, что советуют начальники штабов, не имеет ничего общего с поддержанием эффективного сдерживания. Если наши силы сдерживания (наши наступательные ракеты и бомбардировщики) были достаточны перед тем, как Советы развернули ПРО, теперь встает необходимость нарастить их до такого уровня, чтобы прежнее количество ядерных боезарядов могло достичь советских целей, притом, что часть американских ракет будет уничтожена при прохождении через советскую оборонительную сеть. Таким образом, развертывание американской ПРО это не ответ на советские действия. Но, поскольку мы попали в такую переделку, почему бы не сделать следующее: выделить небольшое количество средств из бюджета на работы по ПРО, но при этом зафиксировать в проекте бюджета и в моем письменном докладе конгрессу, что ни один из этих фондов не будет истрачен и никаких решений по развертыванию системы ПРО не будет принято, пока мы не исчерпаем все возможности заключить соглашение с Советами о взаимном отказе от оборонительных систем и, как следствие, об ограничении наступательных вооружений». Президент ухватился за это предложение как за выход из очень трудного положения.

Я информировал Дина Раска, государственного секретаря, о решении президента. Он сразу же вступил в контакт с советскими официальными лицами, предложив им начать переговоры по Договору по ПРО. Они отказались участвовать даже в предварительных обсуждениях такого соглашения.

В июне 1967 г. советский премьер-министр Алексей Косыгин приехал в Нью-Йорк в Организацию Объединенных Наций. В результате консультации было договорено, что премьер Косыгин и президент Джонсон встретятся 23 июня в Глассборо, штат Нью-Джерси, — Глассборо находится на полпути между Нью-Йорком и Вашингтоном — для обсуждения вопроса о ПРО. В тот день во время ленча президент, премьер-министр и группа их помощников собрались за небольшим овальным столом. Президент явно начинал выказывать нетерпение в связи с тем, что премьер

Косыгин никак не может понять американскую точку зрения на ПРО. Наконец, президент повернулся ко мне и попросил объяснить нашу позицию.

«Г-н премьер-министр,— сказал я,— вы должны понять, что естественным ответом США на вашу систему ПРО станет наращивание наших наступательных вооружений. Если у нас его было достаточно для поддержания сдерживания до того, как вы развернули свою оборону, то теперь для того, чтобы сохранить тот же уровень сдерживания при наличии вашей системы обороны, мы должны будем укрепить наши наступательные силы. Размещение советской системы ПРО приведет к гонке вооружений. Это не пойдет на пользу никому из нас».

Косыгин был раздражен, он даже покраснел и, пристукнув по столу, сказал: «Оборона моральна; нападение аморально!». По существу это был конец всякой дискуссии. В то время Советский Союз никак не был готов к обсуждению соглашения о запрещении оборонительных систем.

После нашего возвращения в Вашингтон образовалось полное согласие между начальниками штабов, президентом и мною о том, что мы должны предпринять действия по наращиванию наших наступательных сил. Для нас было очевидно, что самым дешевым средством могут стать разделяющиеся боеголовки. Установив на каждой ракете больше одной боеголовки, Соединенные Штаты могли бы увеличить число боезарядов с гораздо меньшими затратами, чем если бы мы пошли по пути увеличения ракет. Но мы понимали, что это опасный шаг: если Советы последуют этому выбору, а для нас было ясно, что так и будет, это приведет к драматическому росту наступательных сил с обеих сторон. Мы поэтому пришли к заключению, что приступим к разработке разделяющих боеголовок, но воздержимся от решения по их размещению до тех пор, пока не исчерпаем все возможности переговоров по соглашению о запрещении оборонительных систем. Если такой договор будет заключен, то на программе боеголовок с разделяющимися головными частями будет поставлен крест.

Когда в феврале 1968 г. я вышел в отставку, Советы продолжали заниматься своей системой ПРО, в то время как в нашей стране все большую поддержку получала программа разделяющихся боеголовок. Все, что последовало далее, зафиксировано в анналах. Соединенные Штаты и СССР пришли в 1972 г. к согласию относительно Договора по ПРО, и все же несмотря на это, США приняли решение продолжать работы по РГЧ. Количество боезарядов США возросло с 1800 в 1970 г. до 6100 в 1975 г.; Советы, отставшие от нас в технологии производства разделяющихся боеголовок, увеличили число своих боезарядов лишь на 900 штук — с 1600 в 1970 г. до 2500 в 1975 г.

Массовое наращивание количества советских боеголовок, на которое указывают те, кто говорит «мы наращиваем — они нара-

щивают; мы останавливаемся — они наращивают», произошло между 1975 и 1980 гг. В течение этого времени Советы более, чем удвоили число боезарядов на своих ракетах: с 2500 до 5500. В определенном смысле, это был запоздалый ответ на наше решение по РГЧ, принятое пять лет назад. И все же в 1980 г. мы оставались со значительным количественным превосходством: 7300 против 5500.

С 1980 г. советское наращивание продолжалось. Сегодня число боезарядов (на ракетах плюс бомбы) в американских и советских стратегических войсках примерно одинаково. Но в течение тридцати пяти лет, с 1950 по 1985 г., Советы жили при численном отставании, хотя, как я доказывал раньше, так называемый паритет с оперативной точки зрения существовал, по крайней мере, с октября 1962 г.

Определяя политику по контролю над вооружением и в области обороны, чрезвычайно важно понимать динамику действия—противодействия, учитывать ее. Мы должны научиться быть готовыми к плохому без того, чтобы навлекать на себя худшее. Мы должны понимать, что каждое действие стимулирует противодействие, и этот цикл бесконечен. Себестоимость нашей неготовности к такому шагу слишком высока — до смешного раздутые арсеналы и упущенные возможности договориться о соглашениях по их сокращению.

Некоторые будут настаивать, что цепь действие—противодействие может быть разорвана, если Запад воспользуется своим преимуществом в технологии. Это представление тоже неверно. Теперь я обращаюсь именно к нему.

МЫ МОЖЕМ ОБОГНАТЬ ИХ В ТЕХНОЛОГИИ

История гонки вооружений — это по большей части поиски Западом технологического «прорыва», который обеспечит длительное военное преимущество и уменьшит возможности Советского Союза угрожать его безопасности. В 1983 г. в речи президента Рейгана по поводу «звездных войн» содержался призыв к научному сообществу, «давшему нам ядерное оружие... дать нам средства, способные сделать его бессильным и устаревшим».

Американцы слепо верят в громадные возможности технологии. Не только президент Рейган, но и другие считают, что она позволит нам выбраться из нынешнего ядерного тупика. Джордж Киурт, бывший советник президента по науке, выразил эту точку зрения следующим образом: «Мы не можем бесконечно глядеть в дула пушек друг друга, не пытаясь даже установить какой-нибудь приемлемый баланс... Не должны мы и подыгрывать Советам там, где они сильны — в людях и боевой технике. Вместо этого мы должны пойти своим козырем — использовать технологический рычаг». В другой раз Киурт доказывал, что

«Советы вынуждены играть в догонялки, когда дело касается новейшей технологии. Соединенные Штаты должны использовать это преимущество, действуя на передовых рубежах знания. С помощью этой уловки мы всегда будем на несколько шагов впереди и сможем пресекать любые попытки догнать нас».

Ричард Вагнер, помощник министра обороны по вопросам ядерной энергетики, утверждает, что технологическое превосходство приносит Западу важные политические преимущества: «Я считаю, что сам по себе уровень нашего технологического развития, абсолютно независимо от того, как конкретно он внедрен в систему вооруженных сил, отражается на общем представлении (Советов) о самих себе и о нас и, значит, может иметь значительный сдерживающий эффект... К 90-м годам нам понадобится какая-нибудь действительно новая технология для того, чтобы сохранить соотношение этих представлений в нашу пользу».

Отражением такого подхода стало неоднократное лидерство Соединенных Штатов в совершенствовании ядерного оружия. Это часто приводило к технологической гонке, но американское преимущество было временным (см. табл. 5).

Таблица 5

Технологическая гонка

Оружие	Дата испытаний или принятия на вооружение	
	американское	советское
Атомная бомба	1945	1949
Межконтинентальный бомбардировщик	1948	1955
Реактивный бомбардировщик	1951	1954
Водородная бомба	1952	1953
МБР	1958	1957
Спутники фоторазведки	1960	1962
МБР на подводных лодках	1960	1964
Твердотопливная МБР	1962	1966
ПРО	1974	1966
Противоспутниковое оружие	1963	1968
РГЧ (разделяющиеся головные части)	1970	1975

Как видно из табл. 5, Советский Союз быстро нагонял США в их нововведениях, а гонка вооружений каждый раз поднималась на еще более высокий уровень. Лидерство США не только всякий раз быстро испарялось, но более того — некоторые американские «прорывы» сработали, пожалуй, в пользу Советского Союза. Три тому очевидных примера — РГЧ, ракеты морского базирова-

ния и противоспутниковое оружие. Овладение этими видами оружия обеими сторонами абсолютно не в интересах Соединенных Штатов.

Как я говорил ранее, РГЧ рассматривались в качестве относительно дешевого способа нарастить наступательные силы США. Однако исторически дело сложилось так, что Советский Союз, поскольку он отставал от США в миниатюризации, делал ставку на более крупные, мощные и тяжелые ракеты. Это, в свою очередь, позволило ему монтировать на каждой ракете большее количество РГЧ. Таким образом, внедрение РГЧ обеими сторонами больше сыграло на руку Советским Вооруженным Силам.

Появление в Соединенных Штатах ракет морского базирования (как баллистических, так и крылатых) также приведет, вероятно, к тому, что Советский Союз окажется в более благоприятном положении после того, как он догонит в этой области США. Эти ракеты представляют собой большую угрозу именно для США из-за уязвимости и протяженности нашей береговой линии. Баллистические ракеты точного наведения, запущенные с советских подводных лодок, — серьезная угроза для наших укрепленных целей (ракетных шахт и командных центров). Крылатые ракеты, запущенные с подводных лодок, летят медленно, но их очень трудно перехватить. Наконец, оба типа ракет имеют короткое подлетное время, поэтому особо опасны для наших баз бомбардировщиков.

Противоспутниковое оружие являет собой еще один пример того, как американские нововведения могут, в конечном счете, стать большей угрозой для Соединенных Штатов, чем для Советского Союза. Это оружие предназначено для нападения на спутники в космосе и их уничтожение, а Соединенные Штаты зависят в гораздо большей степени, чем Советский Союз от спутниковых систем информации, наблюдения и связи. В итоге, Соединенные Штаты могут оказаться в более уязвимом положении, если каждая из сторон развернет противоспутниковые системы. Договориться о таком соглашении, которое запретило бы дальнейшие испытания и развертывание таких вооружений, в значительной степени было бы в наших интересах.

Американцы испытывают вполне оправданную гордость в связи с лидерством своей страны в технологии. Но в сфере ядерных вооружений эта гордость должна быть умерена признанием советской решимости не отставать от США. Как констатировал в 1982 г. Аверелл Гарриман, бывший посол в Советском Союзе: «Мое понимание советского опыта, а я встречался с каждым советским лидером — от Сталина до Брежнева, показывает, что Москва пойдет на любые жертвы, необходимые для того, чтобы не отстать — так же, как, впрочем, и мы. Результатом будет не превосходство; концом здесь будет гонка вооружений без конца».

Долгосрочной целью политики США не должно быть стремление к достижению превосходства в гонке вооружений с помощью

наращивания их или совершенствования; она скорее должна заключаться в контроле и ограничении соперничества в области ядерных вооружений путем заключения формальных и неформальных соглашений. Далее я обращусь к нескольким ошибочным представлениям, которые стоят на пути к достижению этой цели.

НАРАЩИВАНИЕ ЯДЕРНЫХ ВООРУЖЕНИЙ БЫЛО НЕИЗБЕЖНЫМ

Есть люди, считающие, что контроль над вооружениями изначально несовместим с соперничеством между Востоком и Западом, что взаимный страх и недоверие неизбежно перечеркивают все усилия по контролю над гонкой вооружений, что пока мы остаемся противниками, мы не можем рассчитывать на более или менее значительное сотрудничество. Анализируя последние пятьдесят лет, некоторые люди приходят к такому выводу: только замедлить гонку вооружений — это уже геркулесова задача, повернуть же ее вспять — и вовсе невозможно. Я извлекаю другой урок. Я смотрю на прошедшую половину века и вижу пятьдесят лет упущенных возможностей.

Существует одна центральная установка, которая раз за разом мешала нам пойти на ограничения в совершенствовании ядерной технологии и производстве ядерных вооружений. Мы испытываем постоянную склонность к преувеличению риска в связи с тем или иным соглашением и одновременно никак не можем осознать последствия нашего безудержного движения по наезженной колее. Мы вправе сказать, что каждая попытка установить контроль над гонкой вооружений таит, по всей видимости, определенный риск. Но не менее верно подчеркнуть, что каждая неудача во взаимном ограничении зачастую чревата не меньшим риском.

Угроза, связанная с безудержной гонкой вооружений, нарастает. Системы наведения становятся все точнее и, следовательно, все более опасными для противника. Продолжающаяся миниатюризация увеличивает мобильность. В результате, надо ждать появления все более смертоносных вооружений, обнаружить которые будет все труднее и труднее.

Риск, нарастающий вместе с модернизацией ядерных арсеналов, очень реален. И его нужно тщательно взвешивать в сравнении с риском заключения любых соглашений. Позвольте мне привести всего два примера того, как были упущены прекрасные возможности из-за нашего неумения взвешивать риск: это — шанс заключить всеобъемлющее соглашение о запрещении ядерных испытаний в 1963 г. и возможность запретить развертывание РГЧ в 1972 г.

В августе 1963 г. администрация Кеннеди провела переговоры и заключила Договор по частичному запрещению ядерных испытаний. Под это запрещение подпали испытания в атмосфере,

но договор позволял продолжение испытаний под землей. Причина, по которой администрация не стремилась к полному запрещению испытаний, заключалась не в том, как полагают некоторые, что об этом вообще нельзя было договориться или что такое запрещение нельзя было соответствующим образом проверить. Дело скорее было в точке зрения Кеннеди, которую, кстати, разделяли государственный секретарь Риск и я. Мы считали, что полный запрет на ядерные испытания не будет ратифицирован двумя третями сената. В самом деле, даже договор о частичном запрете на ядерные испытания прошел в сенате только потому, что был обставлен несколькими важными условиями. Они, в частности, включали требование, чтобы Соединенные Штаты проводили энергичную программу испытаний под землей и дорогостоящую подготовку к возобновлению испытаний в атмосфере, гарантирующую нашу готовность быстро ответить на возможные нарушения Советами принятого запрета.

К большому удивлению сената начальники штабов, хотя и неохотно, но выступили в поддержку частичного запрета на испытания. Но ни начальники штабов, ни сенат не были готовы к тому, чтобы идти дальше по пути к всеобщему запрету. И те, и другие считали, что Советский Союз может без ведома Соединенных Штатов нарушить запрет. Они боялись, что СССР сможет достичь значительного военного превосходства с помощью подобных нарушений.

Я уверен, однако, что какое-либо советское нарушение не могло долго происходить без нашего ведома. И если мы взглянем на то решение из сегодняшнего дня, мы ясно увидим цену, которую нам пришлось заплатить за то, что тогда не решили идти до конца — полного запрещения на ядерные испытания. Как я уже говорил, в начале 60-х годов у Соединенных Штатов было примерно 5000 стратегических боеголовок, у Советского Союза — приблизительно 300. Добавим, что Соединенные Штаты были намного впереди в каждом виде технологий ядерных вооружений. В то время мы провели 293 ядерных испытаний по сравнению со 130, осуществленных СССР. Какой знающий эксперт станет отрицать, что, заморозь мы тогда технологическое соревнование на уровне начала 60-х годов, Соединенные Штаты сегодня были бы в лучшем положении?

Оглядываясь на прошлое, можно сказать, что продолжение испытаний стоило нам огромных средств, и все это не было должным образом взвешено в 1963 г.

То же самое можно сказать о решении в 1972 г. продолжать установку РГЧ — после того, как по Договору по ПРО отпали все основания для проведения этой программы.

В начале 70-х годов наблюдались признаки того, что Советские хотели бы вести переговоры о запрете на РГЧ. Нет сомнения в том, что это позволило бы иметь сегодня меньшие, не столь угрожаю-

шие ядерные силы. Рассказ о том, почему ни одна из сторон не настояла на запрещении РГЧ, не лишен интереса.

Как я говорил ранее, когда «развитие» РГЧ было одобрено в середине 60-х годов, эта программа рассматривалась нами в качестве противовеса предположительно широкому развертыванию советской системы ПРО. Когда эта угроза не материализовалась и, тем более, когда в начале 70-х годов начались советско-американские переговоры по ОСВ, появилась реальная возможность остановить эти программы.

У обеих сторон были явные побудительные мотивы не допускать полного использования технологии РГЧ. Советы в то время были все еще на ранней стадии развития потенциала по РГЧ. К тому же, установка РГЧ на американском оружии привела бы к громадному наращиванию мощи, так что Советам потребовались бы годы, чтобы сравняться. Хотя, с другой стороны, в перспективе лидерство, которое удерживали Соединенные Штаты в этой области, было, конечно, временным: без ограничений, которые могли бы быть введены в результате переговоров, Советский Союз наверняка смог бы резко нарастить свою мощь с помощью РГЧ и свел бы к нулю все американские усилия.

Во время переговоров по ОСВ-1 и Соединенные Штаты, и Советский Союз выложили на стол переговоров свои предложения по ограничению работ по РГЧ. В дальнейшем каждая сторона публично обвинила другую, возложив на нее вину за их провал. В действительности же, ни Соединенные Штаты, ни Советский Союз не испытали особого разочарования по поводу неудачи ограничить РГЧ в рамках соглашения по ОСВ-1. В то время Соединенные Штаты были больше обеспокоены тем, как лучше использовать свое лидерство в технологии РГЧ, а Советский Союз — тем, как ликвидировать этот разрыв. Соединенные Штаты в то время, когда шли переговоры, уже занимались размещением ракет, оснащенных РГЧ, Советский Союз — еще не провел испытания. Американское руководство боялось слишком дешево расстаться со своим преимуществом, несмотря даже на те уступки, на которые наверняка пошли бы в ответ Советы. Советское руководство, со своей стороны, не собиралось останавливать разработку важнейшей системы, на которую Соединенные Штаты в тот момент имели монополию.

Посол Джерард Смит, глава американской делегации на переговорах по ОСВ-1, объясняя в 1970 г. ситуацию относительно возможности установления режима запрета на РГЧ президенту Никсону, утверждал, что «в таком режиме есть, конечно, свой риск, но я уверен, что его можно будет просчитать, принять страховочные, разумные меры... так что этот риск будет оправдан». Как это ни трагично, но риск, связанный с отказом от РГЧ, оказался обеим сторонам более очевидным и сиюминутным, чем отдаленный, но более значительный риск продолжения работ. Когда в 1974 г. бывшего государственного секретаря Генри Кис-

синджера спросили о предпринимаемых усилиях по ограничению программ РГЧ, он сказал: «Если говорить ретроспективно, то я жалею, что в свое время — в 1969 и 1970 гг. мы не продумали более тщательно последствия «эргечеизации» мира».

Ирония состоит в том, что сегодня мы стали свидетелями того, как круг замкнулся. Сегодня комиссия Скаукрофта призывает отказаться от РГЧ и вернуться к ракетам с одним боезарядом. Разработка такого типа оружия, а именно ракеты «Миджетмен», сейчас ведется.

Были и другие упущенные возможности. В 1946 г., например, когда Соединенные Штаты еще обладали монополией на ядерное оружие, они предложили создать международное агентство, которое контролировало бы все ядерное оружие и сырье и которому Соединенные Штаты передали бы впоследствии весь свой арсенал. Советы выдвинули свое контрпредложение, не гарантировавшее контроль или какие-либо меры его обеспечения. Компромисса между двумя предложениями сторонам добиться не удалось. С того времени число ядерных боезарядов обеих сторон многократно выросло и перевалило за пятьдесят тысяч.

Сходные возможности притормозить или повернуть вспять гонку вооружений существуют и сегодня и будут возникать в будущем. При их оценке нам необходимо сопоставлять риск неограниченного движения вперед с риском ограничения технологического прогресса и масштабов вооруженных сил, включая сюда и риск возможных нарушений соглашений.

· СОВЕТЫ ОБМАНЫВАЮТ, ПОЭТОМУ СОГЛАШЕНИЯ БЕСПОЛЕЗНЫ

Для многих американцев иметь дело с Советами — обескураживающая перспектива. Ясно, что обе страны одинаково заинтересованы в том, чтобы избежать ядерной войны, а соглашения, приближающие эту цель, усилят нашу безопасность. Тем не менее американцы чрезвычайно подозрительно и недоверчиво относятся к советским побудительным мотивам.

Нападая на контроль над вооружениями, обычно разыгрывают козырь страха перед Советским Союзом. Несмотря на сильную приверженность большинства американцев идее ограничения вооружений, американским скептикам всегда будет легко «разыграть советскую карту». Одно из обвинений, к которому они чаще всего прибегают, заключается в том, что Советы мошенничают, выдвигая предложения по контролю над вооружениями.

Наиболее крикливым и неумным адептом этой аргументации является Ричард Перл, помощник министра обороны по вопросам международной безопасности. Перл утверждает, что Советский Союз нарушил «почти все» важные соглашения по контролю над вооружениями, подписанные с 1963 г. Он предупреждает:

«Для того чтобы поверить в далеко идущий контроль над вооружениями с Советским Союзом, который является нашим противником, необходимо поверить в то, что он изменится, изменится фундаментально, в том числе признает понижение роли фактора вооруженной силы». И далее заключает: «Вера в то, что мы уладим с русскими наши разногласия, сгладим их путем договоренностей, достигнем соглашений, договоров, отражающих ряд сдерживающих моментов, и потом будем полагаться на них в надежде создать более безопасный мир — нет, я со всем этим не согласен».

К конкретным советским действиям, которые администрация представила как нарушение, относятся испытания второй МБР «нового типа» -- СС-25, чрезмерное кодирование телеметрических данных во время испытаний ракет с тем, чтобы затруднить проверку, и строительство радара близ Красноярска. Утверждается, что первые две акции являются нарушением Договора ОСВ-2, а третья, при всех ведомых, оправдательных моментах запрещена Договором по ПРО. Ни одна из них не представляет серьезной угрозы нашей безопасности. Как бы то ни было, все эти вопросы необходимо было бы тщательно прояснить по соответствующим каналам. Мы этого не сделали.

Процесс контроля над вооружениями не требует, чтобы мы доверяли русским. Как объяснил бывший участник переговоров по ОСВ Пол Уорнке, «если вы думаете, что никакого контроля над вооружениями быть не может, пока русские не станут хорошими парнями, тогда, мне кажется, вы полностью не в ладах с логикой. Если бы русским можно было доверять, как хорошим парням, тогда вам не был бы нужен никакой контроль над стратегическими вооружениями. Да и сами стратегические вооружения были бы не нужны». Я согласен с Уорнке. Нам нет нужды доверять русским что-либо сверх того, что действует в их же собственных интересах. Если соглашения по контролю над вооружениями по сути своей ничего к общей сумме не прибавляют или, другими словами, если они не в интересах обеих сторон, их не нужно и начинать.

Я пошел бы дальше и скажу, что только те соглашения по контролю над вооружениями в интересах нашей страны, которые Соединенные Штаты могут проверять сами, не полагаясь на добрую волю любой другой страны. Эффективная система проверки — это такая система, которая с высокой степенью надежности будет засекать любые нарушения, имеющие важное значение для стратегического баланса. И у Соединенных Штатов, и у Советского Союза такая возможность есть.

Сведения о соблюдении Советами соглашений по ограничению вооружений не так уж туманны, как многие изображают их. В 1985 г. генерал-лейтенант Джон Чейн, тогдашний директор бюро по военно-политическим делам государственного департамента, свидетельствовал перед сенатским комитетом по делам вооруженных сил: «Я считаю, что... если вы подойдете ко всей

совокупности договоров с общей принципиальной точки зрения, вы увидите, что они (СССР) придерживались большинства договоров... Мне бы очень не хотелось, чтобы в конце дня комитет покинул это помещение с чувством, что контроль над вооружениями бесполозен, поскольку Советы всегда мошенничают. Позиция администрации не такова. И таковой, конечно, не является позиция государственного департамента».

Президент Рейган выразил глубокую обеспокоенность по поводу возможных нарушений Советами Договора ОСВ-2. Но даже после его «отречения» от соглашения 27 мая 1986 г. СССР продолжал линию неподрыва установленных договором ограничений. Он поступил так, я полагаю, потому, что картина ясна: когда того требовали условия существующих договоров, Советский Союз демонтировал подводные лодки, уничтожал стартовые установки и бомбардировщики*.

Проблемы соблюдения обязательств редко возникают в черно-белых тонах, если они вообще имеют однозначный ответ. Как заявил министр Уайнбергер в 1983 г., «проблемы соблюдения договоренностей всегда очень трудны — частично из-за того, что существующие соглашения часто написаны неясным или двусмысленным языком, при котором однозначная интерпретация, если исходить только из сути дела, невозможна». Поэтому очень трудно определить, как нужно реагировать на те действия, которые вроде бы нарушают соглашения, но в то же время не имеют большого или вообще никакого военного значения. Именно для этих случаев Соединенные Штаты и СССР учредили в 1972 г. Постоянную консультативную комиссию (ПКК).

ПКК является единственным форумом для обсуждения и вынесения решений по вопросам соблюдения Договора по ОСВ. Она успешно использовалась для урегулирования американских и советских озабоченностей и прояснений положений договора.

Как утверждается в совместном докладе государственного департамента, министерства обороны и агентства по контролю над вооружениями и разоружению, представленном в период правления администрации Картера: «Соблюдение Советами четырнадцати соглашений по контролю над вооружениями, подписанными с 1959 г., было надлежащим. Мы ставили ряд вопросов перед Советами относительно ОСВ-1, как и они перед нами, но в каждом случае деятельность, которая подвергалась сомнениям, либо прекращалась, либо последующая информация проясняла ситуацию и снимала нашу озабоченность».

* С 1972 по 1985 г. Советский Союз, например, демонтировал 1007 ракет наземного базирования и 233 баллистические ракеты на подводных лодках и уничтожил 13 оснащенных МБР подводных лодок класса «Янки» как новый тип вооружений. С американской стороны было демонтировано 320 ракет наземного базирования и 544 ракеты на подводных лодках, а также 11 подводных лодок, несущих баллистические ракеты.— *Прим. авт.*

То, что считается одним из явных нарушений ОСВ — строительство больших укрытий над ракетными шахтами, — было осуществлено Соединенными Штатами. Через ПКК Советы высказали свои претензии, заявив, что эти укрытия являлись преднамеренной маскировкой, противоречащей Договору ОСВ-1. В июне 1979 г., когда был подписан Договор ОСВ-2, который отдельно зафиксировал запрет на использование таких укрытий, Соединенные Штаты прекратили их использование. ПКК разрешила около тринадцати таких спорных вопросов, поднятых как США, так и Советским Союзом.

Несмотря на этот опыт, администрация Рейгана мало доверяла ПКК. В докладе президенту от 1985 г. Пентагон характеризовал ПКК как «накопитель информации в духе Орвелла, в который наши претензии проваливались, как вчерашний мусор». Он утверждал, что ПКК не смогла решить «ни одну значительную проблему за тринадцать лет своего существования». Многие из этих обвинений Пентагона, включая три, названные мною в начале этого раздела, администрация сделала достоянием общественности, не пожелав использовать до конца возможности механизма ПКК.

В ответ на приписываемые Советам нарушения Договора ОСВ-2 администрация объявила о проведении политики «пропорционального ответа», присвоив себе право нарушать договоры, дабы уравновесить советские нарушения. В частности, она предложила, чтобы Соединенные Штаты продвинулись вперед с испытаниями и размещением ракет «Миджетмен», явно подпадающих под договор, в ответ на размещение Советами ракет СС-25. Если учесть, что Советы настаивают на выполнении своих обязательств по договору, то такой шаг Соединенных Штатов явится для СССР приглашением для встречных мер и будет означать быструю эрозию договора. Это близорукий подход к решению вопросов по соблюдению соглашений, и он наверняка подорвет доверие ко всему процессу контроля над вооружениями. Второй доклад комиссии Скаукрофта так характеризовал трудности, связанные с твердой и конструктивной реакцией на нарушения, имеющие незначительное военное значение: «Даже если они не имеют значительного военного значения, такие нарушения подрывают доверие американского народа и правительства к самим соглашениям. Кроме того, бездействие может привести к тому, что Советы уверуют в безнаказанность. Однако у нас не всегда может быть под рукой такой эффективный ответ, который был бы соразмерен самим нарушениям. Должный курс действий состоит в поддержании системы контактов для рассмотрения и исправления таких инцидентов».

Система контактов, о которой уже существует договоренность, это Постоянная консультативная комиссия. Мы должны использовать ее полностью. Факты ясно указывают на то, что, если обе стороны полностью используют механизм комиссии, соблюдение договоров о контроле над вооружениями может быть обеспечено.

СОГЛАШЕНИЯ ТОЛЬКО ПОЗВОЛИЛИ СОВЕТАМ ВЫЙТИ ВПЕРЕД

Третье ошибочное представление, связанное с процессом контроля над вооружениями, гласит: Советы не только мошенничают при сделках, но сами эти сделки составлены в пользу Советского Союза. Это обвинение чаще всего выдвигают в связи с Договором ОСВ-2. Как считает министр Уайнбергер: «Нет другой такой области, в которой мы игнорировали бы столь долго реальность, как та, где мы тратили столько усилий на ведение переговоров и укрепление контроля над вооружениями... Мы действительно преуспели в ограничении наших собственных стратегических программ, но не программ Советского Союза. Соглашение ОСВ-1... не сыграло какой-либо значительной роли в ограничении стратегического наступательного потенциала Советского Союза; что касается ОСВ-2, если бы вы (сенат) ратифицировали его в предложенном вам виде, этот договор позволил бы Советам осуществить настоящий рывок в наращивании стратегического потенциала, а нас бы ублажал опасным и ложным ощущением безопасности».

«В Договоре ОСВ-2, — утверждал Ричард Перл, — нет ничего полезного для нашей безопасности».

Президент высказал ту же точку зрения, что и Перл. Г-н Рейган утверждал во время своей первой президентской кампании: «Договор ОСВ-2 был результатом переговоров, которые команда г-на Картера начала после того, как президент обратился к Советскому Союзу с предложением провести обсуждение подлинного сокращения ядерных стратегических вооружений, а его эмиссар... вернулся домой через 12 час, услышав очень определенное «нет»... Затем мы вернулись к переговорам на их условиях, поскольку г-н Картер отменил программы строительства бомбардировщиков «Б-1», замедлил программы «МХ», отложил подводную лодку «Трайдент» и крылатые ракеты, прикрыл линию по производству ракет «Минитмен», а также все прочее, что только можно было прикрыть. Советский Союз сел за стол переговоров, зная, что мы пошли на односторонние уступки без всякой компенсации с их стороны».

Центральные элементы программы администрации Рейгана по модернизации стратегических вооружений были, по сути дела, предложены предыдущими администрациями — Никсона, Форда и Картера. Но еще ближе к сути дела тот факт, что, хотя обсуждавшийся в то время Договор ОСВ-2 действительно допускал советское наращивание, не договор был его причиной. Более того, без ограничений, налагаемых договором на обе стороны, уровни сил в настоящее время были бы, конечно, еще выше.

Как я уже говорил ранее, Советский Союз действительно увеличил число своих стратегических боеголовок по Договору ОСВ-2. Когда в 1972 г. стороны официально приступили к переговорам,

у Советского Союза было примерно тысяча восемьсот боезарядов, а у Соединенных Штатов четыре тысячи. Ясно совершенно, что Советы не согласились бы подписать документ, который заморозил бы их численное отставание. Поэтому, когда Соединенные Штаты подняли потолок лимитов до высоты, достаточной дабы вместить наш арсенал РГЧ, они явно давали зеленый свет советскому наращиванию. В итоге сегодня каждая из сторон обладает примерно одиннадцатью тысячами боезарядов. Согласно договору, каждая из сторон может (и, вероятно, сделает это) нарастить свою мощь до примерно тринадцати тысяч.

Критические высказывания относительно ОСВ-2 обходят, как это видно из Приложения IV, тот факт, что советское наращивание было бы еще значительнее, если бы не существовало этих соглашений. Такой подход — это еще одна иллюстрация умонастроений, учитывающих риск соглашений, но не способных сравнить его с риском отсутствия каких-либо соглашений. Самая ценная критика в адрес заключенных стратегических соглашений состоит в том, что они лишь умеренно ограничили обе стороны. Факты, относящиеся к истории борьбы за контроль над вооружением, ясно свидетельствуют, что нам нужно больше таких соглашений.

ЯДЕРНЫЕ ВООРУЖЕНИЯ, ДАЖЕ ЕСЛИ ОНИ ИРРЕЛЕВАНТНЫ В ВОЕННОМ СМЫСЛЕ, МОГУТ СЛУЖИТЬ ПОЛИТИЧЕСКИМ ЦЕЛЯМ

Частично гонка вооружений подогревается созданием политических мифов относительно военной техники. Нередко ядерные системы, не служащие никаким конкретным военным целям, размещаются для того, чтобы послать политический сигнал — «обнадеживающий» союзникам США и «решимости» Советскому Союзу.

Один из недавних примеров таких действий — размещение ракет «Першинг-2» и крылатых ракет в Европе. Один экс-премьер-министр крупной европейской страны признался мне, что эти вооружения не имеют никакого военного значения. Однако, подчеркнул он, они необходимы для внушения того политического факта, что, если Советы нападут, Соединенные Штаты придут на помощь Европе. Логика его размышлений такова:

— Это верно, что советские цели, на которые нацелены американские ракеты, базирующиеся в Европе, могут быть с тем же успехом атакованы существующими «Поларисами» или «Минитменами».

— Однако европейские народы задаются вопросом, даст ли американский президент свое согласие на запуск «Поларисов» или «Минитменов» в ответ на советский удар по Европе ракетами средней дальности СС-20. Они побаиваются того, что президент воздержится, опасаясь прямой советской атаки территории США.

— Поэтому, для того чтобы убедить европейцев в том, что нападение СС-20 приведет к американскому ответу и, следовательно, чтобы упрочить их уверенность в способности НАТО сдержать такое нападение, необходимо разместить американские ракеты на европейской земле.

Ошибочность этого аргумента заключается в том, что в любом случае решение применить американские силы должно быть принято президентом. Так что те же мотивы, что будут определять его решение запустить ракеты с баз, расположенных в Соединенных Штатах, будут влиять на него в случае атаки с европейских баз. Президенту придется признать, что с точки зрения Москвы не имеет никакого значения, будет ли американское ядерное оружие бить по советским целям с американских подводных лодок или с американских баз, расположенных в (Западной) Германии. В любом случае вероятным ответом будет удар возмездия по Соединенным Штатам.

У президента нет больших или меньших оснований использовать против советских целей силы, размещенные именно на европейских базах, а не те, что расположены на американской земле.

Таким образом, довод о том, что «Першинги» и крылатые ракеты необходимы в качестве противостояния советским силам, является мифом. Поскольку размещение этих вооружений в Европе стало рассматриваться многими европейцами как испытание решимости НАТО и как видимый символ американских ядерных обязательств, к этому ошибочному представлению приходится относиться, как к реальности. Надо только надеяться, что мы еще не стали столь легкомысленны в отношении риска гонки вооружений, чтобы позволять себе посылать политические сигналы с помощью оружия массового уничтожения.

В первой половине столетия ядерной эры гонка вооружений отчасти подогревалась мифами, подобными тем, о которых я здесь говорил. Еще пятьдесят лет пути по этой дороге приведут нас не только к еще большему количеству вооружений, но и к еще большей опасности их применения в момент напряженности. В следующей главе я рассмотрю альтернативы этой перспективе.

4

ГРЯДУЩАЯ
ПОЛОВИНА ВЕКА.
АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПУТИ
СНИЖЕНИЯ РИСКА
ЯДЕРНОЙ ВОЙНЫ.
1990–2040 гг.

Абсурдная борьба за способность вести ядерную войну поколебала доверие к нашей способности предотвратить эту войну. Убеждение, что мы должны изменить курс, разделяется многими общественными группами и отдельными людьми. Среди них — Движение за замораживание и президент США, епископы католической и методистской церквей, большинство самых выдающихся американских ученых и советский лидер Михаил Горбачев, такие представители «третьего мира» и независимых стран, как Раджив Ганди и покойный Улоф Пальме. Все согласны, что нам нужен план снижения долгосрочного риска ядерной войны, но нет единодушия в том, какой же курс нам нужно избрать. Изменения, которые нам предлагают с разных сторон, основываются на разных диагнозах нашего нелегкого положения.

Прежде чем приступить к анализу предложений, отметим важное: если сверхдержавы будут и дальше разрушать режим контроля над вооружениями, как они это делали на протяжении шести-семи последних лет, то перспектива ядерного самосожжения мира будет становиться все реальнее. Мы на пороге новой, крайне опасной эскалации гонки вооружений — эскалации ее до такого предела, за которым контроль над этой гонкой будет становиться все проблематичнее. Если, конечно, возможность его вообще сохранится.

Миниатюризация способствует повышению мобильности, точности и разрушительной мощи вооружений. Весьма успешно продвигаются разработки таких мобильных ракет наземного базирования, противоспутникового оружия, космических систем, а также крылатых ракет наземного, морского и воздушного базирования, которые все труднее будет обнаружить и, следовательно, все труднее ограничить рамками поддающихся проверке соглашений.

Наша теперешняя программа наращивания ядерных вооружений, дающая нам в год по две тысячи боеголовок, является крупнейшей за двадцать лет. А еще предпринимаются шаги по ее значительному наращиванию к 90-м годам, как в отношении произ-

водства ключевых ядерных материалов — трития, урана и плутония, — так и производства самих ядерных боеголовок. В то же время наши военные лаборатории предупреждают нас, что число подземных испытаний, требующихся для разработки новых видов ядерного оружия, должно быть серьезно увеличено. Представители научной лаборатории в Лос-Аламосе недавно сообщили: если в прошлом для получения нового типа более совершенного оружия требовалось всего примерно шесть взрывов, то сегодняшние, куда более сложные проекты новых систем вооружений, потребуют, по крайней мере, от ста до двух сотен взрывов. Они говорят так: «Физические процессы, которые мы изучаем сегодня, сложнее тех, которые мы изучали вчера».

Ничем не сдерживаемое совершенствование и размещение вооружений через 50 лет приведет не только к увеличению их количества, но и к еще большей опасности их применения в момент напряженности, т. е. к еще большей «кризисной нестабильности».

Именно осознание этой опасности способствовало тому, что епископы и президент, советский руководитель и все другие официальные и неофициальные лица предприняли действия, которые, как они надеются, снизят долгосрочный риск ядерной войны. К предложениям, которые они представили, относятся следующие:

— Достижение политического примирения между Востоком и Западом.

— Уничтожение всех ядерных вооружений путем переговоров (как предлагает Генеральный секретарь Горбачев).

— Замена «сдерживания» «обороной», т. е. устранение ядерных вооружений путем замены наступательных сил оборонительными (как предлагает президент Рейган).

— Укрепление сдерживания путем добавления оборонительных сил к наступательным (как предлагает Генри Киссинджер).

— Принятие положения о том, что ядерные боеголовки не имеют абсолютно никакого военного значения, кроме как сдерживание противника от применения этого оружия. Такой подход требует фундаментальной корректировки стратегии НАТО, военных планов, уровня обычных вооружений, программ развития вооружений и соглашений по контролю над вооружениями.

Дает ли какая-либо из этих альтернатив надежду, что вторая половина первого века ядерной эры будет отличаться от первой?

ПРИМИРЕНИЕ МЕЖДУ ВОСТОКОМ И ЗАПАДОМ

Военное соперничество между Востоком и Западом, безусловно, является продолжением политического конфликта, разделяющего два блока. Многие поэтому считают, что любая долговременная попытка остановить гонку вооружений и уменьшить риск ядерной войны должна начинаться с обращения к источнику напряженности — политическому соперничеству.

Два года назад к этой проблеме обратилась международная группа, в которую входил и я. Группа включала шесть бывших премьер-министров, трех бывших министров иностранных дел, двух бывших министров обороны и более двадцати ведущих дипломатов, бизнесменов и ученых из десяти западных стран. Принимая во внимание опыт участников, широкий спектр проведенных ими исследований и консультаций, доклад, представленный группой, на мой взгляд, выгодно отличало четкое изложение сути проблемы и альтернативных вариантов ее решения. Комментируя вышеназванные предложения, я буду часто обращаться к положениям этого доклада.

Прежде всего мне хотелось бы подчеркнуть свою убежденность в том, что между Северной Америкой, Западной Европой и Японией нет согласованной концепции поддержания отношений с Советским Союзом и его союзниками. Ни один серьезно мыслящий человек не может быть удовлетворен сегодняшним состоянием этих отношений. И хотя в последние месяцы мы стали свидетелями начала долгожданных дискуссий о военных и политических аспектах этих отношений, нам не следует обманывать себя относительно серьезности препятствий, стоящих на пути их оздоровления.

Сама живая ткань этих отношений была основательно порочена за пять последних лет регулярной, узаконенной вражды. Эти годы целиком ушли на создание такой атмосферы, в которой контакты между Востоком и Западом были значительно сокращены, недоверие углубилось, политическое мышление крайне милитаризовалось, а опасность неверного толкования действий другой стороны чрезвычайно возросла. Проблема усугубляется еще и тем, что обе стороны продолжают безответственно наращивать все более сложное и дорогостоящее вооружение, которое не только само по себе является дополнительным источником напряженности, но и требует гигантских материальных затрат, представляющих серьезную опасность для наших экономических систем.

Нам, на Западе, нужна последовательная, пользующаяся широкой поддержкой политика, которая исходила бы из реальностей нашего времени и проводилась бы с убежденностью и решимостью. Нам нужна политика, которая защищала бы наши жизненные интересы, отстаивала бы последовательность в действиях и давала бы возможность положительно влиять на советскую политику. Долгосрочные, стабильные отношения между Востоком и Западом не только желательны, но и вполне достижимы. Даже в условиях соревнования и взаимной подозрительности у нас есть общие интересы, поэтому продвижение к нашим, хотя и различным, целям может проходить в атмосфере сдержанности.

Развитие подобного взаимопонимания с Советским Союзом и его союзниками — вовсе не простое дело. Мы не должны питать иллюзий относительно природы советской системы, ее враждебности по отношению к западным ценностям и идеалам, тем более

по поводу сроков срастания двух систем. Для традиционных марксистов советская система — это не только их собственные порядки, но и убеждение в более или менее скором отмирании нашей системы. Позволить себе питать зеркальную иллюзию мы не можем — Советы не исчезнут. История учит нас, что даже затяжная неприязнь между государствами или группами государств может отступить на второй план перед определенными интересами. А ведь перед обеими странами, перед тем и другим обществом навис сегодня императив выживания. Компромиссы поэтому не только возможны; в конечном итоге, они — единственная альтернатива катастрофе.

Таким образом, лучший путь к целям, стоящим перед Западом, лежит через процесс «непрерывающейся взаимной вовлеченности», предполагающий заметное расширение сферы контактов с Востоком. Наши отношения должны носить куда более всеобъемлющий характер, чем это было до сих пор. Узконаправленные подходы к решению того или иного вопроса наших отношений, скажем, проблемы контроля над вооружениями, сегодня недостаточны. Диалог должен строиться на широкой основе, носить разнообразные формы и быть непрерывным.

Для того чтобы добиться претворения в жизнь и закрепления необходимых перемен, надо значительно улучшить и оживить политические отношения между Востоком и Западом. События последних лет убедительно показывают, что без улучшения политического климата действующие договоры оказываются малоэффективными.

Политические отношения должны базироваться на равноважных опорах — твердости и гибкости. Совершенно очевидно, что оба эти качества нам абсолютно необходимы, если мы хотим, чтобы нашу политику поддерживали широкие слои населения, и она имела шанс на успех. Причем, здесь нет противоречия: разрядка без обороны грозит обернуться поражением «в рассрочку», а оборона без разрядки лишь увеличит напряженность и повысит опасность возникновения конфликта. Разрядка и оборона дополняют и усиливают друг друга.

Если отойти от проблемы взаимоотношений в области политики и обратиться к торговым и финансовым отношениям, то окажется, что здесь еще больше нерешенных проблем. Соединенные Штаты никогда не имели стабильной экономической политики в отношении Советского Союза. Мы должны признать, что за последние несколько лет мы сами неоднократно наносили сами себе ощутимый ущерб, объявляя экономические санкции против СССР и его союзников.

Прежде всего надо признать, что торговля заведомо выгодна обеим сторонам, это не благодеяние, которое Запад оказывает Востоку в награду за его хорошее поведение. И пора нам отделаться от мысли, что советская экономика может «рухнуть», как и от достаточно сумасбродного убеждения в том, что Запад якобы

в состоянии существенно способствовать такому краху или переустройству этой гигантской машины. Надежда некоторых кругов на Западе на то, что свертывание торговых отношений сможет усугубить проблемы на Востоке и привести к системным переменам, совершенно нереальны. В то же время, и я на этом настаиваю, эти расчеты опасны и грозят политическими бедами.

Безусловно, главным элементом в отношениях между Востоком и Западом являются контакты на официальном, правительственном уровне. Но в то же время нам не следует пренебрегать дальнейшим развитием отношений между Востоком и Западом в таких областях, как наука, искусство, образование и прочая общественная деятельность. Необходимо приложить максимум усилий для того, чтобы рассеять невежество и неверное восприятие друг друга. По сути и масштабу своему эта задача потребует далеко не только правительственных усилий.

Другими словами, я считаю, что в настоящее время мы находимся на важнейшем перекрестке отношений между Востоком и Западом; именно сейчас наше правительство и наш народ должны сделать основополагающий выбор — какого рода отношения мы хотим поддерживать с Советским Союзом и его союзниками. Выбор этот чрезвычайно важен и скажется на всей нашей будущей жизни.

Вместе с другими авторами доклада «Урегулирование конфликта Восток—Запад» я настоятельно призываю к тому, чтобы мы начали претворять в жизнь политику «постоянной взаимной ангажированности». Нет слов, эта политика, безусловно, потребует немало времени, терпения и настойчивости в достижении цели. И ясно, что существуют некоторые пределы или условия движения к цели; например, трудно предположить, что нам удастся обойтись без обычных мер, направленных на уменьшение опасности военного конфликта, который может возникнуть в результате конфронтации и привести к использованию ядерного оружия. Так что параллельно с усилиями по уменьшению политической напряженности должны предприниматься и шаги в сторону установления контроля над гонкой вооружений и поворота ее вспять.

Джордж Кеннан, один из ведущих советологов страны, не раз говорил о том, что гонка ядерных вооружений, как и все прочие гонки вооружений, набирает скорость и собственную инерцию, независимо от тех реальных политических отношений, которые ее породили. В 1981 г. во время вручения ему премии мира имени Альберта Эйнштейна Дж. Кеннан сказал: «Гонка вооружений не является чем-то новым. Я специалист по истории дипломатии и отмечаю, что подобный феномен, играющий катастрофическую роль в развитии отношений между великими европейскими державами, наблюдается уже на протяжении целого века, что конкуренция в наращивании вооружений, начинающаяся как средство достижения цели, довольно скоро превращается в самоцель. Она захватывает воображение человека и начинает определять его поведение,

становится самодостаточной силой, не нуждающейся более в поддержке породивших ее политических противоречий. Гонка вооружений неумолимо и неотвратимо толкает обе стороны к войне. И ни одна из сторон уже не знает, как ее предотвратить».

С этой опасной динамикой надо бороться напрямую. Острота ядерной проблемы и очевидный обоюдный интерес к уменьшению опасности возникновения ядерной войны сами по себе являются небывалыми стимулами для поиска путей к достижению договоренностей между Востоком и Западом в области контроля над вооружениями, невзирая на разделяющие их политические барьеры недоверия и подозрительности. Дж. Кеннан также утверждал: «Трудно найти слова, чтобы выразить всю серьезность сегодняшней ситуации. И дело не только в том, что в настоящий момент мы следуем курсом политических столкновений с Советским Союзом и что процесс поддержания разумных отношений между двумя правительствами, по-видимому, окончательно сорван. Куда более важно, что последним доводом конфликтующей политики обоих государств служит оружие такого типа и такой мощи, использование которого не может не привести к всеобщей гибели».

Здесь я перехожу к рассмотрению четырех разных подходов к проблеме контроля за «объемом» и «использованием» оружия.

М. ГОРБАЧЕВ: УНИЧТОЖИТЬ ВСЕ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ

Генеральный секретарь Коммунистической партии Советского Союза Михаил Горбачев предложил, чтобы Соединенные Штаты и Советский Союз начали поэтапное сокращение ядерного оружия с тем, чтобы к 2000 г. прийти к его полному уничтожению. И хотя в начале 60-х президент Кеннеди и бывший в то время Генеральным секретарем Никита Хрущев уже обсуждали предложение относительно «всеобщего и полного разоружения», впечатляющее предложение Михаила Горбачева вновь всколыхнуло волну дебатов о желательности и осуществимости идеи полного уничтожения ядерных арсеналов.

Итак, желателен ли мир, свободный от ядерного оружия? Я считаю — да и думаю, многие американцы того же мнения. В своей второй инаугурационной речи президент Рейган сказал: «Когда-нибудь мы придем к полному устранению ядерного оружия с лица Земли». Президент Картер в своем обращении по поводу вступления в должность говорил о верности той же цели.

Тем не менее, как я уже отметил во второй главе, сегодняшняя военная стратегия НАТО и ее соответствующие военные планы основываются на прямо противоположной установке. К тому же многие, я бы сказал — большинство, американские военные и гражданские официальные лица, как, впрочем, и их европейские коллеги, придерживаются мнения, что ядерные силы являются

необходимым инструментом сдерживания возможного советского нападения с использованием обычных средств. По этой причине эти деятели не являются сторонниками безъядерного мира.

Советник президента Картера по вопросам национальной безопасности Збигнев Бжезинский по поводу предложений Горбачева высказал следующее мнение: «Это план для устройства мира, удобного для ведения обычной войны. Вот почему я не чувствую по этому поводу никакого энтузиазма». Другие официальные представители Запада ответили на предложение Горбачева своим сомнением в целесообразности такого шага, если ядерное разоружение не будет сопровождаться резкими переменами в отношениях сверхдержав, в том числе изменениями в балансе обычных вооружений, полным соблюдением существующих и будущих договоренностей, мирным урегулированием региональных конфликтов, обеспечивающим свободу выбора и отсутствие вмешательства извне, и ясно выраженной Советским Союзом преданности идее мирного соревнования во всех частях света.

Мое критическое отношение к перспективе, предложенной Горбачевым, определяется вовсе не тем, что безъядерный мир нежелателен, а тем, что в реальных обстоятельствах, которые легко просматриваются, он недостижим. Парадоксально, но при существующих политических и технических реальностях соглашение об уничтожении ядерного оружия может увеличить риск ядерной войны. Почему? Потому что, если недоверие между сверхдержавами и уменьшится, то страх оказаться обманутым в результате этого соглашения серьезно возрастет.

Реально, говорят довольно многочисленные другие, вести линию на достижение такого соглашения, которое сохранит за каждой стороной лишь малое количество ядерных вооружений. Конечно, это сохранит за каждой из сторон возможность прибегнуть к небольшому обману, но такой небольшой обман, или точнее — небольшое дополнительное количество боеголовок, не изменят условий взаимного паритета в ядерных силах. Если же обман был бы задуман масштабным, например, если бы одна из сторон приступила к производству и испытаниям нового класса оружия, противная сторона наверняка вовремя обнаружила бы эту активность и смогла бы принять меры, обеспечивающие сохранение паритета. Таким образом, ни малый, ни большой обман не могут гарантировать стратегических преимуществ, потому и стимулов к тому, чтобы «объехать» договор, у сторон не будет.

Абсолютно иной будет ситуация в мире, свободном от ядерного оружия. Вообще трудности, связанные с разработкой соглашения об уничтожении ядерных вооружений и обеспечения стратегической стабильности на период, когда сверхдержавы и другие ядерные государства будут сводить свои вооружения к нулю, будут,

несомненно, значительными *. И хотя мы будем иметь возможность проверки демонтажа советских ядерных установок, мы никогда не сможем стереть из памяти советских и американских ученых знания, позволяющие вновь поставить ядерное оружие на конвейер. Боеголовки можно уничтожить, но ведь возможность вновь их сделать останется. А в мире, свободном от ядерного оружия, единственный его образец, установить производство и факт хранения которого невозможно, сможет сразу разрушить всю систему военного равновесия. Нам придется жить под страхом того, что в один прекрасный день мы проснемся и увидим, что господин Горбачев поигрывает в руках единственной в мире ядерной бомбой, красноречиво предлагая нам принять все его политические условия.

Таким образом, мы будем испытывать весьма сильный соблазн утаить от мира несколько бомб, чтобы было чем защититься на случай подобных угроз. И Советы будут испытывать те же подозрения и те же опасения и предпримут те же предосторожности. К тому же, искушение предпринять подобные шаги будет еще больше в связи с опасением, что какая-нибудь третья страна, где, допустим, правит некий неуравновешенный или фанатичный лидер или какая-нибудь группа террористов, завладеет бомбой и решит поспорить с супердержавами за мировое влияние. Рано или поздно, но одна из сторон уличит другую в подозрительных действиях и сама предпримет шаги в интересах своей обороны, и шаги эти будут в сторону полномасштабного развертывания ядерного оружия.

Небольшие ядерные арсеналы, появившиеся в полном согласии с предложенным сценарием, несомненно, станут в критическую минуту для противоположной стороны первоочередной целью. Каждая из сторон, естественно, будет считать необходимым нанести первый удар по реальным или предполагаемым ядерным установкам. Другими словами, порог «кризисной стабильности» окажется чрезвычайно низким, и любой конфликт в этих условиях быстро перерастет в ядерный. Если допустить, что перспектива глобального уничтожения, которой нам грозят арсеналы из сотен и тысяч боеголовок, будет устранена, то тогда вероятность использования небольшого количества боеголовок значительно возрастет. А ведь одна-единственная боеголовка — это гибель миллионов людей.

До тех пор пока мы не отработаем технологию обнаружения любых поползновений к созданию даже единственного экземпляра бомбы со стороны какой-либо страны или террористической группы, пока не отработаем механизм использования этой технологии, соглашение о полном ядерном разоружении почти наверняка обер-

* Не отрицая этих трудностей, Комитет советских ученых в защиту мира, против ядерной войны в своем известном докладе аргументированно показал, что они вполне могут быть преодолены, а стратегическая стабильность в условиях глубоких сокращений стратегических наступательных вооружений — обеспечена. — *Прим. ред.*

нется неконтролируемой гонкой по перевооружению. По этой причине, несмотря на всю привлекательность мира без ядерного оружия, договор на этот счет ни сегодня, ни в обозримом будущем не представляется мне реально достижимым.

**Р. РЕЙГАН:
ЗАМЕНИТЬ НАСТУПАТЕЛЬНЫЕ СИЛЫ ОБОРОНИТЕЛЬНЫМИ**

23 марта 1983 г. президент Рейган предложил свое решение проблемы безопасности в ядерную эру. Он объявил о начале работ по программе стратегической оборонной инициативы (СОИ) — обширного проекта, обещавшего создание непроницаемого щита для защиты всей нации от ракетного нападения. СОИ, таким образом, снимала необходимость поддержания сил возмездия, сдерживающих возможного агрессора. И в самом деле, доказывал президент, когда щит будет в космосе, мы сможем отбросить за ненадобностью не только ядерное сдерживание, но и само ядерное оружие.

С того дня 23 марта президент постоянно продвигал идею «звездных войн», как стали называть эту программу, повторяя, что она не только защитит население, но и сделает ненужной стратегию сдерживания. В своем первом выступлении президент говорил: «Я все более и более убеждаюсь в том, что человеческий дух окажется в состоянии возвыситься над привычными межчеловеческими и межнациональными отношениями, строящимися на угрозе жизни.

...Позвольте мне поделиться с вами таким видением будущего, которое оставляет место надеждам. Оно заключается в том, что сегодня мы приступаем к выполнению программы, которая позволит встретить кошмарную ракетную угрозу Советов с помощью оборонительных сил.

...Как вы смотрите на перспективу, при которой свободные люди смогут жить, зная, что их безопасность зависит не от способности к удару возмездия в ответ на советское нападение, а от нашей способности перехватить и уничтожить стратегические баллистические ракеты прежде, чем они достигнут нашей или наших союзников территории?

...и разве нам стоит жалеть средства, сколько бы их ни потребовалось, для того, чтобы освободить мир от угрозы ядерной войны?

...Я обращаюсь к научному сообществу нашей страны, к тем, кто дал нам ядерное оружие, отдать свой великий талант на дело всего человечества и всеобщего мира и дать нам средства, способные сделать это ядерное оружие бессильным и ненужным.

...Эта программа проложит дорогу уничтожению самих вооружений и созданию соответствующей системы контроля».

Более поздние выступления президента доказывают, что он и в дальнейшем не отказывался от своих обещаний совершенной обороны и новой стратегии безъядерного мира. Так, 29 марта 1985 г. он говорил: «Мы хотим, чтобы равновесие страха, или как его еще называют — взаимное гарантированное уничтожение, ушло в прошлое, мы хотим заменить его системой, которая сама по себе не способна начать вооруженный конфликт или вызвать массовые разрушения, но будет эффективной в деле предотвращения войны».

А 22 августа 1985 г. он заявил: «Глядя в будущее, мы продвигаемся вперед с разработкой проекта, который даст нам выход из ядерной дилеммы, — той, что не отпускает человечество уже на протяжении четырех десятилетий. Разработка программы стратегической оборонной инициативы даст нам надежду защитить самих себя и наших союзников от атаки ядерных баллистических ракет».

Выступая на объединенном заседании палат конгресса после женевской встречи в верхах с Горбачевым в 1985 г., Рейган сказал: «Я обрисовал нашу оборонную стратегическую инициативу и ведущиеся сейчас исследовательские работы, обещающие нам создание такой системы обороны, которая в конечном итоге обезопасит все народы от угрозы ядерной войны... Если наши работы увенчаются успехом, ... народы смогут защитить себя от ракетного удара, и человечество, в конечном счете, избавится от яра взаимного страха».

И президент, и его министр обороны Каспар Уайнбергер продолжают уверять, что их стратегическая революция уже не за горами. Буквально все остальные лица, причастные к СОИ, признают и допускают, что непроницаемая оборонительная система — вся в далеком будущем, если это будущее вообще ей суждено; признают они и тот факт, что никакого решения сегодняшней дилемме она не предоставляет. Так, генерал-лейтенант Джеймс Абрахамсон, руководитель проекта СОИ, констатирует: «Нереалистично надеяться на то, что эта оборонительная система может стать надежным „звездным куполом“». От него можно было услышать и такое заявление: «Нигде мы не утверждали, что целью СОИ является создание непробиваемой обороны». Таким образом, Абрахамсон, как и буквально все официальные представители администрации, исключая Рейгана и Уайнбергера, выступая за систему «звездных войн», вовсе не рекламируют ее как «щит безопасности». Цели, которые они считают реальными, варьируются от защиты «упрочненных» объектов (т. е. объектов, выполненных с железобетонным упрочнением, например ракетные шахты и командные центры) до частичной защиты гражданского населения.

Для большей ясности в дальнейшем я буду называть обе эти альтернативные программы «звездные войны — 2»; таким образом, мы не будем их путать с президентским оригиналом, который у нас пойдет под названием «звездные войны — 1». Важно при этом

помнить, что у этих двух вариантов программы диаметрально противоположные цели. Президентская программа, если она, конечно, вообще выполнима, позволит заменить наступательные силы оборонительными. И, наоборот, все варианты системы «звездные войны — 2» имеют одну общую особенность: они потребуют (при том, что мы нарастим оборонительную систему) поддержания нашего наступательного потенциала.

Прежде чем мы обсудим проект «звездные войны — 2», полезно проанализировать, почему первоначальное предложение президента, т. е. «звездные войны — 1», остается недостижимой при нашей жизни мечтой.

Причина, собственно, ясна. До сих пор не появилось ни одного доказательства тому, что любая из комбинаций «оборонных технологий», даже из тех, что видятся на самом далеком горизонте знаний, способна отменить последствия, порождаемые ядерным взрывом. «Война» — это всего лишь одно из понятий, значение которых навечно переменялось после Хиросимы. Другим из этого ряда стало понятие «оборона». До Хиросимы оборона строилась на принципе истощения наступающего противника — его человеческих, материальных и моральных ресурсов. Королевские военно-воздушные силы выиграли битву за Британию, когда потери нацистского люфтваффе достигли 10%: противник оказался просто не в состоянии поддерживать прежнюю интенсивность налетов при таких потерях. Ныне же и оборона 90-процентной эффективности не сможет обезопасить от последствий одного-единственного скромного ядерного удара.

Приведенный пример достаточно красноречиво иллюстрирует ту мысль, что стратегическая оборона в ядерную эру, по меньшей мере, чудовищно сложна — именно такое впечатление выносишь от детального анализа всех проектов размещения оборонительных систем в космосе. Сам по себе термин «оборонная технология» может навести на мысль о мощных оборонительных фортификационных сооружениях в то время, как речь идет о хрупких инструментах — огромных зеркалах точнейшей обработки, сверхчувствительных тепловых и радиационных датчиках, оптических системах, способных обнаружить и навести на цель величиной с какой-нибудь фут, движущуюся со скоростью четыре мили в секунду на расстоянии многих тысяч миль*. Все эти чудеса должны быть практически доведены до уровня теоретического совершенства; даже едва заметные отклонения приведут к неприемлемому результату. И даже слабый удар по «боевым станциям» превратит эти перлы современной технологической мысли в бесполезный лом.

И ничего сверхобычного в этом случае предпринимать не при-

* Короткое техническое описание элемента системы «звездных войн» приводится в Приложении V.— *Прим. авт.*

дется. Если Советы вздумают нанести нам уничтожающий ядерный удар, они, естественно, не преминут прежде всего разрушить наши автоматические космические платформы, оснащенные ядерным оружием. А подходящие для этой цели ракеты-перехватчики, подобные тем, что развернуты вокруг Москвы в полном соответствии с Договором ОСВ от 1972 г., находятся у них на вооружении уже два десятилетия. Это оружие способно пробить в нашем щите из космических платформ такую брешь, сквозь которую ничего не стоит нанести незамедлительный первый удар. Таким образом, любая оборона, основу которой составляют орбитальные станции, фатально уязвима или, как выразился один из самых горячих сторонников противоракетной системы Эдвард Теллер, «нечего и рассчитывать расплатиться по всем счетам с помощью размещения лазеров в космосе; мало того, что их размещение в большом количестве встанет нам в огромную сумму, они могут быть уничтожены перед началом задуманного удара». Большой набор ответных мер, отработанных за десятилетия действия Договора ОСВ, гарантирует, что любая из выдвигаемых программ космической обороны имеет свою ахиллесову пяту.

Более того, чтобы чувствовать себя спокойными в случае советского ядерного нападения, нам мало иметь только систему защиты от баллистических ракет. Мы должны будем предусмотреть развитие защиты от низколетящих крылатых ракет и бомбардировщиков, несущих на борту ядерное оружие. Решение этой технической задачи будет не менее блестящим достижением, чем разработка системы противоракетной обороны. Но и тогда успокаиваться рано: как заметил помощник министра обороны Фред Икле, «нет никакой возможности уберечь город от злоумышленника, выкравшего бомбу из запасов какой-нибудь из ядерных держав». Короче говоря, если мы воспользуемся словами члена президентской комиссии по изучению оборонительных технологий (комиссия Флетчера) генерал-майора Джона Тумя, «никакая мыслимая система обороны не может уберечь нас от решительно настроенного и хитроумного врага, вздумавшего взорвать ядерную бомбу на нашей территории».

Перспективы достижения целей, заложенных в программе «звездные войны — 1», были резюмированы руководителем центра исследовательских работ при Пентагоне во время первого президентского срока Рейгана С. Купером следующим образом: «Не стоит рассчитывать на то, что мы припасли какую-нибудь хитрость с золотыми или платиновыми пулями...; без наших стратегических наступательных МБР нам никак не обойтись».

Стоимость «звездных войн» — 1 или 2 безразлично — будет огромной. Как сказал министр обороны Уайнбергер, трудно определить стоимость системы, находящейся на умозрительной стадии. Однако, чтобы оценить гигантизм проекта, известно достаточно. Бывший заместитель министра обороны по НИОКР Ричард де Лауэр заметил: «Когда вы приступите к развертыванию одной

из этих технологий, вы будете изумлены тем, во что она вам обойдется». Он добавил также, что разработка каждого из восьми элементов баллистической ракетной системы обороны (например, механизм уничтожения, датчики, компьютеры, управляющие боевыми действиями, наводящие и следищие системы) не менее сложна, чем разработка «манхэттенского проекта». По данным Пентагона от 1982 г., лазерная система ПРО космического базирования для защиты Соединенных Штатов от советской ракетной атаки обойдется в 500 млрд. долл. А бывшие министры обороны Джеймс Шлесинджер и Гарольд Браун независимо друг от друга оценили все работы по полномасштабному развертыванию системы ПРО для защиты населения в 1 трлн. долл. К этому я добавил бы, что какова бы ни была стоимость испытаний и развертывания систем «звездные войны — 1» или «звездные войны — 2», мы все равно никогда не сможем подвести под этими колоссальными цифрами итоговую черту. До самого последнего из оставшихся нам дней мы будем все время что-то наращивать, усовершенствовать в системе «звездных войн» в соответствии с тем, что потребуют от нас логика гонки вооружений и прогресс в технологии. Если мы решимся на развертывание системы «звездных войн», то мы должны быть готовы на ежегодные расходы в сумме 100—200 млрд. долл. А это, в свою очередь, означает, что развертывание «звездных войн» заставит нас изымать значительное количество средств из программы обычных вооружений и программ внутреннего развития страны на протяжении многих лет. По крайней мере, много дольше, чем нам осталось до конца этого века.

Пока не появились на свет изобретения, о которых мы еще и не мечтаем, надежная и дешевая оборона, способная заменить сдерживание, останется несбыточной мечтой. Перед лицом этой жестокой реальности все претензии президента Рейгана на «моральную предпочтительность» оборонительных вооружений перед наступательными, на наш «моральный долг» стремиться к такой цели, выглядят, если воспользоваться выражением Джеймса Шлесинджера, «вредными». Шлесинджер добавил к этому, что «наши города уцелеют в течение нашей жизни и жизни наших детей лишь благодаря сдержанности тех, кто живет по другую сторону, или благодаря эффективной системе ядерного сдерживания». Гарольд Браун, заменивший на посту директора Ливерморской лаборатории Эдварда Теллера, согласен с этими доводами: «Технология не обещает нам ни единого варианта надежной системы обороны, способной защитить наше гражданское население... И США, и СССР в состоянии предпринять такие ответные шаги, которые опрокинут любую систему обороны промышленных и густонаселенных центров, какой бы многослойной она ни была». Таким образом, получается, что взаимное гарантированное уничтожение — это вовсе не такая уж аморальная, как это представляется многим, политика. Взаимное гарантированное уничтожение, т. е.

уязвимость каждой из сверхдержав перед лицом катастрофического по последствиям применения ядерного оружия, это даже вовсе не политика. Это мрачный факт нашей жизни.

УКРЕПИТЬ СДЕРЖИВАНИЕ

Генри Киссинджер, в прошлом государственный секретарь, согласен с тем, что создание в обозримом будущем системы «звездных войн — 1», отвечающей сегодняшним требованиям, вещь невозможная. Но тот же Киссинджер является активным сторонником «звездных войн — 2», т. е. развертывания стратегической обороны при сохранении наступательного потенциала. «Если мы даже допустим,— писал он,— что совершенная защита нашего мирного населения почти наверняка невозможна, все же существование определенных элементов обороны потребует от противника и определенных затрат сил на ее преодоление. Конечно, это не сможет не сказаться на расчетах нападающей стороны. А все, что увеличивает сомнения, сказывается и на решимости и, таким образом, усиливает фактор сдерживания. Все это тем более верно, когда речь идет об обороне пусковых установок межконтинентальных баллистических ракет (МБР)... Если противник будет знать, что, по крайней мере, половина МБР даже после его самой мощной атаки сохранит боеготовность, его пыл значительно поостынет, а может, он и вообще не решится на первый удар». Два других видных сторонника проекта «звездные войны — 2» — бывший советник по вопросам национальной безопасности Збигнев Бжезинский и теперешний глава американской делегации на переговорах Макс Кампельман утверждали в совместном заявлении: «Объединение системы космической противоракетной обороны с наступательными силами возмездия, находящимися в резерве, укрепляет сдерживание».

Впрочем, нет никакой нужды искать сторонников системы «звездные войны — 2» за пределами администрации. Если б не риторика Рейгана и Уайнбергера, каждый бы с легкостью убедился в том, что «звездные войны — 2» и есть сущность предложенной администрацией «стратегической оборонной инициативы». Ее руководитель, генерал-лейтенант Абрахамсон подтвердил: «Отстаивая стратегическую оборону, мы никогда не преследовали цель окончательно отказаться от нашей политики ядерного сдерживания». А в брошюре, выпущенной Белым домом в январе 1985 г., мы читаем: «Создание лучшей, более прочной базы для более эффективного сдерживания — это главная цель программы СОИ». Директор президентской комиссии по изучению будущей стратегии безопасности Фред Хофманн, в чьи задачи входило как раз определение политических целей СОИ, утверждал, что, «говоря о предсказуемом будущем, уместно задаться не столько вопросом, заменит

ли оборонительное оружие наступательное, сколько тем, насколько комбинация эффективного, с высокой избирательной способностью наступательного и оборонительного оружия будет лучше отвечать нашим целям в области сдерживания и ограничения ущерба». Рассекреченный текст Директивы 172 по вопросам национальной безопасности, подписанной президентом 30 мая 1985 г., подтверждает: «В обозримом будущем ядерные наступательные силы и возможность нанесения ядерного удара возмездия остаются ключевыми элементами сдерживания». То же подтвердил и специальный советник президента по вопросам контроля над вооружениями Поль Нитце: «Мы, — сказал он, — считаем, что в основе сдерживания по-прежнему лежит расчет на наступательное вооружение и угрозу конечного сокрушительного удара возмездия».

Не только Кампельман и Нитце, но практически каждый причастный к принятию политических решений в администрации Рейгана согласен с Киссинджером в том, что разговор о непроницаемой системе обороны гражданского населения, которая позволила бы ликвидировать ядерное оружие, — это разговор несерьезный. Вот почему, пока президент и министр обороны продолжают восхвалять свое первоначальное предложение, практические исполнители программы СОИ все меньше заботятся об убедительных доказательствах того, что средства обороны ракетных установок и командных центров (а их создание вполне реально) будут не менее хороши и для всеобъемлющей обороны — что практически не достижимо. Впрочем, все эти шаткие и смешанные в кучу аргументы в пользу «звездных войн — 2» нуждаются в особом, пристальном анализе.

Наиболее внушительный аргумент в пользу «нападения плюс оборона» выдвинут Киссинджером. Даже частично эффективная оборона, считает он, внесет жизненно важный элемент неопределенности в советские планы нападения и, таким образом, усилит сдерживание. Это рассуждение предполагает, что единственной советской заботой являются планы нападения на США, и потому любая неуверенность в их умах нам на руку. Но ведь даже малейшее подозрение с их стороны в том, что мы задумали достичь способности нанести упреждающий удар — а как я уже говорил прежде и как подробнее покажу ниже, Советы и в самом деле питают такие подозрения — будет лишь усилено такой частично эффективной обороной. Совершенно очевидно, что мы вполне в состоянии достичь ту же сомнительную цель куда более дешевыми и не такими опасными средствами.

Почему Советы будут подозревать, что система «звездные войны — 2» нацелена на использование упреждающего удара? Да потому, что дырявый зонтик бесполезен в ливень, но вполне пригоден в морозящую погоду. Другими словами, такая оборона рухнет под полновесным советским ударом, но может сносно держаться против ослабленных советских ракетных сил, уцелевших после американского упреждающего удара.

Несомненно, это ставит перед нами проблемы. Президент Рейган в своей речи от 23 марта 1983 г., речи, о которой сегодня мало кто помнит, обронил такую фразу: «Если сравнивать с наступательными системами (системы оборонительные), то они (оборонительные), похоже, благоприятствуют проведению агрессивной политики. Но ведь этого никто не хочет». Президент был озабочен тем, что Советы могут рассматривать решение о дополнении, а не о замене наших наступательных сил оборонительными, как попытку достижения способности к нанесению первого удара. Позднее он не случайно сказал: «Я думаю, что нет ничего опаснее, если на любую из сторон будут смотреть с той точки зрения, что она может нанести первый удар». Но ведь именно так интерпретируют Советы нашу программу, которая, несмотря на все заверения президента, по всем признакам нацелена именно на «спаривание» наступательных и оборонительных сил.

Американцы часто высказываются в том смысле, что это невероятно, что Советский Союз подозревает нас в таких чудовищных намерениях, тем более, что мы не нападали на них, когда имели подавляющее превосходство в ядерном вооружении (см. данные в Приложении IV).

Точка зрения, утверждающая, что Советы могут доверять нам,— исходная в выступлениях Рейгана и Уайнбергера. «В 1946 г.,— говорил Рейган,— когда Соединенные Штаты были единственной страной, имевшей это кошмарное ядерное оружие, мы не шантажировали другие страны угрозами применить его... Неужели этот послужной список не может сам по себе служить основанием для того, чтобы отбросить всякие обвинения в наш адрес в том, что мы ищем превосходства, в том, что являемся угрозой миру?» Уайнбергер утверждал, что Советский Союз «прекрасно знает, что мы никогда не нанесем по нему первого удара». Рейган в беседе с советскими журналистами, посетившими Белый дом, говорил: «Я заверяю вас, что мы не собираемся использовать и монополизировать (СОИ), если, конечно, такое оружие будет создано, для создания потенциала первого удара».

Хотя я и разделяю утверждение президента, что Соединенные Штаты не придерживаются (и никогда не придерживались) стратегии первого удара, но, как мне кажется, мы не можем винить русских за то, что они думают по-другому.

Например, как явствует из документа 1954 г., с которого был снят гриф секретности, генерал Кёртис Лимэй, начальник стратегического авиационного командования, заявлял: «Я уверен, что, если Соединенные Штаты окажутся загнанными в угол, мы, не колеблясь, нанесем первый удар». Как уже говорилось в главе III, в своем меморандуме президенту Дж. Кеннеди в ноябре 1962 г. я констатировал, что бюджет военно-воздушных сил на 1964 финансовый год исходил из идеи приобретения способности нанесения первого удара.

В меморандуме я подтвердил свое убеждение, что нам необ-

ходимо отказаться от концепции первого удара как политической цели. Так оно и произошло. Однако русские, должно быть, прослышали о планах, которые ВВС США проталкивали сквозь коридоры власти в Вашингтоне; они также видели, что мы наращиваем свои силы в таких масштабах, которые вполне можно было интерпретировать как стремление к приобретению потенциала первого удара. Вместе с тем они ничего не знали о моих рекомендациях, высказанных президенту, и о его решении.

А относительно недавно русские увидели, что, несмотря на самый жестокий финансовый кризис за всю историю страны, правительство США решило закупить 50 чрезвычайно дорогостоящих МБР МХ. Они должны быть размещены в шахтах, предназначенных для ракет «Минитмен», которые, по мнению министра обороны Уайнбергера, уязвимы для возможного удара Советов. Такой шаг, с их точки зрения, может иметь лишь одно разумное объяснение: новые ракеты должны быть частью американского потенциала первого удара, поскольку именно в этом случае они не останутся в уязвимых шахтах, когда и если туда последует советский удар возмездия.

Но так или иначе, администрация полагает, что Советы вполне могут нам доверять. В то же время мы-то считаем главным оправданием программы СОИ то обстоятельство, что Соединенные Штаты ни в коем случае не могут доверять русским, поскольку те, мол, действительно стремятся обрести потенциал первого удара и, несомненно, воспользуются любым стратегическим преимуществом.

Как утверждает президент Рейган, Советы считают, будто ядерную войну «можно выиграть, а это означает, что они верят в то, что, достигнув достаточного превосходства, можно тем самым лишить противника способности к ответному удару».

А помощник министра обороны Ричард Перл утверждал, что «реальным пробелом в советской военной мощи является на сегодняшний день отсутствие у них эффективной противоракетной обороны. Здесь нужно сказать,— продолжал он,— что советская доктрина, как и их военные планы, нацелена на наращивание ударного потенциала в отличие от оборонительной доктрины США, базирующейся на развитии военной мощи, достаточной для обеспечения эффективного сдерживания войны... Лишь развернув в полном масштабе ракетную оборону, русские смогут предотвратить, а не просто ограничить ущерб от удара возмездия по военным и политическим объектам».

В свою очередь, министр Уайнбергер высказал такое соображение: «Мне трудно представить себе что-нибудь более дестабилизирующее ситуацию в мире, чем такой простой факт, что русские могут создать высоконадежную оборону от этих ракет прежде, чем это сделаем мы. Не могу себе представить,— добавил он также,— чтобы русские, добившись в этом деле монополии, не попытались бы шантажировать весь мир».

В другой раз, обратив внимание на средства, отпускаемые Советами на программу ПРО, он утверждал, что «русские стремятся создать потенциал первого удара».

Совершенно очевидно, что обе стороны абсолютно не доверяют друг другу. Как я уже говорил, русским хорошо известно, что идея нанесения первого ядерного удара далеко не всегда исключалась из американского стратегического планирования. Более того, у них есть достаточно оснований сомневаться в утверждениях Рейгана, будто США никогда не планировали и не собираются воспользоваться ядерным превосходством. Русские помнят не только о Хиросиме и Нагасаки, они помнят и об угрозах Соединенных Штатов применить ядерное оружие, с которыми выступали — среди прочих — такие деятели, как Гарри Трумэн и Дуайт Эйзенхауэр (Корея), Ричард Никсон (Вьетнам), Джимми Картер (Персидский залив).

Весьма сомнительно и то, что русские готовы принять рейгановский дар: я говорю о его обещании поделиться технологическими секретами СОИ с тем, чтобы не допустить нарушения стратегического равновесия в пользу Соединенных Штатов.

Министр К. Уайнбергер и генерал-лейтенант Абрахамсон, горя желанием побыстрее протолкнуть эту программу через конгресс и убедить в ее необходимости союзников, не раз подчеркивали, что технология СОИ годна не только для противоракетной обороны, но что она принесет немалую пользу и в других военных и гражданских сферах. Вопрос, однако, в том, будем ли мы действительно делиться с русскими технологией, которая позволит им более эффективно вести войну, будь то обычным или ядерным оружием, будь то в Афганистане или в Европе? Станем ли мы поставлять им самые современные компьютеры, которые превосходят по своим возможностям все другие мировые достижения в этой области, и тем самым подрывать нашу конкурентоспособность на мировых коммерческих рынках? Ведь всего два года назад мы отказались продать Советскому Союзу относительно простые персональные компьютеры.

Трудно поверить в то, что наше правительство станет делиться с Советским Союзом секретами своей передовой технологии без решительных перемен в политических отношениях двух сверхдержав. Если же перемены такого масштаба произойдут, то отпадет всякая необходимость в новых военных технологиях.

Заверения Рейгана, что он предоставит русским возможность воспользоваться СОИ, выглядят тем более невероятными, что Соединенные Штаты делают все, чтобы даже своего верного союзника — Великобританию не допустить ко всем полученным результатам исследований по программе СОИ, в которых, кстати, она принимает непосредственное участие.

А как расценить слова генерал-лейтенанта Абрахамсона, который заявил: «Я думаю, нам абсолютно необходимо иметь куда более эффективную оборону, чем у них»? Заявление Абра-

хамсона может лишь усилить опасения Советского Союза относительно того, что цель СОИ — это попытка вновь обрести стратегическое превосходство.

Были и другие свидетельства. Приведу хотя бы высказывание министра обороны Уайнбергера: «Если мы сможем создать систему, которая будет достаточно эффективна и которая сделает их оружие бесполезным, мы вновь окажемся в таком положении, которое можно будет сравнить, скажем, с тем временем, когда мы были единственной страной, имевшей ядерное оружие и никому при этом не угрожавшей».

Советский Союз дал ясно понять, что он думает относительно программы СОИ. Генеральный секретарь ЦК КПСС М. С. Горбачев так сказал по этому поводу: «Разговоры о ее якобы оборонительном характере, конечно, сказки для наивных людей. Замысел состоит в том, чтобы попытаться парализовать стратегическое оружие Советского Союза, обеспечить себе возможность безнаказанного ядерного удара по нашей стране». После встречи в ноябре 1985 г. в Женеве М. С. Горбачев следующим образом оценил позицию Соединенных Штатов: «Говорят, верьте нам, что если американцы первыми реализуют СОИ, то они поделятся с Советским Союзом. Я сказал тогда: г-н Президент, призываю Вас, поверьте нам, мы уже об этом заявили, что не применим первыми ядерного оружия и не нападем на Соединенные Штаты Америки. Почему же вы, сохраняя весь наступательный потенциал на земле и под водой, еще собираетесь развернуть гонку вооружений в космосе? Вы нам не верите? Выходит, не верите. А почему мы вам должны больше верить, чем вы нам?»

Чем ответят русские, если их не убедят заверения сторонников «звездных войн — 2» в том, что СОИ — вовсе не часть стратегии первого удара, что это всего лишь программа укрепления стратегии сдерживания?

По меньшей мере безрассудно рассматривать неоднократные предупреждения русских о том, что создание Соединенными Штатами территориальной системы стратегической обороны носит крайне провокационный характер, как чистую пропаганду. А их обещание ответить крупномасштабным наращиванием наступательных вооружений — не пустые угрозы. Созданию ядерного арсенала, который гарантировал бы надежное поражение жизненно важных объектов на территории противоположной обороны, всегда придавалось приоритетное значение и в той, и в другой стране, поскольку и там, и здесь всегда считалось, что такой потенциал необходим для удерживания соперника от нанесения ядерного удара или от использования ядерного превосходства в политических целях.

Мы заявляли, что ответим на реализацию советской стратегической оборонной программы точно таким же образом, как они это делают в ответ на наши планы. В ноябре 1985 г., К. Уайнбергер в письме к президенту сообщал: «Даже подозрения относительно

создания (в СССР) территориальной системы обороны потребуют от нас количественного увеличения наступательных сил, а также повышения их способности преодолевать советскую систему обороны с тем, чтобы обеспечить выполнение оперативных планов».

Вместе с тем Уайнбергер, не скрывая, признавая, что Советский Союз предпримет точно такие же шаги в ответ на размещение американского оружия «звездных войн». Выступая перед комитетом сената в 1985 г., он сказал: «Я думаю, они попытаются превзойти или же уничтожить нашу систему стратегической обороны. Мы отдаем себе в этом отчет».

Вывод, к которому мы приходим на основании американских и советских заявлений, однозначен — любая попытка укрепить режим сдерживания путем добавления стратегических систем обороны к стратегическим наступательным силам ведет к резкой эскалации гонки вооружений.

Совершенно ясно, что советский ответ на развертывание СОИ будет дан на основе анализа по наимудшему варианту; другими словами, в нем неминуемо будет заложена переоценка эффективности нашей оборонной системы — точно так же, как мы в 60-х и 70-х годах перестраховывались добавочным числом ракет, нацеленных на Москву, когда русские окружили свою столицу системой ПРО неизвестной нам надежности.

Мы же, в свою очередь, посчитаем для себя обязательным ответить на их наращивание наступательных вооружений наращиванием собственных.

В то же время, если программа «звездных войн» предполагает размещение оружия в космосе, военное соревнование выйдет за рамки количественного увеличения ракетных и противоракетных систем. Космическое оружие окажется уязвимым для многочисленных противоспутниковых систем, принципы действия которых уже просматриваются учеными. Гарольд Браун как-то заметил, что космические системы будут более эффективны для поражения космического оружия противника, чем для уничтожения его ракет.

Таким образом, дело идет к тому, что каждая сторона будет вести разработку не только ракетного и антиракетного вооружения, но и анти-антиракетного, анти-анти-антиракетного и т. д. Процессу размещения космических систем не будет конца. Он потребует их бесконечного совершенствования, разработки наступательных контролер и программ повышения выживаемости спутников. Короче, он выльется в безостановочную гонку вооружений.

Опасность того, что программа «звездных войн — 2» припорит гонку вооружений, была признана президентской группой изучения оборонных технологий. Ее члены уже давно предупреждали, что эффективность и последствия программы «звездных войн» «будут зависеть не только от самой технологии, но и от того, насколько далеко пойдет Советский Союз в соглашениях в области оборонных систем или ограничений наступательных вооружений».

В связи с этой новой угрозой гонки вооружений Пол Нитце так сформулировал новую американскую «стратегическую концепцию» совместного вступления в мир «звездных войн»: «Мы хотим обеспечить для Соединенных Штатов и Советского Союза совместный, контролируемый переход к новым системам обороны при одновременном сокращении наступательных ядерных вооружений». Но, как заметил по этому поводу Джеймс Шлесинджер, план Нитце «не столько стратегическая концепция, сколько обоснование президентских замыслов. Концепция, как таковая, оказалась полностью несостоятельной».

Хотя Нитце и утверждает, что развертывание стратегических оборонных сил должно проводиться строго в соответствии с условиями договора о контроле над вооружениями, пока что не нашлось такого гения, который мог бы сформулировать такой договор. Сам Нитце признает, что переход к «звездным войнам» будет «мудреным».

Спрашивается, почему же это так? Сам по себе контроль над вооружениями был и без того чрезвычайно сложной проблемой, и это при том, что потенциал наступательных вооружений поддается сравнительно точному определению. Неизмеримо сложнее прийти к соглашению относительно космических систем обороны, так как их эффективность останется загадкой даже для обладателей этих систем. Ведь испытать подобные системы в условиях, хотя бы отдаленно напоминающих реальные, нет пока никакой возможности.

В 1985 г. управление технических оценок конгресса США опубликовало всестороннее исследование оборонительных ракетных вооружений. По поводу режима контроля, допускающего расширение оборонительных и одновременное сокращение наступательных вооружений, в докладе сказано следующее: «Возможность достичь договоренности по этому вопросу чрезвычайно мала. Пока не ясно, как решить проблему определения, сравнения и контроля над сопоставимыми стратегическими силами. Если эти вопросы были основным камнем преткновения на всех предыдущих переговорах по контролю над вооружениями, то трудно себе представить, как эти проблемы будут решаться в более сложных условиях, когда придется учитывать и оборонительные, и наступательные силы...

Договор, контролирующий переход к созданию ТПО (технологий противоракетной обороны), должен будет определить приемлемые для обеих сторон уровни и виды наступательных и оборонительных систем, а также надежные средства контроля. Он должен будет определить ограничения в наступательных системах с тем, чтобы ни та, ни другая сторона не могла добиться превосходства в способности преодолевать оборону соперника. Он должен будет определить для каждой стороны конкретные типы ТПО, не превышающие согласованные рамки. Необходимо при этом отметить, что до сих пор никто не смог более или менее конкретно предложить, как сформулировать этот договор».

Почему же возникают сложности с формулировкой подобного договора? Дело в том, что ни американские, ни советские эксперты не знают, как совместить сокращение наступательных сил с разрешением развертывать оборонные системы и при этом обеспечить для каждой из сторон высокую степень уверенности в эффективности своих средств сдерживания ядерного нападения.

Чтобы разобраться в сути сложившейся ситуации, давайте рассмотрим, каким же может быть это соглашение. Предполагается, что в первом абзаце представители сверхдержав выразят согласие на существенное сокращение стратегических ядерных вооружений. Такие сокращения могут охватить 50% существующих вооружений, что будет означать сохранение арсенала в 6 тыс. боеголовок с каждой стороны. Здесь может быть оговорено, что сокращения проводятся таким образом, чтобы оставить для обеих сторон как можно меньше соблазнов для нанесения первого удара в случае возникновения кризисной ситуации.

В следующем абзаце стороны должны зафиксировать своё согласие с тем, что каждая из них будет обладать системой обороны, оснащенной ракетами-перехватчиками, но не превышающей некой суммарной мощи «Х». Потолок ее должен быть достаточно низок с тем, чтобы эффективность фактора сдерживания, обеспеченного 6 тыс. боеголовок, не была подорвана. Таким образом, каждая сторона сохранит уверенность в том, что в результате первого удара, нанесенного противником, она сохранит силы, достаточные для нанесения встречного удара возмездия. Никто, однако, не высказал до сих пор никаких соображений, позволяющих определить эту самую суммарную мощь «Х».

Если, допустим, мы все же придем к согласию по поводу «Х», третий абзац должен быть посвящен технической стороне оборонного проекта. Дело в том, что, поскольку мы не можем доверять обещаниям Советов придерживаться пунктов достигнутых соглашений по контролю, новый договор должен быть составлен таким образом, чтобы сами технические условия советской системы «звездных войн» не позволяли наращивать ее потенциал сверх установленного уровня «Х». Но поскольку мы не в состоянии определить в точности параметры даже собственной системы, становится проблематичной и эта договоренность.

Далее, если допустить, что стороны все же договорятся о технических условиях, соглашение должно предусмотреть изощреннейшую систему мер проверки, намного превосходящую меры по проверке уровня наступательных вооружений. Ведь каждая сторона должна быть уверена, что система обороны противника полностью соответствует согласованным параметрам.

По моему мнению, какие бы реальные перспективы ни открылись перед нами в результате проработки СОИ, договор, о котором здесь идет речь, не достигим. Даже если допустить, что две сверхдержавы и подпишут когда-нибудь в приливе чувств соглашение, ограничивающее наступательные вооружения и разрешающее

определенную систему обороны, обоюдный комплекс неполноценности и привычка планировать, исходя из наихудшего варианта, неизбежно и скоро приведут к его срыву.

Не сомневаясь, что ведущие деятели рейгановской администрации прекрасно понимают, что в реально существующих обстоятельствах контролируемый переход к «звездным войнам» просто-напросто невозможен. Пол Нитце признал, к примеру, что «до сих пор мы не видели от русских абсолютно никаких знаков поддержки нашим планам».

Каков же тогда запасной план администрации? Вне всякого сомнения, это план идти той же дорогой в одиночку. Если русские не поддерживают наш план совместного перехода к «звездным войнам» — план, который, собственно, и не существует и почти наверняка никогда не будет реализован, — тогда мы начинаем нашу собственную, ничем не контролируемую гонку. Президент Рейган, когда-то утверждавший, что США никогда не станут разворачивать систему «звездных войн» без предварительного соглашения о ликвидации наступательных вооружений, не замедлил перестроиться. «Ясно, — сказал он журналистам, — что, если у нас будет готова наша оборонительная система, а заключить соглашение с ними об уничтожении ядерного оружия мы к этому времени не сможем, мы тогда сделаем все, что в наших силах, и... ну, в общем, начнем наше разворачивание». Министр обороны Уайнбергер в своем докладе конгрессу по вопросам финансирования на 1987 финансовый год подчеркнул: «Разумеется, ни при каких обстоятельствах мы не собираемся передавать Советам право вето на разворачивание СОИ». А руководитель программы Абрахамсон обрисовал перспективу следующим образом: «Хотя переходный период прошел бы легче, если бы Советы кооперировали свои усилия с нашими, в принципе, мы вполне обойдемся и без такой кооперации».

Односторонний переход к «звездным войнам» повлечет за собой ужасные последствия. Самый важный договор ядерной эры в области контроля над вооружениями — Договор по ПРО — будет его первой жертвой. Набирающая обороты гонка оборонительных вооружений неминуемо вызовет бурное наращивание вооружений наступательных, способных поддержать потенциал сдерживания. Договор по ОСВ станет, таким образом, жертвой № 2. Любые соглашения по ограничению наступательных вооружений станут невозможными, пока не будет остановлена и повернута вспять гонка «звездных войн».

Без обиняков можно сказать: нельзя в одно и то же время проводить программу «звездных войн» и договариваться о мерах по контролю над вооружениями.

Более того, одностороннее размещение Соединенными Штатами оружия в космосе, при всем связанном с этим шагом риске, вряд ли хоть в малейшей степени повысит безопасность самих США. В ответ русские наверняка создадут свою собственную

стратегическую оборонную систему, которая по крайней мере примерно будет равноценна нашей. Как бы там ни было, они не допустят того, чтобы мы получили преимущества для нашей безопасности, на что мы рассчитываем, реализуя наши программы.

Одним словом, я не вижу, как создание Соединенными Штатами системы обороны против баллистических ракет могло бы способствовать укреплению режима сдерживания. Но допустим на минуту, что это вовсе и не было задачей проекта СОИ. Существуют ли вообще какие-либо иные пути достижения цели, выдвинутой Генри Киссинджером. Напомню, он считает, что Советский Союз уже обладает или будет обладать в ближайшем будущем способностью нанести первый удар. Именно это он пытается предотвратить или же сделать невозможным. Вопрос в том, можно ли достичь этой цели не столь дорогостоящим путем и с большей гарантией, не рискуя при этом тем, что гонка вооружений получит помимо СОИ какой-то другой источник?

Президентская комиссия по стратегическим силам, возглавляемая генерал-лейтенантом Скаукрофтом, констатировала, что сегодня Советский Союз не угрожает нам нанесением первого удара, поскольку степень уязвимости наших стратегических сил — наземных, а также размещенных на подводных лодках и на бомбардировщиках — «должна оцениваться комплексно, а не по отдельным компонентам». Более того, по оценке комиссии, мы можем избежать этой угрозы и в будущем. Причем, ее предложения на этот счет обещают нам значительную экономию в средствах, в них меньше риска и они внушают больше уверенности относительно нашей безопасности в сравнении с любыми системами противоракетной обороны. В их основе лежит простое понижение отношения числа советских точных боеголовок к числу наших уязвимых ракет наземного базирования. Достичь этого можно или с помощью переговоров с Советским Союзом, или путем замены наших потенциально уязвимых стационарных ракет «Минитмен» на мобильные «Миджетмен», или сочетанием этих двух вариантов. М. С. Горбачев уже дал понять, что Советы готовы двигаться в этом направлении при условии, что и мы предпримем действия, снижающие угрозу их силам.

Теперь, покончив с аргументами в пользу программы «звездных войн» как средства усиления режима сдерживания, я бы хотел перейти к анализу другого ряда аргументов, выдвигаемых в поддержку «стратегической оборонной инициативы».

Утверждают, что ограниченная стратегическая оборонная система необходима для предотвращения нападения небольшими ракетно-ядерными средствами со стороны малых государств «третьего мира» или террористических групп, а также от случайного запуска советских ракет. Однако малые страны или освободительные движения, если они вдруг завладеют ядерным оружием, воспользуются для доставки ядерного заряда скорее обычным чемоданом, чем баллистической ракетой большой дальности.

Самый верный путь не допустить ядерных угроз со стороны стран «третьего мира» — не создавать противоракетную оборону, способную только подстегнуть гонку вооружений между двумя великими державами, а продолжать вместе с Советским Союзом и другими странами работу по предотвращению распространения ядерного оружия.

Точно так же космическая система обороны не является вовсе лучшим решением проблемы защиты от случайного запуска ракет. Мы придавали, придаем и впредь должны придавать большое значение мерам, направленным на предотвращение случайного пуска ядерных ракет. К этому же мы призывали и будем призывать русских. Обе стороны могут установить на свои ракеты дистанционные устройства, которые позволят предотвратить взрыв ядерных зарядов в случае несанкционированного запуска.

Еще один аргумент выдвигается в пользу этой несовершенной оборонной системы: СОИ якобы уменьшит ущерб, который может нанести стране атомная война. Но советский ядерный потенциал сегодня уже настолько велик, что даже очень надежная оборона, способная уничтожить 95% ракет противника — а такую систему нам никто их официальных лиц никогда и не обещал, — не спасет Соединенные Штаты от 500 ядерных боеголовок на баллистических ракетах, не говоря уже об атомных бомбардировщиках и крылатых ракетах. Джерард Смит, представитель президента Р. Никсона на переговорах по контролю над вооружениями, говорил: «Ни один ответственный политический деятель не станет утверждать, что создание подобной системы сделает ядерную войну более приемлемой. Единственный способ уберечь нашу страну от ядерной войны — это предотвратить такую войну».

Наконец, выдвигают и такой аргумент, что Соединенным Штатам нужна программа «звездных войн-2» именно для той цели, которую им и ставит в вину Советский Союз, — для завоевания лидерства в технической области и тем самым для обеспечения превосходства в ядерных вооружениях. В самом деле, как писал бывший советник президента Рейгана по науке Джордж Киурт, реализация СОИ позволит нам «разыграть наш козырь — превосходство в технологии». Те, кто разделяет эту точку зрения, забывают об уроках истории, которые она нам дала после Хиросимы. В отличие от меня, они, похоже, сомневаются в способности Советского Союза создать вооружения, ничем не уступающие нашим, и мобилизовать ради этого свой народ на любые жертвы.

Изобретение Соединенными Штатами атомной бомбы было самым значительным техническим достижением за всю военную историю. Однако Советский Союз, несмотря на то, что он был разорен войной, опираясь на куда более слабую по сравнению с нашей технологическую базу, смог в поразительно короткие сроки создать ядерные силы сдерживания. Как я уже писал в третьей главе, практически все технические новинки в области ядерных вооружений появились в Соединенных Штатах, однако

конечным результатом этих усилий каждый раз становилось уменьшение нашей же безопасности. Нет никаких оснований считать, что космическое оружие может стать исключением.

Если все это так, то почему же русские так обеспокоены «звездными войнами»? По той простой причине, что они боятся, как бы стратегическая оборона не принесла превосходства Соединенным Штатам, если они сами будут сидеть сложа руки. Именно по этой причине они обязаны будут найти адекватный ответ. Это потребует огромных затрат, крайнего напряжения сил и неминуемо приведет к значительному снижению их безопасности. Но ведь то же самое относится и к нам, признаем ли мы это или нет.

Подведем итог. Ни один из вышеизложенных аргументов в пользу программ «звездных войн-2» не приближает нас к меньшему риску возникновения ядерной войны. Эти аргументы сочетают в себе нереальность технических целей с абсурдом политики, покоящейся на концепциях, потерявших всякий смысл после Хиросимы. Что у них не отнять, так это безусловные огромные затраты и опасность эскалации гонки вооружений.

Нам остается теперь обратиться к заключительному предмету нашего разговора: пересмотру военной роли ядерного оружия.

**ПРИ РАЗРАБОТКЕ ВОЕННЫХ ПЛАНОВ
И СОГЛАШЕНИЙ ПО КОНТРОЛЮ НАД
ВООРУЖЕНИЯМИ
ИСХОДИТЬ ИЗ УБЕЖДЕНИЯ О НЕПРИМЕНИМОСТИ
ЯДЕРНЫХ БОЕГОЛОВЕК КАК ОРУЖИЯ**

В первой главе при обсуждении нынешней стратегии НАТО, основанной на сдерживании советской агрессии обычными силами угрозой применения первыми ядерного оружия, я констатировал, что никому еще не удалось разработать конкретный план применения первыми такого оружия с выгодой для НАТО. Все больше и больше военных и гражданских руководителей признают этот факт публично.

Фельдмаршал лорд Карвер, начальник штаба вооруженных сил Великобритании с 1973 по 1976 г., отвергает официально одобренную стратегию НАТО. Он абсолютно против применения первыми ядерного оружия НАТО в любой ситуации. 21 февраля 1982 г. лондонская «Санди таймс» поместила следующее высказывание лорда Карвера: «На театре военных действий или на тактическом уровне при любом обмене ядерными ударами, каким бы ограниченным он ни был, НАТО окажется в худшем положении по сравнению с Варшавским Договором по числу жертв и разрушений как в войсках, так и среди гражданского населения. ...Единственное исключение возможно только в том случае, если Советский Союз в ответ на применение НАТО ядерного оружия ограничится значительно меньшим по масштабу ответным ударом, либо вообще не нанесет такового. Начинать ядерные действия на основе подобного рода предположения представляется мне преступно безответственным».

Адмирал Ноэль А. Гейлер, бывший главнокомандующий наземными, воздушными и морскими силами США в тихоокеанском регионе, согласен с лордом Карвером: «Не существует никакого разумного варианта военного применения любого вида наших ядерных сил. Их единственная разумная функция заключается в сдерживании противника от применения его ядерных сил».

Точка зрения генерала Йоханнеса Стайнхоффа, бывшего начальника штаба люфтваффе, во многом схожа с тем, что говорил адмирал Гейлер: «Я выступаю за сохранение ядерного оружия в качестве потенциального средства, но против его превращения в боевое оружие. Я не против стратегического использования этих вооружений, однако, я твердо выступаю против их тактического применения на нашей земле».

Как я уже упоминал во второй главе, бывший государственный секретарь Генри Киссинджер, выступая в 1979 г. в Брюсселе, совершенно ясно дал понять, что он не думает, что США когда-либо прибегнут к нанесению первыми ядерного удара по Советскому Союзу: «Нашим европейским союзникам не стоит все время просить нас об увеличении наших стратегических гарантий, выполнять которые не входит в наши планы, а если входит, то нам не надо бы стремиться к их выполнению, поскольку, если мы их выполним, то встанем перед риском уничтожения цивилизации».

Мелвин Лейрд, министр обороны в администрации Никсона, недвусмысленно объявил себя сторонником безъядерного мира и искренним союзником лорда Карвера, адмирала Гейлера и генерала Стайнхоффа. «Это оружие,— заявил Лейрд,— бесполезно для военных целей».

Выступая в марте 1983 г. с предложениями по программе противоракетной обороны, президент Рейган мимоходом подверг сомнению необходимость сохранения угрозы применения ядерного оружия первыми. Как вы, должно быть, помните, во главу угла этого выступления была поставлена цель наращивать усилия по созданию непроницаемой обороны от советских ядерных ударов, чтобы таким образом полностью нейтрализовать их наступательные ядерные силы. Президент добавил при этом: в наших интересах, чтобы Советский Союз обладал такой же обороной.

По сути дела, президент утверждал, что было бы лучше и для Советского Союза, и для Соединенных Штатов, если бы ядерное оружие было полностью уничтожено. В этих условиях НАТО в целях сдерживания советского нападения сможет рассчитывать исключительно на свои обычные вооружения.

16 июня 1983 г. президент сделал еще более категоричное заявление в пользу безъядерного мира. «Я молюсь, чтобы настал тот день,— сказал он,— когда ядерное оружие больше не будет существовать на Земле». В своем обращении к стране 26 февраля 1986 г. он подтвердил свою позицию: «Нашей целью должно быть сдерживание, а если необходимо, и отражение любого нападения без обращения к ядерным вооружениям».

Если существует довод в пользу сохранения нынешней стратегии НАТО, то он должен опираться на вклад этой стратегии в осуществление сдерживания советского нападения, и этот вклад должен стоить риска ядерной войны, которая разразится, если сдерживание не работает.

Вопрос о том, что сдерживает советское нападение, чрезвычайно труден. Для того чтобы на него ответить, мы должны мыслить как те несколько человек, которые будут принимать решение о начале войны. Мы должны задаться вопросом, каковы их собственные цели и цели национальные, что они вообще ценят и чего они боятся. Мы должны проанализировать их склонность рисковать, блефовать или уступать блефу. Мы должны догадаться, какими они нас видят — нашу волю и наши способности, — и определить, что нам надо предпринять, чтобы укрепить в них убежденность в серьезности наших угроз и наших обещаний.

Но самое трудное — это производить оценку всех упомянутых факторов в условиях острого международного кризиса. Наша задача не в том, чтобы убедить Советы не начинать войну сегодня. Она в том, чтобы склонить их к такому же решению, когда в будущем по каким-либо причинам, скажем, из-за волнений в Восточной Европе, грозящих выйти из-под контроля, или американо-советских столкновений из-за Ирана или конфликта на Ближнем Востоке, они могут испытать искушение сыграть по-крупному, попытаться разом покончить с тем, что им представляется огромной угрозой их безопасности.

В подобной ситуации оценка риска и ставок — вещь крайне переменчивая. То, что может представляться безрассудной авантюрой в спокойные времена, во время кризиса может показаться разумным риском. Именно так и случится, если кризис усугубится настолько, что война будет представляться все более и более вероятной. В такой ситуации преимущества, которые дает тактическая внезапность, т. е. если начнешь действовать первым, кажутся все более и более важными.

Я уже говорил, что удар стратегическим ядерным оружием по советской территории почти наверняка приведет к ответному удару, не приемлемому по своему ущербу для Европы и Соединенных Штатов, он стал бы актом самоубийства. Угроза прибегнуть к таким акциям, как сдерживающий фактор против советской агрессии обычными средствами, потеряла по этой причине свою кредитоспособность. Другими словами, последний довод в стратегии гибкого реагирования больше не работает. Нельзя строить надежное сдерживание с помощью ненадежных средств.

Тем не менее наиболее изощренные аналитики как в Соединенных Штатах, так и в Европе полагают, что сама угроза применения тактического ядерного оружия в ответ на агрессию Варшавского пакта повышает воспринимаемую вероятность такого шага, несмотря на всю его иррациональность. Они считают, что, раз-

местив вблизи границ оружие поля боя и спустив в войска соответствующие приказы и директивы по его использованию, НАТО ставит Варшавский Договор перед такой опасной альтернативой, игнорировать смысл которой просто нельзя.

Размышляя о перспективах войны, указывают аналитики, советские руководители должны учитывать и ту рискованную возможность, что НАТО последует своей доктрине и применит ядерное оружие на поле боя, дав, таким образом, толчок эскалации, которая может легко выйти из-под контроля и приведет в конечном счете к разрушительному обмену стратегическими ударами. Дело не в том, объясняют они нам, что НАТО хладнокровно и загодя рассчитывает на то, что стратегический обмен будет иметь смысл, а в том, что динамика кризиса буквально насильно навязет такие действия или, по крайней мере, советские руководители должны будут опасаться этого.

Каждая ступень эскалации будет создавать новую реальность, меняя расчеты сторон в отношении риска и преимуществ любого иного развития событий. Как только американские и советские военные силы войдут в соприкосновение, все представления о возможности дальнейшей эскалации конфликта радикально изменятся. Как только ядерное оружие будет применено в оперативных целях, оценки возможности нанесения иных ядерных ударов станут совсем другими.

Короче говоря, те, кто утверждает, что угроза применения первыми ядерного оружия служит укреплению натовского сдерживания, верят в то, что лица, принимающие в СССР решения, несмотря на все объективные оценки иррациональности любой из таких акций, прежде всего должны будут обращать внимание на реальности происходящего на поле боя и на опасность процесса эскалации. А значит, настаивают они, Советы не смогут не понять, насколько значительна опасность перерастания конфликта с обычными вооружениями в конфликт с тактическим ядерным оружием, который может перерасти в ядерный конфликт на театре военных действий, который, в свою очередь, неизбежно перебросится на территории сверхдержав.

Фактически, как я уже указывал в третьей главе, именно желание укрепить это понимание возможности эскалации конфликта и привело НАТО в декабре 1979 г. к решению разместить в Европе новые ракеты среднего радиуса действия «Першинг-2» и оснащенные ядерными зарядами крылатые ракеты. Ключевым элементом этого решения была способность новых ракет поражать советскую территорию и, таким образом, предотвращать возможную советскую атаку американской территории и американский удар возмездия по территории СССР. Новые вооружения, следовательно, «увязывали» стратегические силы США с силами, расположенными в Европе, и как бы снимали тем самым беспокойство по поводу того, что Советы могут надеяться на паузу в процессе эскалации.

До тех пор пока эскалация, согласно логике сторонников этого подхода, воспринимается как процесс непрерывный, Варшавский пакт воздержится от первого шага, т. е. нападения обычными силами который, собственно, и станет началом общего конфликта.

Но изъят данного суждения, как я уже пытался доказать ранее, состоит в том, что президент США пойдет на запуск ракет с европейской земли в сторону территории Советского Союза столь же неохотно, сколь и на использование стратегического ядерного оружия, базирующегося на своей территории.

И, как я уже отмечал, все больше и больше западных политических и военных руководителей начинают осознавать и публично признавать, что урон для НАТО в случае использования ядерного оружия поля боя в Европе был бы несравнимо больше любых мыслимых выгод для обороны союза.

Таким образом, вероятность того, что НАТО санкционирует применение каких-либо ядерных вооружений — тактических или стратегических, — становится все меньше, исключая, конечно, случай советского ядерного нападения. По мере того как эта точка зрения становится все более популярной, а понимание ее будет расти и расти, неизбежно будет обесцениваться и сама, пока еще главенствующая в НАТО концепция ядерного сдерживания.

Требуют, однако, своего анализа некоторые дополнительные аспекты. Способствует ли угроза НАТО нанести первый ядерный удар сдерживанию или нет, но у нее есть своя цена. Это крайне спорная политика, ведущая к разногласиям, разъединяющим и общественность отдельных стран, и страны — члены сообщества; она снижает готовность НАТО к обычной войне и, как я уже отмечал, увеличивает риск ядерной войны.

Подготовка к тактической ядерной войне ограничивает способность НАТО защищать себя обычными средствами в нескольких отношениях. Ядерное оружие действительно является «специфическим» видом вооружений. Оно требует особых мер по обеспечению безопасности. Оно ограничивает маневр в размещении подразделений и гибкость в военных планах. Оперативные действия в районе применения ядерного оружия будут весьма отличаться от проводимых в обычном конфликте. Планирование НАТО должно учитывать эти различия.

Более того, поскольку большинство средств доставки ядерных вооружений НАТО имеет двойное назначение, какое-то число самолетов и артиллерии должно находиться в резерве для возможно, по мере необходимости, использования в ядерной атаке на ранних стадиях сражения, а значит, не сможет быть задействовано для доставки обычных вооружений.

Самое важное, однако, состоит в том, что опора на ядерную угрозу НАТО в целях сдерживания подрывает политическую и финансовую опору, необходимую для поддержания обычных

вооружений на соответствующем уровне. И общественность, и правительства считают ядерные силы «реальным сдерживанием», и каждый раз ссылаются на них, оправдывая свое нежелание выделить даже умеренные суммы на усиление обычных сил.

Ядерная угроза имеет сдерживающую ценность в той мере, в какой она увеличивает риск применения ядерного оружия. Дислокация ядерных вооружений в районах, которые будут передовыми рубежами военных действий, разработка соответствующих оперативных планов операций, предполагающих раннее использование ядерного оружия, возможность делегирования полномочий на его применение командирам частей еще до начала конфликта — все эти факторы, как и многие другие, увеличивают вероятность того, что если война в Европе действительно начнется, она быстро перерастет в ядерное пожарище.

Советский Союз, учитывая риск такого поворота событий, может посчитать себя вынужденным начать ядерную войну. Если Советы уверуют в то, что НАТО в самом деле осуществит ядерную угрозу в результате ли сознательного выбора или под давлением реальной боевой обстановки, у них не будет ни единой причины не начинать войну самим.

Я повторяю, так случится только в том случае, если они решат, что война вот-вот разразится, если поверят, что существует серьезный риск того, что угрозы НАТО — близкая реальность. Если все так и будет, то выгода, которую с военной точки зрения дадут Варшавскому Договору упреждающие ядерные удары по ядерным складам НАТО, средствам доставки и средствам обеспечения, может стать решающим аргументом.

Какие бы ни были прочие достоинства у фактора сдерживания, цена ядерной стратегии НАТО весьма высока. Нельзя ли, однако, добиться равнозначного сдерживания по меньшей «цене»? Ответ, я думаю, — да. Проанализировав риск, которому НАТО, полагаясь на все менее надежные ядерные угрозы, подвергается сейчас, обратимся к недавним исследованиям, указывающим, на мой взгляд, пути, с помощью которых обычные силы могут быть укреплены по «цене» умеренной — военной, политической и экономической.

ВЫСОКОНАДЕЖНАЯ ОБОРОНА ОБЫЧНЫМИ ВООРУЖЕНИЯМИ, РЕАЛЬНАЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ И ФИНАНСОВОМ ОТНОШЕНИЯХ

Выступая на страницах «Форин афферс» в 1982 г., генерал Бернард Роджерс, Верховный главнокомандующий объединенными силами НАТО в Европе, утверждал, что основные усовершенствования в обычных силах НАТО осуществимы, и стоимость этой программы будет умеренна. Эти усовершенствования, писал он,

позволят перейти от нынешней стратегии, требующей раннего применения ядерного оружия, к стратегии «неприменения на первом этапе ядерного оружия». Генерал Роджерс оценивает затраты примерно в 1% годовых в дополнение к тому 3-процентному ежегодному росту (в неизменных ценах), на который согласились члены НАТО во время встречи в Вашингтоне в 1978 г.

Опытный консультант Пентагона, профессор Массачусеттского технологического института Уильям Кауфманн, приняв за основу предложенный генералом Роджерсом 4-процентный годовой бюджетный рост расходов НАТО на оборону, проанализировал возможное распределение средств для модернизации обычной обороны союза. Такой всесторонний анализ позволил ему сделать заключение о возможности создания сил обычного назначения, достаточно мощных для сдерживания советского нападения без использования ядерного оружия.

Недавно свой анализ приемлемости отхода от нынешней опоры НАТО на ядерные силы провела также Международная исследовательская группа. В руководящий комитет этой исследовательской группы по европейской безопасности вошли генерал Энжрю Гудпейстер, который в свое время служил Верховным главнокомандующим объединенными силами в Европе; генерал Франц-Йозеф Шульце, немецкий офицер и бывший Главнокомандующий объединенными силами в Европе; маршал военно-воздушных сил сэр Элесдер Стидман, бывший военный представитель Объединенного Королевства в НАТО.

Авторы доклада приходят к выводу о том, что обычные силы НАТО могут быть значительно укреплены при весьма умеренных затратах — в целом на период в пять-шесть лет потребовалось бы приблизительно 20 млрд. долл. Для сравнения отметим, что, как ожидается, американская программа создания ракеты подводного базирования Д-5 обойдется в 17 млрд. долл. на период в 5 лет.

Исследовательская группа по европейской безопасности констатировала, что обычные силы НАТО для эффективного сдерживания вовсе не должны соответствовать по всем параметрам потенциалу советских сил. Им достаточно быть настолько мощными, чтобы создать у генштабистов Варшавского Договора серьезные сомнения в успехе собственных действий. Для этого, делался вывод в исследовании, обычные силы НАТО должны быть способны:

- остановить первый натиск Варшавского Договора;
- разгромить воздушные силы противника;
- воспрепятствовать наращиванию наступательных действий и сорвать попытки обеспечить подкрепление бронетанковыми соединениями, которые противник постарается перебросить к линии фронта;
- разрушить пункты командования, управления и связи войск противника.

В докладе дано детальное описание способов выполнения этих

четырёх задач с использованием новейшей технологии и техники из разряда обычных вооружений в целях, для которых прежде требовались ядерные вооружения. Эти технологические новшества позволяют с высокой точностью управлять большим количеством обычных вооружений и одновременно значительно улучшить возможности по переработке огромного потока оперативной информации.

Об эффективности новых технологий совсем недавно говорил в конгрессе сенатор Сэм Нанн: «В нашем распоряжении сегодня есть такие новые технологии обычных вооружений, которые способны торпедировать наступательный порыв советского вторжения путем изоляции первого эшелона наступательных сил от сил второго эшелона. Эти технологии... базируются на трех основных преимуществах. К первому относится значительное увеличение поражающего фактора усовершенствованных обычных боеприпасов... Второе заключается в растущих возможностях микроэлектроники по ускорению сбора, обработки, передачи и манипулирования информацией о размерах, характере, дислокации и передвижении частей противника... Третье — это увеличившаяся способность к маневрированию и точному наведению возросшего потенциала модернизированных огневых средств против концентраций сил противника».

Возможности каждого варианта наращивания мощи обычных сил в пределах разумных финансовых ассигнований велики. К сожалению, ни один из них до сих пор не принят ни одной натовской страной в качестве составной части ее военной структуры и военного бюджета. НАТО не сделала этого по той причине, что среди ее военных и политических лидеров нет согласия относительно военной роли ядерного оружия.

Существует, тем не менее, медленное, но различимое движение к признанию трех моментов:

— В случае реализации существующие в НАТО планы опережающего применения ядерного оружия грозят скорее разрушить Европу, чем защитить ее.

— Если с точки зрения сдерживания в ядерной стратегии НАТО и сохранилось что-то ценное, оно быстро исчезает и стоит нам слишком дорого.

— Мощь и, значит, сдерживающий потенциал обычных сил НАТО могут быть существенно укреплены в пределах реалистических политических и финансовых ограничений.

На основании именно этих факторов я предлагаю признать, что ядерные боеголовки не являются оружием — в них нет никакого военного смысла, исключая сдерживание противника от применения им аналогичного оружия. Я предлагаю также признать, что в своих военных планах, оборонных бюджетах, программах разработки и развертывания вооружений, а также и на переговорах по

ограничению вооружений мы должны исходить именно из этого положения.

Конечной целью должно быть поддержание взаимного сдерживания на максимально низком уровне, отвечающем требованиям сохранения стабильности. Это подразумевает наличие у сторон таких неуязвимых сил, которые были бы в состоянии ответить на любое нападение и нанести противнику неприемлемый ущерб. Важно также, если мы не хотим наращивания этих сил, чтобы они не угрожали сдерживающему потенциалу противника. Сочетание этих факторов создаст стабильное равновесие, в котором опасность возникновения ядерной войны будет очень отдаленной возможностью.

Этот вариант сдерживания не нужно путать с позицией, занимаемой в настоящее время Соединенными Штатами и Советским Союзом. Как я уже отмечал, 25 тыс. ядерных боезарядов, которые имеются у каждой страны, не возникли благодаря и в соответствии с каким-либо планом. Напротив, они появились из-за беспорядочного использования плодов бесконечного технического совершенствования и упорного отказа признать, что ядерные боезаряды не являются оружием в любом традиционном смысле этого слова.

Если бы Советский Союз и Соединенные Штаты согласились в принципе, что ядерные силы не должны превышать уровень, необходимый лишь для сдерживания ядерного нападения другой стороны, каким образом можно было бы определить размеры и состав таких ограниченных сил?

При обсуждении предложения Горбачева полностью уничтожить ядерное оружие я указал, что безъядерный мир, желательный в принципе, недостижим в реальных обстоятельствах, поскольку страх оказаться обманутым при таком соглашении действительно был бы очень велик. Я подчеркивал, тем не менее, что выработка соглашений по вооружениям, которые ограничивали бы каждую сторону небольшим числом боезарядов с учетом современной техники проверки, вполне достижима. Ясно и то, что уровень этих вооружений должен быть достаточен для того, чтобы предупредить любой обман, и что определить его можно было бы, исходя из того количества единиц оружия, которое Советы могли бы создать незаметно для НАТО. Я не знаю исследований, в которых устанавливалось бы это число, но, безусловно, оно не превысит нескольких сотен единиц, скажем, пятьсот как максимум. Весьма возможно, что оно могло бы быть и значительно меньше.

При определении окончательных размеров и состава сил сдерживания необходимо принимать во внимание два обстоятельства: полная уверенность в их способности удержать противника от нападения, а также уверенность в том, что незамеченное или внезапное нарушение договоров по контролю над вооружениями не поставит под угрозу способность к сдерживанию. Учитывая, что так-

тические ядерные силы могут быть ликвидированы полностью, а в стратегических силах останется по 500 или меньше боезарядов, теперешний арсенал в 50 тыс. единиц можно было бы сократить до одной тысячи.

Сокращение американских и советских ядерных сил до уровня в несколько сот боеголовок у каждой стороны может показаться видением праздного мечтателя. И все же, пока я занимался исследовательскими изысканиями для данной книги, я узнал то, чего не знал ранее: в 1958 и 1959 гг. военно-морской флот США уже выступал именно с таким планом. Согласно ему, у нас должно было остаться 464 неуязвимых боеголовок для удара возмездия. По словам авторов этого предложения, размеры арсеналов вооружений должны определяться «целью благородного равновесия, служащего лишь для обеспечения сдерживания, а не фальшивыми целями достаточности для «победы».

До того как будут достигнуты эти цели по ограничению сил, в тот же процесс ядерных ограничений должны быть включены и другие ядерные державы — Китай, Франция, Великобритания и, возможно, другие, иначе их арсеналы могут нарушить стратегическое равновесие.

Предлагаемые изменения в тактических и стратегических силах США и СССР потребуют — как, впрочем, потребует и президентская программа СОИ, — дополнительных изменений в структуре обычных сил НАТО и Варшавского Договора или же соответствующего наращивания мощи обычных вооружений со стороны НАТО. В последнем случае с нашей стороны достаточно будет лишь небольшой части затрат, расходуемых нами на теперешний курс.

Итак, определив цель, каким образом мы сможем продвигаться к ней? Некоторые новые политические инициативы будут прерогативой исключительно Соединенных Штатов и их союзников, другие потребуют участия Советского Союза. Предпринимая первые, мы должны руководствоваться максимой, приписываемой президенту Эйзенхауэру: «Нам нужно то, что нам нужно». Решим ли мы отбросить, как ненужные, какие-нибудь очередные военные хитрости и уловки, мы должны прежде всего подумать о том, как много из того, что мы уже накопили или так старательно стремимся приобрести, стало для нас бесполезным, а то и просто опасным, и вовсе не думать о том, не работают ли над той же штукой Советы. Тактическое ядерное оружие в Европе — ярчайший тому пример, и усилия администрации по снижению его уровня должны быть утроены.

Некоторые программы становятся для нас наваждением, едва Советы решают последовать нашему примеру: сложнейшее противоспутниковое оружие, крылатые ракеты морского базирования и высокоточные баллистические ракеты морского базирования. Но мы ведь больше зависим от спутников, чем СССР, и уяз-

вмее для нападения с моря. С другой стороны, многие из этих вооружений — неплохой предмет для торга, поскольку они угрожают Советам никак не меньше, чем их арсеналы угрожают нам. Нам надо срочно перефокусировать переговоры по контролю над вооружениями на те области, где бесполезны односторонние действия. И этот процесс мы можем начать на переговорах, которые ведутся сейчас в Женеве.

5

ЖЕНЕВА.
ШАГ НАВСТРЕЧУ
ДОЛГОСРОЧНОЙ ЦЕЛИ

Женевские переговоры — это бесценный шанс сделать большой шаг навстречу нашим целям. Читатель, разумеется, вправе спросить: не слишком ли вольно подобное допущение, ведь разве не сам автор утверждал, что «звездные войны», от которых президент не собирается отказываться, ставят крест на контроле над вооружениями и, наоборот, гарантируют нам гонку вооружений? Звучит, быть может, странно, но допущение это правомочно, если мы примем во внимание примечательную речь ведущего советника администрации по проблемам контроля Поля Нитце, произнесенную им 20 февраля 1985 г. Если положения этой речи будут приняты, у президента появится возможность вести переговоры в том направлении, о котором я здесь говорю, не отказываясь при этом от исследовательской части программы стратегической обороны.

Г-н Нитце выдвинул два условия, при удовлетворении которых развертывание стратегической обороны может быть разумно оправданным: система должна оставаться работоспособной даже в случае прямой атаки, и она должна быть дешевле именно как система оборонительная, а не наступательная.

Как мы убедились, ничего похожего, удовлетворяющего эти критерии, нет пока и на горизонте — этой точки зрения, по всей видимости, придерживается и Нитце, поскольку он предполагает, что в начальный период длиной «по меньшей мере в десять лет» никакой системы развертывания не будет. В течение этого времени мы сможем, по словам Нитце, «затормозить эрозию» Договора по ПРО.

Нитце предвидит также возможность еще двух этапов, которые последуют за первым. На втором этапе будут развернуты некоторые элементы программы «звездные войны — 2» параллельно с развертыванием и наступательного оружия, но при том, что будут выполнены два выдвинутых им условия. Эта вторая фаза, скорее всего, продлится несколько десятилетий.

Наконец, когда будет доказан практический смысл «звездных войн — 1», вторая фаза сменится третьей — будет развернут непроницаемый щит, а наступательное оружие уничтожено.

Как я отметил в предыдущей главе, г-н Нитце признает, что вопрос о том, как нам одновременно одной рукой подписывать соглашение по контролю над вооружениями, а другой — разрешение на наращивание оборонительных систем, остается нерешенным. Вы, возможно, помните, он назвал это дело «мудреным». Не могу не согласиться с ним. Он также сказал, что вопрос этот, как и вообще вся проблема развертывания оборонительных систем, — предмет для будущих переговоров, и пока он не должен быть камнем преткновения на пути новых соглашений по ограничению вооружений.

И здесь мы должны вернуться к первой фазе, к «окну возможностей». Почему автор фиксирует здесь наше внимание на Договоре по ПРО? По той причине, что договор (отдадим должное его проницательности) формально подтверждает, что не только развертывание, но и работы по разработке стратегической обороны стимулируют наращивание наступательных вооружений. Если договор рухнет, никакого продвижения к нашей цели сокращения наступательных вооружений ожидать не придется. Здесь и распахиивается «окно возможностей»: укрепление Договора по ПРО в связке с переговорами по наступательным стратегическим вооружениям.

Договор запрещает некоторые типы радаров и испытания компонентов системы ПРО. Оба эти запрета под угрозой.

Советы строят радар в Сибири, который, похоже, противоречит Договору по ПРО. И хотя этот радар имеет ограниченное военное значение, случай с ним весьма важен с политической точки зрения и приобретает характер спора, который должен быть решен в пользу американского правительства*.

В скором времени Соединенные Штаты приступят к нарушению духа, а возможно, и буквы, договора в части ограничений на испытания (компонентов ПРО.— *Прим. ред.*). Это в том случае, если мы будем придерживаться расписания работ, оглашенного генерал-лейтенантом Абрахамсоном, директором программы СОИ. 15 марта 1985 г. он сказал, что «весьма определенное решение» о начале развертывания «звездных войн» будет принято к концу этого десятилетия или в начале 90-х годов. Если мы не откажемся от проведения серии испытаний, которые естественным образом подразумеваются в изложенной схеме действий, Советы с полным основанием будут считать, что мы переходим к этапу развертывания стратегической обороны. Они развернут лихорадочную

* В данной связи уместно напомнить, что посетившие РЛС под Красноярском представители конгресса и академических кругов США авторитетно заявили, что по своему предназначению станция не противоречит Договору по ПРО. Все это, однако, имело место после выхода в свет книги Р. Макнамары.— *Прим. ред.*

встречную активность, и все перспективы на успех женевских переговоров по наступательным вооружениям испарятся. Стержневая суть договора состоит как раз в том, чтобы дать каждой стране уверенность в том, что другая не готовит в секрете от нее развертывание новой системы, и наша задача как раз и состоит в том, чтобы доказать нашу готовность следовать его положениям.

Нам следует признать, что Советы принимают во внимание не наши слова, а наши дела. Они слышат от нас, что СОВСЕ — всего лишь исследовательская программа. Но наши дела заставляют их думать, что мы исходим из уже принятого в принципе решения об одностороннем нарушении Договора по ПРО в любое, удобное для нас время и в такой удобной для нас форме, которая поставит их в невыгодное стратегическое положение*. До тех пор пока они в это верят, не будет никакого нового соглашения об ограничении стратегических наступательных вооружений. Мы, правда, можем повлиять на ход их рассуждений, но для этого должны дать им ясные доказательства того, что обсуждаемые в конгрессе ассигнования на исследовательские работы по программе СОВСЕ никоим образом не санкционируют действия, идущие вразрез с духом Договора по ПРО.

Существующий Договор по ПРО не запрещает противоспутникового оружия. Эту лазейку следует закрыть. Поддающееся проверке запрещение испытаний противоспутникового оружия должно стать частью Договора по ПРО. Поскольку мы значительно больше зависим от спутников, чем Советы, такой запрет будет в наших интересах.

Упрочение режима Договора по ПРО позволит участникам переговоров в Женеве обратиться к решению важнейших вопросов, связанных с контролем наступательных вооружений. Уменьшив взаимную подозрительность в отношении способности противника к нанесению первого удара, договор увеличит стабильность режима сдерживания. Конечно, переговоры не будут легкими, но, с другой стороны, нам не придется полагаться лишь на заверения противной стороны, ее истинные возможности будут легко просматриваться. Обоюдное, поддающееся проверке уменьшение отношения числа высокоточных боеголовок каждой стороны к числу уязвимых пусковых ракетных установок противника позволит снизить угрозу первого удара до такого уровня, когда его нанесение было бы просто невозможно. Сегодня обе стороны располагают силами такой мощи, что вполне могут сосредоточиться на срочном сокращении их наиболее опасных компонентов,

* Впрочем, и некоторые наши слова указывают в том же направлении. В 1984 г. генерал Абрахамсон высказался на этот счет ясно: «Все, что мы делаем сейчас, в свое время отправится наверх, в космос. Одна штука за другой». — *Прим. авт.*

подрывающих стабильность и процесс сокращения вооружений вообще.

Что нам действительно необходимо, так это значительное сокращение числа боеголовок, но такое, которое исключало бы опасность первого удара. Добиться его будет очень не просто из-за существенных различий стратегических вооружений, тем не менее 50-процентное сокращение может быть достигнуто уже на первой стадии. Со стороны Соединенных Штатов, например, разумно настаивать на том, чтобы Советский Союз осуществил резкое сокращение боеголовок МБР, поскольку в этом виде они нас превосходят, но в ответ мы должны быть готовы к весомым сокращениям наших ракет с РГЧ на подводных лодках, где преимущество за нами.

В нынешней обстановке такое обширное соглашение по контролю над вооружениями может показаться нереальным. Многие деятели в США таковым его и считают. Они исходят, например, из того, что Советский Союз несерьезно относится к контролю над вооружениями. Но при этом они упускают весомые доказательства, свидетельствующие об обратном.

Советское правительство было явно заинтересовано в сокращении вооружений в 70-е годы, что подтверждает подписание им Договоров об ОСВ, охвативших наступательные вооружения, и Договора по ПРО, наложившего ограничения на вооружения целого класса.

Михаил Горбачев, относительно недавно ставший Генеральным секретарем ЦК КПСС, уже представил множество доказательств своей готовности к серьезным качественным и количественным ограничениям гонки вооружений. Он, в частности:

- призвал к заключению всеобъемлющего соглашения о запрещении ядерных испытаний и в одностороннем порядке объявил мораторий на испытания в течение более года, несмотря на то, что Соединенные Штаты не отказались от них и не изменили своей программы испытаний;

- выдвинул предложение относительно ядерных ракет средней дальности в Европе;

- подтвердил мнение о том, что противоракетные системы должны быть строго ограничены; это мнение разделяли в свое время администрации Джонсона, Никсона, Форда и Картера;

- в ноябре 1985 г. в Женеве выступил вместе с президентом Рейганом за 50-процентное сокращение ядерных арсеналов.

Нет сомнения, что главной целью этих инициатив было стремление оказать впечатление на общественное мнение Запада. Но есть серьезные основания верить, что русские и в самом деле хотят прогресса в контроле над вооружениями. Кроме всего прочего, они чувствуют, что им просто необходимо облегчить бремя тяжких для себя расходов, идущих на бессмысленное соперничество в вооружениях, хотя при этом ясно, что они будут тратить столько, сколько необходимо, чтобы не сдать свои позиции.

Не в наших интересах навешивать на все советские предложения ярлыки «пропаганда». Если Горбачев блефует, давайте выявим в чем. Если он искренен, тогда, если нам достанет нашей собственной политической воли, мы сможем заручиться его подписью под договорами, которые пойдут на пользу обеим сверхдержавам и их союзникам.

Если нам суждено достичь значительного прогресса в ограничении вооружений, нам придется пересмотреть нашу точку зрения на соперничество великих держав и на практическую ценность ядерного оружия.

С начала ядерной эры и по сей день Соединенные Штаты стремятся сохранить «превосходство» по стратегическим и тактическим ядерным вооружениям или, по крайней мере, иметь вооружения, которые обеспечили бы нам преимущество, если бы мы, а не Советы нанесли удар первыми. До тех пор пока мы руководствуемся этой целью, будет очень сложно достичь соглашения об ограничении вооружений, ведущего к стабильно низкому их уровню с обеих сторон. Президент Рейган уже осознал и принял эту точку зрения. Логика радикального сокращения стратегических ядерных арсеналов станет понятной, если мы примем эту точку зрения за основу наших предложений на переговорах.

6

ПРОЧЬ
ОТ ЯДЕРНОЙ
КАТАСТРОФЫ

Вторая половина столетия ядерной эры не должна стать повторением первой. Мы можем, мы должны отойти от практики прошлых десятилетий: от практики принятия решений на основе сиюминутных соображений — ad hoc. Именно этот процесс привел нас к миру, в котором два мощных блока, не способных пока избегать политических конфликтов и ситуаций потенциальной военной конфронтации, противостоят друг другу, оснащенные доктринами ведения ядерной войны и такими ядерными арсеналами, которые могут несколько раз разрушить не только их самих, но и большую часть остального мира.

У широких слоев общественности стран НАТО, потенциальных жертв ядерной войны, есть возможность и даже долг попытаться через поиск общих точек зрения снизить риск катастрофы, попытаться установить долгосрочные цели, определяющие и формирующие все аспекты наших ядерных программ: военную стратегию, программы разработки вооружений, размещения военных сил и ведение переговоров по контролю над вооружениями. Такова должна быть наша цель.

Позвольте мне резюмировать основные моменты нынешней ядерной ситуации:

— принятая сегодня на вооружение военная стратегия НАТО предусматривает раннее применение ядерного оружия в ответ на советское наступление обычными силами;

— конкретные планы реализации этой ядерной стратегии находятся в руках командиров частей НАТО;

— в соответствии с этими военными планами 25 тыс. ядерных боеголовок размещены и складированы на морях и на суше.

И ТЕМ НЕ МЕНЕЕ В ЭТОЙ СИТУАЦИИ НИКАКОЙ ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РАЗУМ НЕ МОЖЕТ ПОСТИГНУТЬ, КАКИМ ОБРАЗОМ МОЖНО ИСПОЛЬЗОВАТЬ ЯДЕРНОЕ ОРУЖИЕ К ВЫГОДЕ ЗАЧИНЩИКА ЯДЕРНОГО НАПАДЕНИЯ.

Как я уже говорил ранее, не только все большее число политических и военных руководителей начинает разделять эту точку зрения, но и все чаще и чаще они высказывают ее публично.

Лорд Карвер, бывший начальник штаба министерства обороны Великобритании, в своем заявлении, на которое я ссылаюсь в четвертой главе, изложил ее весьма энергично: «Любой обмен ядерными ударами, каким бы ограниченным он ни был, поставит НАТО в худшее положение по сравнению с Варшавским пактом ... (поэтому) применение первыми ядерного оружия ... представляется мне преступной безответственностью».

Большинство американцев даже не подозревает, что стратегия НАТО прямо призывает к скорейшему использованию ядерного оружия в случае конфликта с Советами. Наоборот, 80% американцев считают, что мы не будем его использовать, пока Советы не применят его первыми. Представляю, как они будут шокированы, узнав, что заблуждаются. Представляю их ужас, когда им скажут, что наши старшие военачальники и сами считают, что проведение в жизнь нынешней стратегии может привести к уничтожению нашего общества. Но таковы факты.

Это верно, некоторые гражданские «специалисты» полагают, что ущерб в результате обмена ядерными ударами может оказаться вполне приемлемым.

— В конце 1981 г. заместитель помощника министра обороны сказал: «Выройте яму, перекройте ее парой дверей и набросайте сверху с метр сорной земли... Каждый в силах это сделать, хватило бы только в округе лопат... Восстановительный период должен занять от двух до четырех лет».

— Тогда же директор Агентства по контролю над вооружениями и разоружению заявил: «В конце концов Япония не только выжила, но и стала процветать после атомной бомбардировки».

— Несколько месяцев спустя директор комитета советников по вопросам контроля над вооружениями и разоружению сказал: «Думаю, что вполне можно выжить в ядерной войне... Ядерная война штука разрушительная, но все же это в значительной степени проблема для физиков... Хиросима пришла в себя и всю жизнь действовала уже через три дня после бомбардировки».

— Наконец, в 1980 г. вице-президент Буш, обсуждая проблему, как победить при обмене ядерными ударами, сказал, что одна из сторон может выиграть такую войну, если «обеспечит выживаемость системы командования и управления, промышленного потенциала, защиту определенного процента населения и если будет иметь возможность нанести противнику большие потери, чем он ей. Так можно победить» *.

Как один из тех, кто выступал против возможности обмена ядерными ударами, я нахожу такие рассуждения неприемлемыми.

* Подобные заявления были встречены резкой критикой. По этой причине сейчас речей, аналогичных заявлению Буша, мы слышим куда меньше. Но стратегическое планирование Пентагона, разработки и закупки вооружений продолжают с целью сохранения превосходства на каждой стадии ядерного конфликта. При этом предполагается, что этот конфликт может длиться несколько дней или недель, пока не победит одна из сторон.— *Прим. авт.*

И верю, что большинство американцев считает так же. Макдордж Банди имел в виду именно эти настроения, когда писал: «Мозговые центры аналитиков могут устанавливать приемлемые уровни потерь во многие десятки миллионов человеческих жизней. Они могут также предполагать, что потеря десятков крупных городов — вполне приемлемый выбор для нормального человека. Но они обитают в нереальном мире. В реальном же мире реальных политических руководителей — у нас или в Советском Союзе — решение, которое приведет к взрыву хотя бы одной водородной бомбы над одним городом собственной страны, будет расцениваться как катастрофическая ошибка, взрыв десятка бомб над десятью городами — как несчастье, не влезающее в исторические рамки, а взрыв ста бомб над ста городами — об этом и помыслить невозможно».

ИСТИНА ПРОСТА: КОРОЛЬ ГОЛ. НАША НЫНЕШНЯЯ ЯДЕРНАЯ ПОЛИТИКА ОБАНКРОТИЛАСЬ.

Мы, однако, изготвились к прыжку — вперед к новым этапам новой гонки, которая неумолимо ведет нас к еще большей нестабильности, к еще большему риску общечеловеческой катастрофы. Интуитивная реакция президента Рейгана на этот факт, т. е. его склонность признать необходимость перемены курса, признать невозможность использования ядерных боеголовок в качестве реального оружия, в данном случае верна. Продолжать в прежнем духе было бы абсолютно безответственно. Это было бы, как настаивают католические епископы и другие религиозные деятели, ошибочно с моральной точки зрения.

Сколько нам потребуется времени, чтобы осознать этот факт? Когда я пишу эти слова, продолжают поступать сведения о последствиях разрушения чернобыльского реактора, потрясающие мир:

— польские дети и беременные женщины подверглись воздействию радиоактивного йода, способного поразить щитовидные железы;

— значительная часть населения Швеции попала под радиоактивные осадки, и (по прогнозам) на последующие сорок пять лет ожидается небольшое, но ощутимое увеличение смертности, вызванной раковыми заболеваниями;

— от 50 до 100 тыс. советских граждан могут столкнуться с долговременными проблемами здоровья;

— многие соседние страны ликвидировали зараженную сельскохозяйственную продукцию. Вероятно, нужно считать потерянным весь урожай 1986 г. на Украине на территории в сотни квадратных миль. Возможно также, что часть сельскохозяйственной территории, пока еще точно не определенная, выйдет на годы из оборота.

Однако, как указывал специалист по истории науки, профессор Гарвардского университета Эверетт Мендельсон, «радиация, возникшая в результате аварии чернобыльского реактора, является ничтожно малой (по сравнению) с той, которая будет

угрожать нам в случае ядерной войны». Не можем ли мы использовать опыт Чернобыля для того, чтобы обрести более ясное представление об ужасах ядерной войны, а значит, быстрее двигаться к снижению риска возникновения подобного бедствия? Разрешите мне еще раз без всяких недомолвок изложить свою точку зрения.

Весь мой семилетний опыт работы на посту министра обороны, где я вплотную занимался проблемами, порожденными осуществленной 43 года назад цепной ядерной реакцией, свидетельствует, что мы не можем избежать серьезного и неприемлемого риска ядерной войны до тех пор, пока не признаем, что ядерное оружие совершенно не способно служить военным целям, пока не пересмотрим с учетом этой концепции свои военные планы, ассигнования на оборону, вопросы совершенствования вооружений и наше отношение к переговорам о вооружениях. Ядерное оружие совершенно бесполезно, наличие его лишь позволяет сдерживать стремление противника им воспользоваться.

Такова моя точка зрения сегодня. Этой точки зрения я придерживался и в начале 60-х годов. В то время в долгих личных беседах с президентом Кеннеди, а затем и со сменившим его президентом Джонсоном я безоговорочно рекомендовал им никогда и ни при каких обстоятельствах не применять первыми ядерного оружия. Я полагаю, что они восприняли мои советы.

Я не могу утверждать, что все американские президенты будут поступать так же, как поступали президенты Кеннеди и Джонсон, хотя надеюсь, что это так. Но в чем я в самом деле убежден, так это в том, что мы, члены НАТО, должны, если только хотим достичь согласия относительно военной роли ядерного оружия, т. е. согласия по вопросу, имеющему фундаментальное значение для мира и безопасности как Запада, так и Востока, поставить перед собой определенные вопросы и найти на них ответы. Вопросы такие:

— Можем ли мы вообразить какие-либо мыслимые способы применения ядерного оружия в ответ на советское нападение обычными средствами, которые были бы выгодны НАТО?

— Санкционирует ли какой-либо американский президент такое использование ядерного оружия?

— Если мы не можем представить себе такого, выгодного для нас применения ядерного оружия, и если мы считаем, что вряд ли кто из американских президентов санкционировал бы его применение, следует ли нам мириться с риском, связанным с базовой стратегией НАТО, военными планами и принципом размещения ядерных боеголовок, которые все, как известно, нацелены на применение этого оружия в первые же часы конфликта между Востоком и Западом?

— Будут ли типы обычных вооружений, которые рекомендуют нам генерал Роджерс, профессор Уильям Кауфманн, Группа по изучению европейской безопасности и другие, достаточной сдерживающей силой против неядерного нападения СССР? Если да, то не

действуем ли мы безответственно, продолжая соглашаться с возрастающим риском ядерной войны, вытекающим из современной натовской доктрины, вместо того, чтобы пойти на умеренные расходы по приобретению и поддержанию обычных сил?

— Предпочитаем ли мы мир, свободный от ядерного оружия? Если да, то не следует ли нам признать, что такой мир не предусматривает «ядерного сдерживания» от советского нападения обычными силами? Если мы могли жить без такого сдерживания прежде, то почему мы не можем позволить себе этого сейчас, сделав большой шаг к безъядерному миру?

Короче говоря, для того чтобы уменьшить риск ошибок, ведущих к катастрофе, я предлагаю признать точку зрения, согласно которой военная роль ядерного оружия сводится к функции сдерживания противника от применения этого оружия. Я предлагаю продвигаться к ней с такой скоростью, с какой мы сможем достичь консенсуса внутри нашего союза, — а он, видимо, будет достигнут в следующие пять-десять лет, продвигаться к тому, чтобы все наши военные планы и наши оборонные бюджеты, все программы разработки вооружений и их размещения, а также переговоры о контроле над вооружениями основывались на выказанной выше посылке.

Я отдаю себе отчет в том, что предлагаю радикальное изменение подхода к стратегии НАТО. И я также сознаю, что эти подходы изменятся не скоро. Они основаны как на глубоком чувстве недоверия к Советскому Союзу, так и на ошибочных представлениях о том, как ядерное оружие может защитить нас от советской агрессии.

В первой главе я описал три кризиса, которые случились в период моего пребывания на посту министра обороны: советское давление на Берлин в 1961 г.; введение ракет на Кубу в 1962 г.; войну на Ближнем Востоке в 1967 г. Я хотел этим показать свое собственное отношение к одному из центральных вопросов этой книги: ситуация может выйти из-под контроля; действия могут привести к непредвиденным последствиям; намерения могут быть неправильно поняты; техника может отказать; кризисы могут разрастаться, даже если ни одна из сторон не хочет войны.

Три недавних события — гибель корейского самолета КАЛ-007, сбитого Советским Союзом, что привело к смерти 269 гражданских лиц; взрыв американского челночного космического корабля «Челленджер»; авария ядерного реактора в Чернобыле — подтверждают эти высказывания и служат напоминанием о том, как часто мы становимся жертвами неправильной информации, скоропалительных суждений и человеческого свойства ошибаться. Я не могу себе представить, чтобы в кризисной ситуации с ее давящей обстановкой все эти факторы не сказались на решении о применении ядерного оружия.

Гибель КАЛ-007 была большой трагедией. Однако подобная же ошибка в суждениях, но ведущая к пуску ядерных ракет, привела

бы к несопоставимой ни с чем катастрофе. Чтобы избежать такой катастрофы, мы должны делать все, чтобы сузить возможности применения такого оружия. Нынешний курс ведет нас как раз в противоположном направлении.

Один из американских экспертов по проблемам безопасности, считаящий, что соглашение по сокращению стратегических вооружений вряд ли будет достигнуто в ближайшее время, недавно высказал предположение, что без подобного ограничения число советских ядерных боеголовок будет более чем удвоено и достигнет порядка 24 тыс. По крайней мере половина этих бурно выросших сил будет нацелена на «срочные цели»*, усиливая, таким образом, опасения США относительно первого удара и снижая кризисную стабильность.

Большинство экспертов по вопросам безопасности продолжает утверждать, что ядерное оружие и угроза применения его первыми являются существенным фактором нашей обороны. И хотя я полностью не согласен с этой точкой зрения, я признаю, что единство внутри нашего союза, действительно, является основой нашей силы. Поэтому следует признать, что осуществить значительные изменения в нашей ядерной стратегии невозможно, если они не получат широкую поддержку как американского народа, так и других стран—членов НАТО. Вот почему мы должны немедленно приступить к поискам и созданию такой поддержки. Цель этой книги — внести свой вклад в этот процесс.

На открытых и откровенных форумах во всех странах, входящих в НАТО, должно быть начато обсуждение опасностей, грозящих нашему ядерному миру. За этими дискуссиями мог бы последовать ряд правительственных инициатив, способных через какой-то период времени привести нас к принятию новой долгосрочной стратегии и пересмотру целей нашей военной политики. К таким первым шагам я бы отнес: предложение генерала Бернарда Роджерса об укреплении обычных сил НАТО**, которое позволило бы осуществить быстрый переход к стратегии «никакого раннего применения ядерного оружия»; предложение о резком ускорении сокращения и передислокации тактических вооружений в Европе; предложение о коренном пересмотре «стратегической оборонной инициативы» с тем, чтобы решительно ограничить ее рамками программы исследований; предложение о переговорах с Советами, направленных одновременно на укрепление Договора по ПРО и резкое сокращение стратегических наступательных вооружений.

* Под термином «срочные цели» в США обычно понимают военные системы — (такие, как МБР), которые желательно и возможно уничтожить до того, как они будут задействованы противной стороной.— *Прим. ред.*

** Учитывая, что население НАТО на 65% превышает численность населения стран Варшавского Договора, а валовой национальный продукт больше на 200%, НАТО, безусловно, имеет и политические, и финансовые возможности для укрепления своих обычных вооружений, если эти действия будут обещать снижение риска возникновения ядерной войны.— *Прим. авт.*

Чернобыль, конечно же, усилит вполне оправданную озабоченность неприсоединившихся и нейтральных стран поведением сверхдержав и их союзников. Не нужно быть абсолютным сторонником гипотезы «ядерной зимы», чтобы признать тот простой факт, что обмен ядерными ударами между Востоком и Западом нанесет урон огромных масштабов народам остального мира. Следует поэтому ожидать, что они потребуют права голоса в принятии решений о контроле над вооружениями, голоса в определении ядерной стратегии, голоса в определении уровня ядерных сил.

Канцлер Федеративной Республики Германии считает себя вправе требовать возмещения от СССР урона, нанесенного его стране аварией в Чернобыле. Если подобные требования правомочны, то не менее справедливыми будут требования правительств таких стран, как, например, Индия, Бразилия и Швеция, предоставлять им всю информацию о риске, который заключен для них в ядерных программах сверхдержав; и о всех действиях, если таковые предпринимаются, с целью уменьшить этот риск.

Переговоры по вопросам о вооружениях, проходящие сейчас в Женеве, предоставляют историческую возможность изменить курс и сделать первый шаг в направлении тех долгосрочных целей, о которых я здесь говорил. Мы можем заложить фундамент, с которого вступим в двадцать первый век с совершенно другой ядерной стратегией — направленной к взаимной безопасности, а не ведению войны; требующей значительно меньших ядерных сил (не более 1000 единиц вместо 50 тысяч) и гарантирующей значительно меньший риск уничтожения нашей цивилизации.

В наших оценках и в нашей политике мы должны руководствоваться определенными правилами по мере того, как продвигаемся к нашим долгосрочным целям.

Каждая сторона должна признать, что ни одна из них не позволит другой приобрести значимое превосходство. Попытки добиться такого преимущества не только бесполезны, но и опасны.

Силы, толкающие любую из сторон к ситуации вынужденного первого удара — ситуации реальной или предполагаемой, — должны быть обращены вспять. Целью должен стать стабильный баланс сил на возможно более низком уровне.

Наши лучшие технические достижения должны быть мобилизованы на укрепление безопасности, но не таким образом, чтобы угрожать стабильности сдерживания. Космическое наблюдение и обработка данных, составляющие значительную часть программы СОИ, — свидетельство того, какой вклад в обеспечение проверки соблюдения договора может внести технология.

Не будем забывать предупреждение Уинстона Черчилля о том, что «каменный век может вернуться на сияющих крыльях науки». Мы должны отбросить фатальное убеждение в том, что новые технологии, неважно сколь они угрожающи, нельзя остановить. Если лабораторные исследования действительно нельзя ограничивать поддающимся проверке соглашением, то сама

технология предоставляет нам все более могущественные средства, чтобы помешать прогрессу этих разработок и приостановить их использование. Например, только отсутствие политической воли может помешать заключению поддающегося проверке соглашения о предотвращении развертывания еще более опасных баллистических ракет и именно потому, что до своего развертывания эти ракеты требуют значительного числа летных испытаний.

Мы должны также снять оправданные опасения обеих сторон: советский страх перед нашей технологией и наш страх перед их манией секретности. Здесь, кстати, существует возможность для торга: советское признание необходимости более глубокой проверки в ответ на американские ограничения на применение технологических новшеств. Проникновение за завесу советской секретности пошло бы на пользу обеим сторонам, даже если в Кремле этого еще не понимают. Так же обстоит дело и с технологической воздержанностью, хотя это и противоречит природе американского характера.

Мы достигли нынешнего уровня опасной и абсурдной конфронтации благодаря целому ряду шагов, многие из которых казались в свое время вполне разумными. Шаг за шагом мы можем теперь ликвидировать значительную часть ущерба.

Набросок программы, изложенный в этой книге, может, я полагаю, начать этот процесс. Не так уж важно, поддержат ли мои конкретные предложения или нет; существенно, что в одном мы можем согласиться точно: мы, в Америке, должны добиться национального согласия в отношении долгосрочной стратегии на следующие полвека ядерной эры — стратегии, которая уменьшит неприемлемый риск и начнет возрождать нашу веру в будущее.

Разве нашим первоочередным долгом и обязанностью не является обеспечение всенепременного выживания нашей цивилизации?

ПРИЛОЖЕНИЯ

I. АМЕРИКАНСКИЕ И СОВЕТСКИЕ СТРАТЕГИЧЕСКИЕ БОЕГОЛОВКИ.

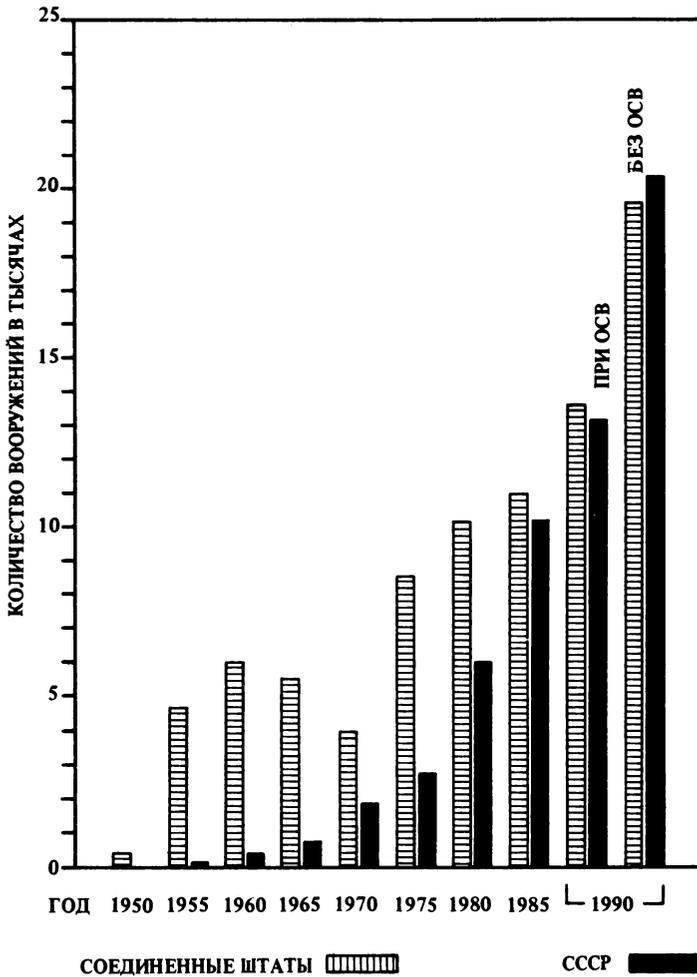
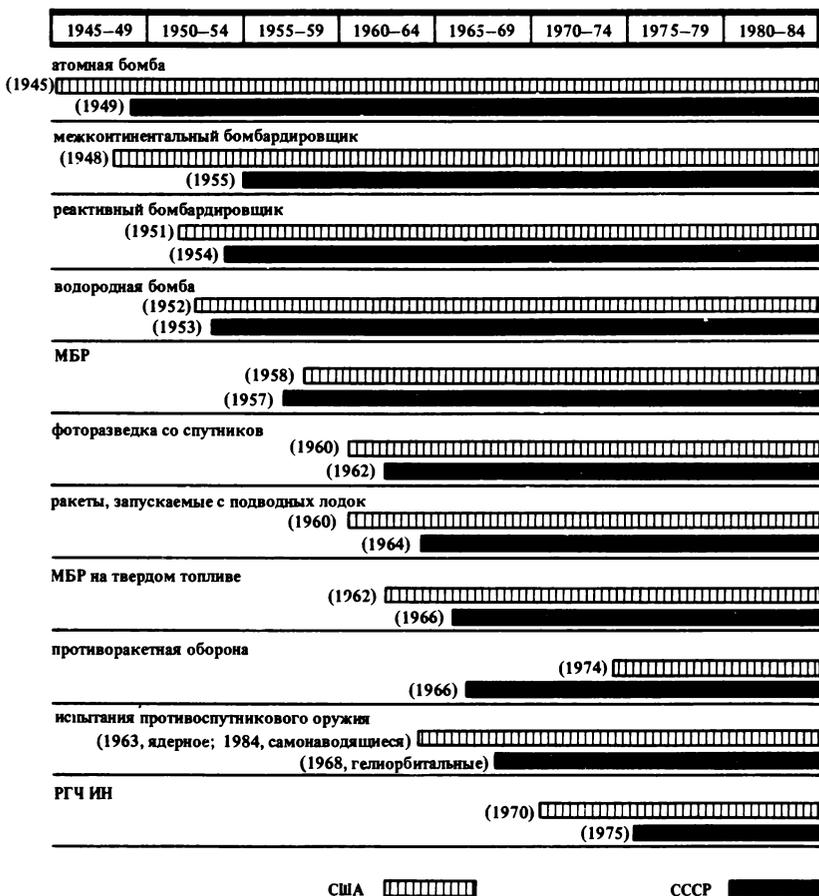

Схема показывает количество боеголовок, размещенных на баллистических и крылатых ракетах, а также на тяжелых бомбардировщиках. Из нее следует, что число боеголовок в американском и советском арсеналах росло постоянно, но резко увеличилось после того, как обе стороны начали устанавливать РГЧ на своих ракетах в 70-е годы.

II. ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ ГОНКА.

На схеме две линии указывают, когда каждая из сверхдержав начала испытывать или устанавливать указанные новинки военной техники и технологии. Как видно из схемы, каждая сторона быстро нагоняла другую.

Источник: Филипп Моррисон. «После «Троицы»: техническая удаля ведет к небезопасности». — См. в кн.: «По направлению к новой безопасности: уроки сорокалетия после «Троицы». Вашингтон; Союз обеспокоенных ученых, 1983, с. 22.

**Американский и советский
ядерные арсеналы в 1985 г.**

	Ракеты или бомбардировщики		Боеголовки	
	США	СССР	США	СССР
<i>МБР</i>	1 023	1 398	2 126	6 420
Ракеты среднего радиуса действия (наземного базирования и крылатые)	236	514	236	1,435
Баллистические ракеты на подводных лодках	690	967	5,728	2,887
Тяжелые бомбардировщики действия	297	300	3,334	600
<i>Итого:</i>	2 246	3 179	11 424	11 342
<i>Другие боеголовки</i>				
Артиллерийские снаряды			2 400	900
Противолодочные боеголовки			2 000	600
Крылатые ракеты против надводных целей (боеголовки)			0	1,000
Боеголовки на баллистических ракетах поля боя			300	1,600
Боеголовки на зенитных ракетах			200	300
Боеголовки антиракет			0	32
Ядерные фугасные мины			600	какое-то количество
Нестратегические бомбы			4 000	4 000
<i>Итого всех боеголовок*</i>			20 924	19 774

* Исключая боеголовки для перезарядки и находящиеся на складах, но не развернутые.

Источники: По стратегическим вооружениям:— Министерство обороны США.— «Советская военная мощь, 1984». Вашингтон, 1984, с. 25, 26. «Доклад министра обороны Каспара Уайнбергера конгрессу, 1986». Вашингтон, 1985. Схема III. Е. 4 и Приложение С.

Относительно сил США мы исходим из того, что на «Посейдоне» десять боеголовков, на «Трайденте—1»—восемь; восемь бомб и ударных ракет короткого радиуса действия на всех 241 «В—526/Н» и по шесть на каждом из «FB—111» и двенадцать крылатых ракет на каждом из 90 «В—52G» бомбардировщиков. Что касается советских сил, то мы исходим из того, что на «SS—17» четыре боеголовки, на «SS—18»—десять, шесть на «SS—19», семь на «SS—п—18» и девять на «SS—п—20». Мы не включаем советские бомбардировщики, приписанные к морской авиации, и предполагаем, что на бомбардировщиках в среднем

находится две бомбы и/или ударные ракеты, исходя из сведений сенатского комитета по вооруженным силам.— См.: «Ассигнования министерства обороны на 1985 финансовый год; слушания», 98 конгресс, 2 сессия, 1 февраля 1984 г., с. 123.

По ракетам средней дальности — данные Ассоциации по контролю над вооружениями, правительство США.

По другим ядерным вооружениям — данные по ядерным вооружениям см. в: «Ежегодник СИПРИ по вооружениям и разоружению в мире, 1985». Лондон, Тейлор энд Фрэнсис, 1985. См. также: «Сокращение американских и советских ядерных арсеналов» в «Буллетин ов зе атомик сайентистс», август 1985, с. 146.

**Рост американских и советских стратегических
ракетно-ядерных сил и бомбардировщиков,
1945—1990**

	1945	1950	1955	1960	1965
Боеголовки					
<i>США</i>					
Ракеты				68	1 050
Бомбы и крылатые ракеты воздушного базирования	2	450	4 750	6 000	4 500
Всего	2	450	4 750	6 068	5 550
<i>СССР</i>					
Ракеты				несколько	225
Бомбы и крылатые ракеты воздушного базирования			20	300	375
Всего			20	300	600
Средства доставки					
<i>США</i>					
Бомбардировщики		несколько	400	600	600
МБР				20	850
БРПЛ				48	400
Крылатые ракеты воздушного базирования					
<i>СССР</i>					
Бомбардировщики			несколько	150	250
МБР				несколько	200
БРПЛ				15	25
Крылатые ракеты воздушного базирования					

Не учтены ракеты средней дальности и размещенные на грузовиках и тактические бомбардировщики, в том числе советские бомбардировщики «Бэкфайер». Источники: «Военный баланс 1983—84», Международный институт стратегических исследований; «Ежегодный доклад министерства обороны на 1982 финансовый год»; «Заявление Комитета начальников штабов на 1986 финансовый год». Данные на 1990 год из Доклада № 84—174F Исследовательской службы конгресса от 5 октября 1984 г.

Приложение IV

	1970	1975	1980	1985	1990а*	1990б*
Боеголовки						
<i>США</i>						
Ракеты	1 800	6 100	7 300	7 900	8 240	10 580
Бомбы и крылатые ракеты воздушного базирования	2 200	2 400	2 800	3 300	5 376	8 196
Всего	4 000	8 500	10 100	11 200	13 616	18 776
<i>СССР</i>						
Ракеты	1 600	2 500	5 500	9 300	10 892	16 886
Бомбы и крылатые ракеты воздушного базирования	200	300	500	600	2 400	3 440
Всего	1 800	2 800	6 000	9 900	13 292	20 326
Средства доставки						
<i>США</i>						
Бомбардировщики	550	400	340	263	319	428
МБР	1 054	1 054	1 050	1 028	1 000	1 160
БРПЛ	656	656	656	648	640	784
Крылатые ракеты воздушного базирования				1 080	1 760	2 648
<i>СССР</i>						
Бомбардировщики	145	135	156	160	225	328
МБР	1 300	1 527	1 398	1 398	1 398	1 954
БРПЛ	300	784	1 028	924	948	974
Крылатые ракеты воздушного базирования				200	1 380	1 772

* Первая колонка на 1990 г. предполагает, что американские и советские силы ограничиваются положениями Договора ОСВ-2. Вторая колонка предполагает усиленную модернизацию без ограничений ОСВ.

ОБОРОННАЯ СИСТЕМА «ЗВЕЗДНЫХ ВОЙН»: ТЕХНИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ*.

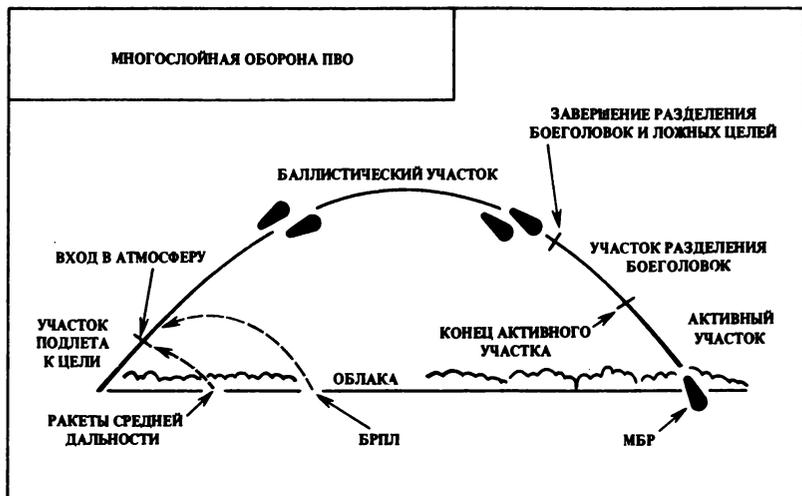
В течение более четверти века в Соединенных Штатах велись исследования, направленные на изобретение средств, способных уничтожать советские ракеты, прежде чем те достигнут своих целей. К середине 60-х годов мы уже накопили знания о том, как сбивать небольшой процент приближающихся ракет. Цель стратегической оборонной инициативы (СОИ), или «звездных войн», заключается как раз в том, чтобы путем широкомасштабных исследовательских усилий увеличить «убойную» способность противоракетной системы и тем самым оправдать ее развертывание.

Как я уже отметил в четвертой главе, президент Рейган и министр обороны Каспар Уайнбергер множество раз утверждали, что СОИ направлена на создание такой системы, которая полностью защитит наше население. Однако в то же время технические специалисты, занимающиеся этой программой, единодушно считают, что непроницаемая оборона — цель нереальная, по крайней мере, на ближайшие четыре-пять десятилетий, если она вообще осуществима. По этой причине исследования, ведущиеся в настоящее время, направлены на разработку такой системы, которая, хотя и не будет совершенной, но все же окажется эффективной, чтобы обеспечить частичную защиту нашего городского населения. Еще проще было бы защитить с помощью этой системы наши укрепленные цели, такие, как ракетные шахты и командные центры, однако администрация твердо заявила, что это не цель для программы «звездных войн».

СОИ в том виде, в котором она планируется сейчас, предусматривает противоракетную систему из четырех-семи «слоев». Цель состоит в том, чтобы обнаружить и перехватить баллистические ракеты на одном из участков их полета, начиная со старта из шахт на территории Советского Союза и с подводных лодок в море до подлета к целям в Соединенных Штатах и Западной Европе.

Полет делится на четыре участка. На участке разгона ракета запускается, и ее выводящая часть сгорает. Фаза разгона для существующих ракет составляет от 3 до 5 мин. На участке разве-

* Дать возможность интересующемуся неспециалисту ознакомиться с кратким описанием противоракетной технологии, используемой в СОИ, является задачей данного приложения. Программа еще не достигла той стадии, когда можно вынести окончательное суждение о ее технической осуществимости, однако эксперты уже начинают комментировать ее потенциальные возможности, и некоторые из их комментариев я включил в это приложение. Я не ученый и не инженер, поэтому данные выводы не являются собственно моими. — *Прим. авт.*

дения головная часть ракеты (которую также называют «автобусом») отделяется от отработавших ступеней и начинает выпускать боеголовки — больше одной в ракетах, оснащенные РГЧ, — а также различные «средства проникновения», предназначенные для «обмана» системы СОИ. На среднем участке полета боеголовки и средства преодоления ПРО движутся в космическом пространстве по баллистической траектории. У межконтинентальных ракет наземного базирования на этот участок полета уходит от 15 до 25 мин, у ракет, запускаемых с подводных лодок, — от 5 до 20 мин. Наконец, ракеты достигают конечного участка полета, на котором они вновь входят в атмосферу, и примерно через минуту обрушиваются на города и военные цели.

Можно ли при той технологии, на которую мы вправе рассчитывать завтра, построить эффективную систему, способную поражать боеголовки на том или ином участке их полета? В дискуссиях по поводу технических перспектив системы СОИ еще немало предположений и допусков, но как сторонники, так и противники этого плана согласны в том, что создание и эксплуатация системы представляют собой самую сложную техническую задачу, которая когда-либо ставилась в истории.

Для того чтобы система «звездных войн» работала, потребуется большое число надежных подсистем. Они должны будут быстро обнаруживать советскую ракетную атаку, следить за перемещениями каждой ракеты и боеголовки на различных участках полета, отсортировать их от ложных целей и уничтожить их. Командные пункты и центры управления СОИ должны обладать способностью координировать поступающие от людей и компьютеров решения. А поскольку люди не в состоянии безошибочно

управлять всеми действиями, необходимыми для поражения ракет, то управление боем, т. е. координация действий на различных «слоях» обороны, ляжет на плечи аппаратной и программной составляющих вычислительных систем.

Основное оборудование системы должно быть размещено в космосе. Для этого нам необходимо будет создать сотни или даже тысячи космических платформ, разработать для них соответствующие источники энергии и, наконец, поднять их в космос. Мы должны будем также построить тысячи ракет-перехватчиков, базирующихся на земле, на море и в воздухе, и средства обнаружения.

Все сказанное, впрочем, ни в малейшей степени не может отразить масштабность стоящей задачи. СОВИ сравнивали с вызовом, брошенным когда-то президентом Кеннеди: высадить человека на Луну. Но есть между двумя этими задачами и фундаментальное отличие. Луна не грозит нам ответными действиями. Советский Союз, напротив, дал понять, что, если мы предпримем попытку обесценить его ракетный арсенал, его ответ будет решителен. Он попытается превзойти, найти обходной путь или прямо атаковать систему СОВИ.

Генерал-лейтенант Джеймс Абрахамсон, директор СОВИ, признал, что ответ советской стороны на СОВИ будет заключаться в том, чтобы эту систему уничтожить. Таким образом, СОВИ, чтобы достичь поставленных целей, должна оставаться эффективной и при проведении существующих и планируемых контрмер. Абрахамсон категоричен, предсказывая, что «(многослойное) построение, создающее массу возможностей для нейтрализации атаки, позволяет нам надеяться на то, что уровень просачивания через систему обороны будет крайне незначителен, даже если противник прибегнет к массивному наращиванию своих наступательных сил».

И все же задача обеспечить эффективность системы СОВИ перед лицом советских контрмер способна обескуражить. Самый очевидный советский ответ — это увеличение числа ракет и боеголовок на этих ракетах. Советы уже имеют 2300 баллистических ракет большой дальности примерно с 9500 боезарядами. Но создавая СОВИ, нельзя исходить из того, что нам придется иметь дело только с ними. В отсутствие ограничений на вооружения Советы смогут, например, поставить на каждую из своих 308 ракет СС—18 по 30 боезарядов, тогда как сейчас на такой ракете установлено не более 10. Эксперты, занимающиеся СОВИ, считают, что русские могли бы к концу столетия установить на баллистических ракетах от 30 000 до 40 000 боеголовок.

Численное наращивание советского арсенала является только первой контрмерой, которую необходимо принимать во внимание; существуют гораздо более дешевые способы парализовать СОВИ. В настоящее время и США, и Советы разрабатывают различные вспомогательные средства преодоления ПРО, обеспечивающие

достижение ракетами целей. По мере того как мы будем рассматривать различную технологию, предназначенную для СОИ, я буду указывать на некоторые контрмеры, которые можно применить для ее нейтрализации.

По Абрахамсону, «наиболее важный» слой системы СОИ — тот, который предназначен для поражения ракет в фазе разгона. Почему — ясно: именно в стадии разгона советский ракетный арсенал наиболее уязвим. Обнаружить ракеты при взлете и установить за ними слежение легче, чем за «автобусами» или боеголовками, поскольку они испускают сильное инфракрасное излучение. Первые (разгонные) ступени ракеты также больше по величине и более хрупки. К тому же, так как каждая ракета может нести многозарядные боеголовки и вспомогательные средства, большая часть советского арсенала может быть поражена меньшим числом антиракет именно на стадии разгона.

Дело, однако, в том, что перед средствами обороны, нацеленными на поражение на этапе разгона, стоит существенное препятствие: их где-то надо разместить. Есть два варианта — поместить их на спутниках в космосе или «подкинуть» их в космос с подводных лодок, как только атака начнется. Беда в том, что ни один из вариантов не представляется приемлемым в свете возможных контрмер.

Как отмечала в своем исследовании 1983 г. «комиссия Флетчера», которой президент поручил разработать техническую основу для СОИ, «для компонентов, расположенных в космосе, выживаемость всегда будет серьезной проблемой». Спутники, несущие на себе сенсорные устройства и перехватчики, будут уязвимы для атаки со стороны целого набора советских противоспутниковых вооружений, включая ядерные космические мины, самонаводящиеся средства уничтожения, лазеры и т. п. Фактически, как признают представители администрации, технология, которая используется для противоракетных вооружений, в принципе, может использоваться и для производства противоспутникового оружия. Тем более, что спутники, движущиеся по предсказуемым орбитам, легче поразить, чем ракеты. В 1985 г. начальник отдела системного анализа Сандийской лаборатории говорил: «Я думаю, что о нейтрализации на фазе разгона, к сожалению, и говорить не приходится... Каждый раз, когда мы рассматриваем этот вопрос, мы приходим к выводу, что нам будет очень трудно обеспечить выживаемость расположенных в космосе компонентов». Поскольку же создание слоя обороны, нацеленного на фазу разгона, является критическим для функционирования всей системы СОИ, противнику, чтобы нанести значительный ущерб всей обороне, достаточно будет пробить «дыру» именно здесь.

В ответ на советскую противоспутниковую угрозу нам необходимо будет разработать контр-контрмеры. Мы могли бы попытаться укрепить наши спутники на случай ударов противника, но такое укрепление увеличит вес наших систем и, таким образом, увели-

чит затраты на вывод их в космос. Более того, ядерные взрывы советских космических мин смогут, вероятно, повредить наши спутники, независимо от того, укреплены они или нет. Мы можем также увеличить число наших спутников, попробовать закамуфлировать их или придать им маневренность с тем, чтобы они могли уходить от атаки противника. Все эти дорогостоящие предприятия грозят превратиться в бесконечную игру в кошки-мышки. Мы можем также попробовать сбивать их спутники теми же самыми средствами, которые предназначены для уничтожения их ракет. Но это не только увеличит наши потребности в вооружениях и осложнит управление боевыми действиями, но и создаст условия для упреждающего удара в космосе: если война будет представляться неизбежной, то, кто бы ни напал первым, он получит значительное преимущество.

Другой вариант, который можно применить на участке разгона, предусматривает размещение антиракет на подводных лодках и на наземных базах с их последующим «подкидыванием» в космос. Однако большинство вооружений, пригодных для этой цели, слишком тяжелы для «подкидывания». Единственным подходящим вариантом является план применения так называемого оружия направленной энергии — лазеров или пучковых систем,— использующего энергию одноволнового излучения или энергию электрически нейтральных частиц, соответственно.

Рентгеновский лазер фокусирует рентгеновские лучи от ядерного взрыва в мощный поток направленной энергии. Когда советские ракеты будут запущены, сотни этих вооружений будут выведены в космос. По мере того как они будут подниматься в космос, они будут засекать ракеты. Ядерные устройства взорвутся, и образовавшиеся рентгеновские лучи будут направлены на ракеты; возникшая ударная волна разрушит ракету.

Чтобы перехватить советскую ракету и уничтожить ее, необходимо будет запустать рентгеновское оружие почти одновременно с советскими ракетами. Таким образом, человеческое участие в принятии решений исключается, и приказ о запуске будет отдавать компьютер.

Более того, одна-единственная контрмера, которая представляется вполне осуществимой, наверняка сможет нейтрализовать рентгеновский лазер. Советы могут разработать скороподъемные ракеты-носители, которые будут выводить «автобус» на баллистическую траекторию быстрее, чем за три минуты, привычные для сегодняшних ракет. В самом деле, «комиссия Флетчера» заявила, что такие носители с высокой тяговооруженностью (обеспечиваемой повышением скорости горения ракетного топлива) позволяют завершить фазу разгона за одну минуту. И тогда не только системы быстрого запуска на орбиту традиционных средств ПРО не смогут достичь своих целей, но и рентгеновские лучи просто-напросто не смогут пробиться через атмосферу.

Даже менее значительное снижение времени на фазу разгона создаст проблемы для рентгеновского лазера. Если мы хотим добиться надежности поражения советских ракет на участке разгона, то должны запустить лазерное оружие с подводных лодок, патрулирующих близости от советских берегов, где они, естественно, могут стать мишенью для советского удара, или с территории таких соседей Советского Союза, как Турция или Китай, которые вполне могут и не пойти на договоренность с нами. Но такая дислокация — условие необходимое, поскольку Земля круглая, и только в случае, если рентгеновские лазеры запускаются неподалеку от советских шахт, они смогут бить по ракете-носителю прямой наводкой. Пентагон заявил, что советские скороподъемные ракеты, а их создание вполне осуществимо без значительных изменений веса ракеты или ее летных качеств, «породят сомнения» относительно эффективности рентгеновских лазеров в качестве элемента системы противоракетной обороны, которые могли бы использоваться на фазе разгона.

Эта порочность идеи использования рентгеновских лазеров склонила симпатии руководителей СОВИ к системе перехвата, базирующейся в космосе, несмотря на всю ее уязвимость. Основным кандидатом на применение в СОВИ сейчас является кинетическое оружие: механизм, на высокой скорости выстреливающий снаряд (пулю или ракету), который просто протаранит ракету или боеголовку ракеты противника. Это оружие, называемое кинетическим поражающим устройством космического базирования, основано на менее экзотических технологиях, чем многие другие идеи программы СОВИ. Предусматривается, что около 5 тыс. таких ракет, работающих на химическом топливе, будет размещено на тысячах спутников.

По крайней мере, именно такое количество спутников потребуется для того, чтобы закрыть так называемую «проблему отсутствия». Краткое ее объяснение заключается в следующем: ракеты, предназначенные для кинетического (механического) поражения, относительно медленные и с ограниченным радиусом полета. Чтобы перехватить советские ракеты вовремя, они должны быть размещены на низких орбитах. Но объекты на низких орбитах быстро вращаются вокруг Земли, быстрее, чем Земля вращается вокруг своей оси, и поэтому не смогут постоянно находиться над тем местом советской территории, откуда запускаются ракеты. Следовательно, для того, чтобы эти ракеты с относительно малым радиусом действия постоянно были на приемлемом (т. е. в радиусе досягаемости.— *Прим. ред.*) расстоянии от советских ракет, потребуется большое число спутников.

Скороподъемные ракеты-носители, устраняющие из игры рентгеновские лазеры как оружие, пригодное для поражения в фазе разгона, ставят серьезные проблемы и перед кинетическим устройством. Как я отмечал выше, такая ракета может завершить фазу разгона еще в атмосфере. Кинетическое устройство вряд ли

будет эффективным в атмосфере, поскольку сопротивление воздуха может сказаться на точности его системы наведения. В действительности же, у кинетических устройств, более медленных, чем лазерное оружие или другое оружие направленной энергии, достаточно проблем и в случае их использования для поражения существующих сейчас баллистических ракет до того, как отработают их разгонные ступени.

Бывший министр обороны Гарольд Браун констатировал, что идея использования кинетического оружия «ничего не обещает» из-за очевидных и эффективных контрмер. Если все же кинетическое устройство и проталкивают сегодня как главную составную системы, предназначенной для поражения ракет не только на стадии разгона, но и для разрушения боеголовок на более поздних стадиях полета, то даже сторонники этих устройств признают, что вес их должен быть значительно снижен с тем, чтобы вся система оказалась приемлемой с финансовой точки зрения.

Перспективы применения других видов кинетического оружия еще более далеки. Например, электромагнитная пушка, которая будет придавать небольшим самонаводящимся снарядам высокую скорость, потребует огромного количества энергии, а размещение достаточного количества источников энергии в космосе повлечет за собой гигантское увеличение поднимаемого веса. Уже на сегодняшний день программа столкнулась со значительными техническими трудностями.

Другой вариант оружия направленной энергии — химический лазер космического базирования — считался одно время многообещающим, но теперь в программе СОИ ему не отводят прежнего места. Химический лазер, как и рентгеновский, использует сфокусированный луч для прожигания обшивки ракеты. Но, поскольку химический лазер не обладает мощностью рентгеновского, ему (для того, чтобы обеспечить температуру, достаточную для прожигания корпуса ракеты) необходимо удерживать луч на одной и той же точке в течение нескольких секунд, пока та движется со скоростью 10 тыс. миль в час, находясь от него на расстоянии в 3500 миль.

Один высокопоставленный генерал военно-воздушных сил, выступая в 1983 г. на слушаниях в конгрессе, привел по этому поводу такую аналогию: «Представьте, что, стоя у памятника Вашингтону, вы решили попасть по бейсбольному мячу, находящемуся на вершине «Эмпайер стейт билдинг», и в добавление ко всему представьте, что и вы, и мяч одновременно движетесь». И далее он заключил: «Как специалист в области технологии, я смотрю на все это предприятие со значительной долей беспоконства».

Ко всему прочему космический лазер столкнется с той же «проблемой отсутствия», что и кинетическое устройство, ибо его лучи будут недостаточно мощны для достижения цели с высоких орбит. Так как своевременно отреагировать на запуск МБР

смогут только те спутники, которые будут размещены «стационарно» над базами ракет, необходимо, чтобы каждый из них был в состоянии поразить большое число ракет на первом участке и, стало быть, обладать колоссальной мощностью, что, разумеется, потребует подъема в космос чрезвычайно тяжелых источников энергии.

Еще один вариант лазера — лазер наземного базирования на свободных электронах — рассматривается в настоящее время Управлением СОИ как наиболее надежное средство для перехвата МБР на участке разгона и на следующей стадии полета. По этой схеме наземные системы лазеров будут посылать лучи сквозь атмосферу в космос, где они будут отражаться зеркалами, установленными на орбитальных станциях, и, таким образом, поражать атакующие ракеты и боеголовки.

То, что лазеры будут находиться на земле, снимает проблему вывода тяжелых источников энергии в космос, однако лазер на свободных электронах создает целый ряд своих собственных проблем. Первая из них в том, чтобы разработать лазеры, превышающие по яркости в 10 000 раз все ныне существующие модели. Вторая — как обеспечить фокусировку лазерных лучей по мере их прохождения через атмосферу в космическое пространство. Хотя в этой области и был достигнут прогресс, проблема никоим образом еще не решена. Третья проблема состоит в том, что лучам могут помешать облака, поэтому потребуется большое количество раскинутых на обширной территории лазерных станций с тем, чтобы вероятность чистого неба над достаточным числом станций была в момент нападения сравнительно велика. И, наконец, космические зеркала окажутся перед той же самой «проблемой отсутствия», что и космические системы перехвата.

Более того, можно предвидеть различные контрмеры, способные подорвать эффективность лазеров на свободных электронах и других так называемых оптических лазеров (таких, как химические лазеры). Советы могут разработать такие носители, которые будут при подъеме вращаться. Поскольку оптические лазеры, чтобы прожечь дыру в обшивке, должны в течение нескольких секунд фокусировать луч на одной и той же точке, такая ротация способна спасти ракеты от разрушения. Русские могут также покрыть каждую ракету защитным материалом, который будет поглощать тепло и испаряться, но сохраняя целостность ракеты. В дополнение к этому скороподъемные носители создадут серьезные трудности для оптических лазеров.

Но, возможно, наиболее серьезные проблемы возникнут в связи с космическими зеркалами. Они будут уязвимее даже боевых станций, предусматриваемых другими проектами СОИ. Такие зеркала должны быть в 3 или 4 раза больше, чем самое большое из уже созданных, и могут быть разрушены при столкновении даже с небольшими механическими объектами.

В отношении других участков полета МБР СОВИ предусматривает 3 или 4 типа скоростных ракет на кинетической энергии наземного базирования с целью перехвата боеголовок в средней и конечной фазах полета. Вариант, названный «Брадускилл», использует инфракрасную и радиолокационную системы наведения и является кандидатом в перехватчики на среднем участке полета. Один вид оружия призван сбивать ракеты как раз перед их входом в атмосферу, а два других будут уничтожать их сразу после входа. Эти системы, используемые на конечном участке полета ракеты, будут применять инфракрасную систему наведения.

Поскольку полоса пространства, защищаемого каждой антиракетой, будет относительно ограничена, для высокоэффективной обороны программе СОВИ потребуются, возможно, 1000 установок антиракет наземного базирования по всей Европе и Соединенным Штатам. Потребуется также огромное количество земли, и это в условиях густонаселенной Европы, которой к тому же предстоит оказаться лицом к лицу с массой баллистических ракет более короткого радиуса действия, которые не так-то легко нейтрализовать на ранних стадиях полета.

Более того, оборона на конечных участках полета ракет в своих усилиях защитить уязвимые гражданские цели от огромной разрушающей мощи ядерного оружия встретится с целым набором контрмер. Советы могут установить специальные заряды на боеголовках, способные взрываться в атмосфере, едва они уловят приближение наших перехватчиков или при столкновении с ними, причем мощь их взрыва будет достаточной для того, чтобы поразить наше городское население. В дополнение к этому Советы могли бы разработать маневрирующие головные части (МАРВ) с небольшими стабилизаторами или с передней частью особой конфигурации, позволяющие входящему в атмосферу аппарату отклоняться от явной цели и поворачивать к другой, нейтрализуя, таким образом, нашу оборону. Для того чтобы противопоставить что-то МАРВам, нам, возможно, пришлось бы вооружить антиракеты ядерными боеголовками, чья взрывная мощь могла бы разрушать входящие в атмосферу советские ракеты без лобового столкновения. Таким образом, конечная оборона СОВИ обернется на деле взрывом ядерных боезарядов над собственной территорией.

И все же множество трудностей, с которыми сталкиваются эти различные схемы поражения ракет,— всего лишь часть общей проблемы, которую предстоит решить, взявшись за осуществление СОВИ. Прежде чем мы сможем поразить советские ракеты, нам нужно будет установить их траектории, распознать и отделить настоящие боеголовки от ложных целей. Как и в случае с поражающими устройствами, и в этом случае на каждую новую идею слежения за ракетами или выявления ложных целей тут же появляется своя контрмера.

Первый слой системы обнаружения СОИ должен состоять примерно из дюжины спутников, двигающихся по геосинхронной орбите и способных обнаруживать инфракрасное излучение советских ракет на участке разгона. Эта система обнаружения и слежения за ракетами на участке разгона передаст сигнал, предупреждающий о начале атаки, на другой уровень сенсорных устройств — системе обнаружения и слежения в космосе (ССТС), расположенной примерно на 100—200 спутниках с низкой орбитой полета. Задача выявления атакующих ракет усложнится, если Советы построят ложные ракетные шахты и ракетоносители, способные воспроизводить инфракрасные следы подобно настоящим ракетам. ССТС будет следить за ракетами и боеголовками на этапе их полета с момента старта и на среднем участке полета. Слежение за ракетами в конце среднего участка полета ракеты может быть дополнительно обеспечено оптической системой авиационного базирования, флотилией самолетов с установленными на борту инфракрасными датчиками.

Однако взрывы советских ядерных бомб в космосе создадут серьезные проблемы для обнаружения инфракрасных следов. Такие взрывы могут выводить из строя сенсорные устройства или испускать достаточное для их ослепления количество тепловой радиации. Технические специалисты СОИ затрачивают немало сил для «укрепления» сенсорных устройств и обеспечения их работы в условиях ядерного взрыва.

Тем не менее, как признают руководители СОИ, считывание инфракрасных сигналов, так называемое пассивное распознавание, будет недостаточным для идентификации боеголовок на протяженном среднем участке полета. Ведь боеголовки испускают значительно меньшее количество инфракрасной радиации по сравнению с взлетающими ракетами, а поэтому их трудно засечь в темноте космоса. Но задача становится еще более сложной, если учесть вероятные советские контрмеры: установку на ракетах дополнительных боеголовок и бесчисленных вспомогательных средств преодоления ПРО.

Как я уже отмечал выше, тяжелые советские МБР способны гипотетически нести до 30 боеголовок. Управление технических оценок конгресса считает, что русские могут разместить на своих ракетах примерно 10 легких ложных целей на каждую боеголовку. Эти ложные цели могут выглядеть, как шары или просто куски металла или пластика. Таким образом, сенсорные устройства, работающие на среднем участке полета, должны следить за сотнями тысяч объектов. Использование дополнительных вспомогательных средств преодоления ПРО, таких, как диполи (обрезки металлической проволоки) и аэрозольные облака, еще больше усложнит распознавание боеголовок и ложных целей, поскольку в отсутствие атмосферного торможения в космосе реальные и ложные боеголовки будут двигаться по внешне одинаковым траектори-

ям. К тому же, русские могут закамуфлировать и свои боеголовки так, чтобы они выглядели как ложные цели.

Все это объясняет причины, заставившие руководителей СОИ заняться разработкой нового проекта, называемого взаимодействующим дискриминированием, в котором используется пучковая энергия для выявления наблюдаемого различия между боеголовками и ложными целями. Легкие прикосновения лучей лазеров на свободных электронах — того же самого оружия, что используется для поражения ракет, — вызывают вибрации в боеголовках, различимые от вибраций в ложных целях.

Другой вид оружия направленной энергии — пучки нейтральных частиц — в свое время уже рассматривался в качестве поражающего устройства, но был чуть не единодушно отвергнут. Теперь же он стал едва не лидером среди средств взаимодействующего дискриминирования. В такой системе поток нейтральных атомов водорода разгоняется в ускорителе и выходит из него в виде узкого пучка энергии. Для достижения эффекта взаимодействующего дискриминирования пучок должен облучить боеголовку или ложную цель, но только боеголовка даст обратную распознаваемую радиацию.

То, что пучковый поток частиц был в принципе отвергнут как устройство поражения, не случайно: на пути этой идеи много сложностей и среди них — опасность снижения сенсорной эффективности. Пучковые системы потребуют размещения на уязвимых спутниках больших, громоздких ускорителей, нуждающихся в огромном количестве энергии.

Для отделения боеголовок от ложных целей специалисты предложили использовать также небольшие пули и аэрозоли. Но надо еще доказать, что вариант взаимодействующего дискриминирования вообще является рабочим вариантом.

Слежение за боеголовками на конечном участке — задача более простая, поскольку атмосферное торможение облегчит распознавание между реальными боеголовками и ложными целями. Но до тех пор, пока система не будет в состоянии выполнять важнейшую задачу по эффективному распознаванию боеголовок на среднем участке полета, количество боеголовок, входящих в атмосферу, будет значительно превышать возможности радаров обеспечить слежение за ними. Более того, первые советские атаки, возможно, запускаемыми с моря низколетящими крылатыми ракетами, баллистическими ракетами с настильной траекторией или же баллистическими ракетами стандартной траектории, если они пробьют оборону, могут разрушить уязвимые радары СОИ наземного базирования. Различные последствия ядерных взрывов ослепят сенсорные устройства, даже если они не будут разрушены впрямую. Именно уязвимость радаров была главным аргументом против строительства противоракетной системы «Сентинел—Сейфгард», которую Соединенные Штаты разработали в середине 60-х годов.

Другой фундаментальной задачей СОИ является совершенствование систем управления боем и командно-контрольных систем, обеспечивающих управление тысячами устройств, нацеленных на поражение десятков тысяч целей и ложных объектов в чрезвычайном сжатый период времени, а если Советы взорвут бомбы в атмосфере и космосе,— то и в условиях ядерного взрыва. Каждый слой противоракетной обороны должен будет «информировать» следующий о том, насколько ему удалось сдержать ракетную атаку и сколько еще ракет противника продолжает лететь в направлении нашей территории. Чрезвычайные требования в отношении времени, особенно на участке разгона, не оставят места для вмешательства человека или, как сформулировал один из членов «комиссии Флетчера», «в этой петле для человека времени не останется». Чтобы компьютеры выполняли задачи, обычно решаемые человеком, вероятно, потребуются усилия по дальнейшей доводке искусственного интеллекта. Как считает «комиссия Флетчера», разработка и техническое обеспечение соответствующих компьютерных программ — это «задача, которая по сложности и трудности намного превосходит все, что было до сих пор достигнуто в производстве гражданских или военных систем программного обеспечения». После двух с половиной лет проталкивания программы СОИ Пентагон в мае 1986 г. подтвердил, что «компьютерное обеспечение управления боем, которое должно быть разработано для СОИ, может стать самой сложной из когда-либо выполнявшихся задач подобного рода». Результаты исследований, предпринятых в рамках СОИ, указывают на то, что потребуются десятки или сотни миллионов строк для компьютерных программ.

И, наконец, как указывает «комиссия Флетчера», это фантастически сложное программное обеспечение — так же, как и вся программа СОИ в целом,— никогда не может быть полностью проверено, разве только в условиях настоящей ядерной войны. Оно обязательно сработает сразу же, при первом его применении.

К двум дополнительным, относящимся к СОИ задачам, о которых я уже говорил вскользь, относятся проблемы обеспечения энергией и космической транспортировки.

Как признал генерал Абрахамсон, «многие из выводимых на орбиту объектов СОИ будут страшно прожорливы по части энергии». Чтобы обеспечить систему достаточной энергией, Соединенным Штатам нужно будет разработать и поднять в космос такие источники энергии, поднимать которые пока и не пробовали. До сих пор самой тяжелой энергетической установкой, поднятой в космос, был 12-киловаттный источник для программы «Скайлэб». Для сравнения: чтобы запитать энергией системы СОИ, может потребоваться от 10 тыс. до 1 млн. кВт. В соответствии с национальной программой SP-100 сегодня разрабатывается ядерный реактор космического базирования мощностью 300 кВт и более.

Даже если мы сможем разработать удовлетворяющие нас источники энергии, мы вряд ли сможем позволить себе, как само собой разумеющееся, любую стоимость размещения в космосе реакторов и прочих элементов системы. Причем хлопоты с космическим лифтом даже после того, как мы выведем в космос всю систему, для нас не закончатся, поскольку и сама система, и зеркала потребуют периодического ремонта, различных усовершенствований, не говоря уж о всяких доводках в связи с теми или иными контрмерами русских.

Затраты на транспортировку необходимо будет радикально снизить по сравнению с их настоящим уровнем. В соответствии с пентагоновским документом от мая 1986 г. СОВИ потребует поднять на низкую орбиту грузы весом от 20 до 200 млн. фунтов, и «при сегодняшних ценах на орбитальную доставку в 1000—3000 долл. за фунт веса одни лишь затраты на транспортировку приблизятся к 60 млрд. долл.».

Нынешнее состояние американской космической программы подсказывает, что в ближайшие десятилетия нам будет трудно сосредоточиться на снижении затрат на транспортировку грузов. Трагедия космического челночного корабля «Чэлленджер» и последующие неудачи с ракетами-носителями «Титан» и «Дельта» заставляют думать о том, что у НАСА, как и у космической программы военно-воздушных сил, впереди еще немало долгосрочных проблем. Эти же события красноречиво указывают нам также на огромные затраты и риск — неизбежную дань программам, предусматривающим запуск в космос тысяч единиц военных грузов.

Трагедия с космическим челноком, как и катастрофа на советском ядерном реакторе, должны были бы также напомнить нам о человеческой склонности ошибаться, как и об опасности целиком доверяться технике в деле обеспечения нашей безопасности в долгосрочном плане. Как я уже отмечал, систему СОВИ нельзя никогда испытать в полном объеме. Ее сенсорные устройства могут ошибочно принять какую-нибудь аварию на ядерном реакторе или какое-то явление на земле за начало ракетной атаки и запустить перехватчики СОВИ. Если некоторые из них поразят советские спутники, «курок» непреднамеренной ядерной войны между сверхдержавами будет спущен, и, наоборот, система в целом может не сработать в случае настоящего ядерного нападения.

И, наконец, стоит повторить, что СОВИ призвана обеспечить защиту только от одного вида доставки ядерного оружия — баллистических ракет. Даже самая совершенная и всесторонняя система «звездных войн» не защитит нас от советского ядерного нападения с помощью бомбардировщиков или крылатых ракет наземного и морского базирования. Горы нового оборонительного оружия против этих средств повлекут за собой новые технические проблемы и затраты. И даже если у нас были бы готовы и эти

средства обороны, наши города оставались бы уязвимы для ядерного нападения с помощью контрабандной бомбы в чемодане или, скажем, огромного взрыва на советском торговом судне в одной из наших гаваней.

Кинокадры мультфильмов о «звездных войнах» могут показаться элегантным балетом в космосе. Ракеты вылетают из своих шахт только для того, чтобы встретиться со сверкающими пучками энергии из летящих спутников. Тут и там яркие лучи легко касаются парящих в космосе конусов, заставляя их слабо вздрагивать. Зеркала поворачиваются и отражают лучи, посланные с земли. Ракеты взмывают из толщи океанов, а самолеты скользят к небесам, преследуя другие летающие объекты. Ракеты, поднимаясь, вращаются, скользят вперед и возвращаются назад, чтобы быть встреченными другими ракетами, поднимающимися для перехвата...

О чем, однако, забывает зритель — так это о том, что на экране вовсе не какой-то небесный танец, а ядерная война. Война, которая, даже если СОВЕТСКИЙ СОЮЗ продемонстрирует все свои способности, будет причиной бесчисленных смертей и разрушений на Земле.

Написано это не для того, чтобы сказать, что исследования в области ПРО не должны продолжаться. Они должны продолжаться. Но размещение любой из систем, которые могут быть созданы в эти ближайшие десятилетия, вряд ли приведет к чему-либо другому, кроме как к мощному ускорению гонки вооружений.

НОВЫЕ КНИГИ

Время народной дипломатии — это время углубленных познаний по самым важным для человечества и для каждого человека вопросам. В том числе и тем, что затронуты в книге Роберта Макнамары и двух новых изданиях редакции «Общественные науки и современность» издательства «Наука»:

Стратегическая стабильность в условиях радикальных сокращений ядерных вооружений.

Издание на русском, английском, испанском, немецком и французском языках. Редакция «Общественные науки и современность» издательства «Наука». 1989 год.

Комитет советских ученых в защиту мира, против ядерной угрозы образовал специальную рабочую группу для проведения исследования по проблеме радикального сокращения ядерных вооружений, сведения военных потенциалов сторон до пределов разумной достаточности (руководители академик Р. Сагдеев и член-корреспондент АН СССР А. Кокошин). Одной из центральных задач комитета стало определение условий обеспечения устойчивости военно-стратегического равновесия на различных этапах сокращения ядерного оружия — на 50, 75 и 95 процентов по сравнению с состоянием на вторую половину 80-х годов. Работа проводилась с применением компьютерной диалоговой системы. Результаты исследования нашли свое отражение в предлагаемом вниманию читателей издании. Не претендуя на всестороннее освещение сложнейшей и многоплановой проблемы, оно представляет несомненный вклад в решение важнейшего вопроса современной мировой политики.

Разумная достаточность и новое политическое мышление

Издание на русском, английском, испанском языках. Редакция «Общественные науки и современность» издательства «Наука». 1989 год.

Одним из важнейших элементов нового политического мышления, утверждающегося в подходах СССР к международным делам, является концепция разумной достаточности. Эта концепция в наши дни, в условиях перестройки становится основой для новых предложений СССР в военной сфере, для пересмотра многих традиционных взглядов на национальную безопасность. Что же такое разумная достаточность? Существуют ли объективные критерии для «разумности» и «достаточности» в военной сфере? Имеется ли исторический опыт использования принципов разумной достаточности в военной политике государств? Что может означать новый курс Советского Союза в военной сфере для стратегической стабильности? Каковы его потенциальные последствия для безопасности СССР и США, Западной Европы, для «третьего мира»?

На все эти вопросы отвечает книга ведущих советских исследователей Виталия Журкина, Сергея Караганова и Андрея Кортюнова «Разумная достаточность и новое политическое мышление», выходящая под эгидой Института Европы АН СССР. В книге на основе малоизвестных на Западе данных и оценок проводится комплексный анализ происходящих в советской военной стратегии изменений, общественно-политической дискуссии вокруг этих изменений, исследуются их перспективы в ближайшем и более отдаленном будущем.

* * *

Заказ на эти книги можно направить в Центральную контору «Академкнига» (103012, Москва, Б. Черкасский пер., 2/10).

Роберт Макнамара
ПУТЕМ ОШИБОК — К КАТАСТРОФЕ

Перевод с английского

Редактор *И. Горелов*
Зав. редакцией *М. Гончарук*
Художественный редактор *П. Ефремов*
Технический редактор *И. Шумилина*
Корректор *Г. Барчукова*

Редакция «Общественные науки и современность»
издательства «Наука»
Москва, ГСП, 121818, Арбат, 33/12

Сдано в набор. 11.05.88. Подписано в печать 26.12.88

Формат 60×90¹/₁₆. Бумага для глубокой печати

Печать офсетная

Гарнитура литературная. Усл. печ. л. 9,5

Уч.-изд. л. 8,61. Тираж 50 000 (1 завод 1—25 000) экз.

Изд. № 315388. Заказ 1609

Цена 60 коп.

Цена 60 коп.